

УДК 327
ББК 68.8
А72

Рецензент:

Е. П. Бужинский, генерал-лейтенант (запаса),
кандидат военных наук

Координаторы проекта:

А. С. Колбин, И. В. Трушкин

Редакторы:

Н. А. Богатырева, Т. Б. Рябикова

Антонов А. И.

А72 Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы / А. И. Антонов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; ПИР–Центр, 2012. – 245 с.

ISBN 978-5-8243-1705-3

В монографии на основе глубокого анализа рассматривается эволюция подходов к режиму контроля над вооружениями, его современное состояние и ближайшие перспективы. Используя уникальный опыт работы в Министерстве иностранных дел и Министерстве обороны России, автор рассматривает российско-американские отношения в области контроля над вооружениями через призму нового Договора о СНВ, вопросы противоракетной обороны, нестратегического ядерного оружия и неразмещения оружия в космосе.

Книга предназначена для дипломатов, экспертов, специалистов по международному праву, журналистов, аспирантов и всех интересующихся проблематикой международной безопасности. Автор – видный дипломат, в качестве члена и руководителя российских делегаций принимал участие в ключевых переговорах по контролю над вооружениями и ядерному нераспространению. В частности, возглавлял российскую делегацию на переговорах с США по новому Договору о СНВ, подписанному 8 апреля 2010 года.

УДК 327
ББК 68.8

ISBN 978-5-8243-1705-3

© Антонов А. И., 2012

© ПИР–Центр, 2012

© Российская политическая энциклопедия,
2012

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	6
ВВЕДЕНИЕ	8
I. ОГРАНИЧЕНИЕ И СОКРАЩЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ	13
1.1. Становление режима контроля над ядерными вооружениями	14
1.2. Ретроспектива соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений	22
1.2.1. Договор ОСВ-1	22
1.2.2. Договор ОСВ-2	24
1.2.3. Договор о РСМД	26
1.2.4. Договор СНВ-1	30
1.2.5. Договор СНВ-2	33
1.2.6. Договор о СНП	38
1.3. Новый Договор о СНВ – ДСНВ-2010	40
1.3.1. Подготовка Договора	40
1.3.2. Существо достигнутых договоренностей	42
1.3.3. Правила засчета	46
1.3.4. Система контроля и телеметрия	47
1.3.5. Взаимосвязь между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями	49
1.3.6. Преимущества Договора	51
1.3.7. Анализ ратификационной резолюции Сената США. Позиция Государственной думы и Совета Феде- рации Федерального Собрания Российской Федерации	53
1.4. Перспективы дальнейшего ограничения ядерных вооружений	63
1.4.1. Факторы, обуславливающие перспективы дальнейших сокращений СНВ	63
1.4.2. Проблема ракет средней и меньшей дальности	66
1.4.3. Проблема нестратегического ядерного оружия в российско-американских отношениях	70
1.4.4. Многосторонние переговоры стран – обладателей ядерного оружия	78

II. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ	81
2.1. Исторические аспекты развития систем ПРО	82
2.1.1. Развитие систем ПРО в США	82
2.1.2. Развитие систем ПРО в СССР (России)	91
2.2. Договор по ПРО	93
2.2.1. Становление режима Договора по ПРО и его значение для стратегической стабильности	93
2.2.2. Переговоры по разграничению ПРО	96
2.2.3. Попытки модификации Договора по ПРО	99
2.2.4. Разрушение Договора по ПРО	102
2.2.5. Анализ причин, объявленных Соединенными Штатами для выхода из Договора по ПРО	105
2.3. Сотрудничество России и США в области ПРО	109
2.3.1. Политические основы сотрудничества России и США в области ПРО	109
2.3.2. Обсуждение вопросов прозрачности деятельности сторон в области ПРО	116
2.3.3. Направления практического сотрудничества России и США в области ПРО	117
2.4. Сотрудничество России и НАТО по европейской ПРО	123
 III. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМОСА	 133
3.1. Эволюция взглядов на использование космического пространства в военных целях	134
3.2. Взгляды США на использование космического пространства в военных целях и международно-правовое регулирование военно-космической деятельности	137
3.3. Оценка опасности милитаризации космического пространства	145
3.4. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности	151
3.4.1. Существующие международные договоренности по военному использованию космоса	151
3.4.2. Военно-космическая деятельность, не регулируемая международными договоренностями	155
3.4.3. Предложения по международно-правовому регулированию предотвращения размещения оружия в космосе	157

IV. ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ	168
4.1. Состояние и тенденции распространения ядерного оружия в мире	169
4.2. Международно-правовая база в сфере ядерного нераспространения	173
4.2.1. Договор о нераспространении ядерного оружия	174
4.2.2. Зоны, свободные от ядерного оружия	178
4.2.3. Запрещение ядерных испытаний	180
4.2.4. Режимы контроля ядерного экспорта	182
4.2.5. Физическая защита ядерных материалов	185
4.2.6. Внутреннее законодательство стран–участниц ДНЯО	189
4.3. Современные проблемы международно-правового режима ядерного нераспространения	190
4.3.1. Универсальность ДНЯО	191
4.3.2. Вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний	192
4.3.3. Сокращение ядерных вооружений	194
4.3.4. Гарантии безопасности неядерным государствам	198
4.3.5. Создание новых зон, свободных от ядерного оружия	202
4.3.6. Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия	209
4.3.7. Укрепление нераспространенческих механизмов ...	211
4.3.8. Мирное использование ядерной энергии	215
4.3.9. Актуальные задачи по укреплению режима ядерного нераспространения	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	222
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	225

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЖРК	— боевой железнодорожный ракетный комплекс
БР	— баллистическая ракета
БРПЛ	— баллистическая ракета подводных лодок
БРВЗ	— баллистическая ракета «воздух — земля»
ВМБ	— военно-морская база
ГЧ	— головная часть
ГЯП	— Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	— Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДН	— Движение неприсоединения
ДКК	— Двусторонняя консультативная комиссия
ДНЯО	— Договор о нераспространении ядерного оружия
ДП	— Дополнительный протокол
ДПРОК	— Договор о предотвращении размещения оружия в космосе
ДСНВ-2010	— Договор между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений
ЗПРМ	— запрещение производства расщепляющихся материалов
ЗСЯО	— зона, свободная от ядерного оружия
ЗСОМУ	— зона, свободная от ОМУ и средств его доставки
ИБОР	— Инициатива по безопасности в борьбе с распространением
КБТО	— Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия
КЗХО	— Конвенция о запрещении химического оружия
КПК	— Кодекс поведения в космосе
КРВБ БД	— крылатая ракета воздушного базирования большой дальности
КРМБ БД	— крылатая ракета морского базирования большой дальности
МАГАТЭ	— Международное агентство по атомной энергии
МБР	— межконтинентальная баллистическая ракета
МСУО	— многофункциональная система управления оружием

НАТО	— Организация Североатлантического договора
НПО	— неправительственная организация
НСЯО	— нестратегическое ядерное оружие
НТСК	— национальные технические средства контроля
ОВВС	— объединенные военно-воздушные силы
ОВД	— Организация Варшавского договора
ОМУ	— оружие массового уничтожения
ООН	— Организация Объединенных Наций
ОТРК	— оперативно-тактический ракетный комплекс
ОЦУ	— объединенный центр управления
ОЯТ	— отработавшее ядерное топливо
ПВО	— противовоздушная оборона
ПГВКП	— предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве
ПРО	— противоракетная оборона
ПРОК	— предотвращение размещения оружия в космосе
ПУ	— пусковая установка
РГ СРН	— Рабочая группа Совета Россия — НАТО
РГЧ	— разделяющаяся головная часть
РГЧ ИН	— разделяющаяся головная часть индивидуального наведения
РЛС	— радиолокационная станция
РСД	— ракеты средней дальности
РСМД	— ракеты средней и меньшей дальности
СБ	— Совет Безопасности
СНВ	— стратегические наступательные вооружения
СОИ	— Стратегическая оборонная инициатива
СПРН	— система предупреждения о ракетном нападении
СРН	— Совет Россия — НАТО
СЯС	— стратегические ядерные силы
ТБ	— тяжелый бомбардировщик
ТВД	— театр военных действий
ТМИ	— телеметрическая информация
ТПР	— третий позиционный район
ЦОД	— Центр обмена данными
ШПУ	— шахтная пусковая установка
ЭМИ	— электромагнитный импульс
ЯБЗ	— ядерные боезаряды
ЯМ	— ядерный материал
ЯО	— ядерное оружие
ЯТЦ	— ядерный топливный цикл

ВВЕДЕНИЕ

Проблема контроля над вооружениями ввиду ее важности для обеспечения стратегической стабильности и международной безопасности постоянно находится в фокусе внимания государственных и политических деятелей, экспертов и ученых различных профилей, общественности, средств массовой информации. Широкий диапазон высказываемых по данной проблеме мнений, порой диаметрально противоположных, свидетельствует о ее сложности и неоднозначности, подчеркивает необходимость ее глубокого системного рассмотрения.

Даже сам термин «контроль над вооружениями», хотя он и применяется уже более полувека в качестве одной из важнейших военно-политических категорий, как это ни парадоксально, до сих пор не имеет единой трактовки.

Термин «контроль над вооружениями» («arms control») впервые появился в американских документах и в литературе еще в 1950-х годах. Ему придавался прежде всего военно-технический характер. Под «контролем» понималось «ограничение численности, типов вооружений или вооруженных сил, их развертывания и размещения, а также использования тех или иных вооружений». Считалось также, что контроль над вооружениями включает и меры, направленные на уменьшение опасности развязывания случайной войны и угрозы внезапного нападения. Сокращение и ликвидация вооружений или вооруженных сил попадали в иное понятие — «разоружение».

В последующих западных определениях терминов единства не было и, судя по всему, нет до сих пор. Различные трактовки содержатся в десятках источников. Так, например, в 1976 году Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI) давал следующую формулировку: «Контроль над вооружениями имеет целью уменьшение вероятности войны, а разоружение (disarmament) — значительное сокращение или ликвидацию вооружений, осуществляемую на основе международных соглашений».

В Ежегоднике ООН 1989 года «разоружение» трактовалось как термин, включающий «все аспекты проблемы регулирования вооружений, контроля над вооружениями, сокращения или ликвидации

вооружений или вооруженных сил в результате международных соглашений или односторонних мер». В политическом же словаре, изданном в США, говорилось, что «контроль над вооружениями — это любое международное соглашение, которым ограничиваются типы и численность вооружений или вооруженных сил».

В Советском Союзе термин «контроль над вооружениями» длительное время по существу вообще игнорировался и даже подвергался критике. Считалось, что контроль над вооружениями «по-американски» призван не прекратить гонку вооружений, а лишь узаконить ее в выгодных для Соединенных Штатов рамках. В противовес этому в Советском Союзе использовались термины «ограничение и сокращение вооружений» и «разоружение»¹. Но постепенно термин «контроль над вооружениями» стал входить и в отечественный лексикон.

В данной монографии под контролем над вооружениями будем понимать комплекс мер, направленных на прекращение наращивания вооружений, их ограничение, сокращение, ликвидацию, а также на предотвращение распространения ядерных вооружений на основе международных соглашений и договоренностей.

Этот комплекс мер включает в себя два блока: первый — ограничение и сокращение ядерных вооружений (разоружение), в том числе контрольный механизм и транспарентность, второй — предотвращение распространения ядерного оружия (нераспространение)².

Собственно идея разоружения уходит своими корнями вглубь веков. Некоторые авторы считают, что она была оформлена еще в Ветхом Завете в Книге пророка Исаяи: «И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы»³.

Однако практическая реализация идей разоружения началась, по сути, лишь во второй половине XX века, что было обусловлено появлением новых систем оружия, имеющих глобальное значение для

¹ Семейко Л. С. Контроль над вооружениями каждый понимает по-своему: придется искать современные подходы к решению проблем военной безопасности // Независ. воен. обозрение. 2005. 2 декабря.

² В некоторых работах «контроль над вооружениями» рассматривается как синоним термина «ограничение вооружений», означающего «один из ключевых принципов и направлений современной мировой политики, который заключается в ограничении ядерных вооружений определенным лимитом» (Обухов А. А. Ограничение ядерных вооружений, ОЯВ // Ядерное нераспространение: краткая энциклопедия / И. А. Ахтамзян [и др.]; гл. ред. А. В. Хлопков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР–Центр, 2009. С. 218).

³ International arms control: issues and agreements / ed. by C. B. Blacker, G. Duffy. 2nd ed. Stanford: Stanford university press, 1984. P. 1.

международной безопасности, — ядерного оружия, средств его доставки на межконтинентальную дальность, стратегических систем противоракетной обороны, потенциальных военно-космических систем.

Проблематике международно-правового контроля именно таких систем оружия, влияния тесно связанных с ним вопросов противоракетной обороны, ситуации с перспективами размещения в космосе оружия любого рода (ядерное оружие в космосе запрещено), а также влияния нераспространения ядерного оружия на процесс ядерного разоружения и посвящена данная монография⁴.

Первая глава монографии рассматривает вопросы сокращения и ограничения ядерных вооружений, прежде всего стратегических наступательных вооружений двух ведущих ядерных держав — России (СССР) и США.

Этому вопросу уделено особое внимание. Это и понятно, поскольку двусторонние российско-американские (советско-американские) переговоры по СНВ являются, по сути, центральным элементом разоруженческого процесса в ядерной сфере. При этом двусторонний диалог ведущих ядерных держав по ограничению СНВ важен не только сам по себе, но имеет и ключевое значение для других разоруженческих процессов. Успехи в ограничении СНВ в годы холодной войны стимулировали переговоры по контролю и над другими видами оружия.

Непосредственно к ограничению СНВ примыкает проблематика противоракетной обороны. Ведь ограничение возможностей стратегических оборонительных систем играет фундаментальную роль для ограничения стратегических ядерных вооружений. Рассмотрению вопросов международно-правового регулирования развития систем противоракетной обороны посвящена вторая глава монографии.

Третья глава монографии рассматривает контроль над военно-космической деятельностью. Возможное размещение оружия в космосе и превращение космического пространства в потенциальную арену военных действий представляет существенную угрозу для стратегической стабильности. По своей сути космическое оружие также можно отнести к стратегическому оружию. Та страна, которая будет иметь оружие в космосе, получит значительные стратегические преимущества и по существу сможет монополизировать доступ в космическое пространство и его использование.

Четвертая глава монографии посвящена ядерному нераспространению. Эта проблема в последние годы выходит на приоритетное место в обеспечении глобальной международной безопасности. Ситуа-

⁴ В исследовании отдельно не рассматриваются проблемы контроля над такими видами оружия массового уничтожения, как химическое и биологическое оружие, а также над обычными вооружениями.

ция в области нераспространения напрямую влияет на перспективы ядерного разоружения.

В рассматриваемых в монографии областях контроля над вооружениями уже накоплен значительный опыт и создана соответствующая международно-правовая база. Однако в последние годы международно-правовой процесс контроля над вооружениями, характеризовавшийся ранее бурным ростом, переживает не лучшие времена. Практически все сферы контроля над вооружениями испытывают те или иные проблемы, подчас весьма серьезные. Некоторые специалисты даже говорят о четко наметившемся системном кризисе в сфере контроля над вооружениями.

Несмотря на успех российско-американских переговоров по СНВ, закончившихся подписанием ДСНВ-2010, вне международных переговоров по ограничению СНВ остаются другие ядерные страны.

Вызывает озабоченность ситуация, складывающаяся вокруг ракет средней и меньшей дальности. Ракеты этих двух классов были уничтожены двумя ведущими ядерными державами в соответствии с Договором о РСМД еще в 1991 году, но с тех пор этому международно-правовому акту так и не было придано универсального характера. Более того, все большее число государств разрабатывают и принимают такие ракеты на вооружение.

До сих пор вне международно-правовой сферы контроля остается нестратегическое ядерное оружие. Этот класс вооружений ограничивался лишь на основе политических инициатив ведущих ядерных держав 1990-х годов. Начало переговоров по нестратегическому ядерному оружию блокируется рядом серьезных политических и технических проблем.

Прекратил существование Договор по ПРО после выхода из него в 2002 году Соединенных Штатов. Попытки же решить проблему дальнейшего расширения ПРО США международно-правовым путем не приводят к результатам.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, подписанный еще в 1996 году, так и не вступил в силу, поскольку не был ратифицирован рядом стран, включая Соединенные Штаты и Китай.

Длительное время находится в тупике ситуация на Конференции по разоружению в Женеве. В результате заблокированы переговоры по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и договору о предотвращении размещения оружия в космосе.

Торможение разоруженческого диалога оказывает негативное влияние на режим нераспространения ядерного оружия.

Проведение в 1998 году Индией и Пакистаном испытаний своего ядерного оружия потрясло режим нераспространения и поставило серьезный вопрос о ядерном статусе этих государств. Остается вне ДНЯО и Израиль с мощной военной ядерной программой. В 2003 году вышла из ДНЯО и провела ядерные испытания Северная Корея. Сохраняются серьезные вопросы относительно ядерной программы Ирана.

Другие страны также начинают раздумывать о ядерном потенциале как о факторе повышения своего международного и регионального статуса. Уже сегодня, по данным МАГАТЭ, существует около 30 стран, обладающих потенциалом создания ядерного оружия.

Нынешние механизмы разоружения и нераспространения не приспособлены для эффективного реагирования на новые вызовы международной безопасности, включая возможную смычку ядерного оружия и терроризма. Происходит распространение технологий, чувствительных с точки зрения создания ядерного оружия.

С учетом этих негативных тенденций высказываются сомнения в жизнеспособности в современных условиях международно-правовых механизмов контроля над вооружениями.

Разумеется, не все так мрачно. Так, например, предпринимаются серьезные усилия по укреплению режима нераспространения, создается дополнительная «страховочная сетка» из различного рода договоренностей и инициатив. Однако полностью остановить негативные тенденции в области нераспространения пока не удастся.

В этих условиях значимость рекомендаций в области контроля над вооружениями существенно возрастает. Такие рекомендации должны разрабатываться на основе глубокого изучения исторического опыта создания и развития международно-правовой системы контроля над вооружениями, анализа ее современного состояния и прогноза перспектив ее совершенствования. Рассмотрению этих вопросов и посвящена данная монография.

I. ОГРАНИЧЕНИЕ И СОКРАЩЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Начиная с конца 1960-х годов ведущие ядерные державы мира — СССР и США — начали переговорный процесс по ограничению и сокращению своих стратегических ядерных вооружений. Результатом этого процесса стал целый ряд двусторонних соглашений, последнее из которых — новый ДСНВ — было подписано в 2010 году. Зачастую именно с этими соглашениями и ассоциируется система контроля над ядерными вооружениями.

На протяжении нескольких десятилетий советско(российско)-американский договорный процесс сокращения ядерных вооружений не только находился в центре двусторонних отношений, но и, по сути, определял состояние международной безопасности. Позитивные результаты переговоров между Россией и США оказали важное влияние и на разоружение в других сферах.

Вместе с тем двусторонние переговорные процессы затронули лишь часть систем ядерных вооружений сторон — стратегические наступательные вооружения и ракеты средней и меньшей дальности. В договорное поле не попал обширный класс нестратегических (тактических) ядерных систем.

Вне международно-правовой сферы находятся и ядерные вооружения других официальных членов ядерного клуба — Великобритании, Франции и Китая, хотя в соответствии с ДНЯО все его участники «обязуются в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению...»⁵.

С учетом того, что режим ядерного нераспространения сталкивается в последние годы со все более серьезными вызовами, вопрос о соблюдении этого требования ДНЯО приобретает весьма существенное значение, тем более что страны Движения неприсоединения, да и многие неядерные западные государства увязывают принятие допол-

⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия: [одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

нительных ограничительных мер в области ядерного нераспространения с конкретными планами ядерных держав, в первую очередь России и США, на пути ядерного разоружения. Для подтверждения этого тезиса достаточно посмотреть на материалы последней обзорной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010 года. Добавим, что данные проблемы рассмотрены в IV главе монографии.

1.1. Становление режима контроля над ядерными вооружениями

Одновременно с созданием, количественным накапливанием и совершенствованием ядерного оружия начал зарождаться и курс на противодействие этому процессу. Напомним, что уже при первом взрыве американской атомной бомбы в Аламогордо, после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и последующих ядерных испытаний стало ясно, к каким катастрофическим последствиям может привести применение ядерного оружия.

Начало международно-правовому обсуждению проблемы ядерного оружия было положено вскоре после окончания Второй мировой войны.

В декабре 1945 года на совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве было принято решение предложить первой сессии Генассамблеи ООН создать комиссию по одной из наиболее злободневных послевоенных тем — атомной энергии.

Хотя СССР, США и Великобритания единодушно высказались за создание Комиссии по атомной энергии, это вовсе не означало, что они были едины при выборе путей решения проблемы атомной энергии, у сторон были разные интересы. США и Великобритания как участники совместной разработки ядерного оружия, а Соединенные Штаты к тому же как монополющий его обладатель были заинтересованы в том, чтобы такое состояние продолжалось как можно дольше. Советский Союз официально был против производства и применения ядерного оружия, но хотел выйти на одну линию с бывшими союзниками в отношении его разработки и испытаний. Руководство страны стремилось обезопасить государство на тот случай, если США захотели бы возобновить производство ядерного оружия, денонсировав возможный договор.

На первом заседании Комиссии ООН по атомной энергии 14 июня 1946 года представитель США Б. Барух огласил инициативу запрещения ядерного оружия, вошедшую в историю под названием «план Баруха». Центральным звеном этого плана была идея создания фор-

мально в рамках ООН, но вне сферы компетенции Совета Безопасности «международного» контрольного органа с передачей в его собственность всех атомных ресурсов государств и с полномочиями владеть и управлять атомными предприятиями, а также производить обследование и инспекции «как в пределах отдельных государств, так и в мировом масштабе»⁶.

«Международный» контрольный орган, по «плану Баруха», наделялся правом применять санкции, в том числе военные, против любой страны, которая бы вопреки его воле решила овладеть собственными запасами атомного сырья. На территории суверенных государств этот орган мог бы направлять «охрану, состоящую из войск ООН», с целью «обороны» принадлежащих ему атомных предприятий.

Соединенные Штаты пытались представить идеи Баруха в ООН как план атомного разоружения. Однако в соответствии с данными американскими предложениями вопросы, связанные с контролем за производством атомного оружия, должны были решаться лишь на самой последней стадии реализации указанного плана. На первом же этапе, сроки осуществления которого определены не были, все сводилось к созданию «международного» органа и к установлению с его стороны всеобъемлющего контроля, прежде всего над атомным сырьем.

По сути, цель плана состояла в том, чтобы закрепить атомную монополию США и связать другие страны, прежде всего Советский Союз, обязательствами отказаться от осуществления каких бы то ни было ядерных программ. Советскому Союзу не разрешалось иметь ни исходных расщепляющихся материалов, ни собственной атомной технологии. Ясно, что у СССР были веские причины отклонить американское предложение.

Под давлением США «план Баруха» в целом был одобрен Комиссией ООН по атомной энергии, а затем и Генеральной Ассамблеей ООН. Однако появление в 1949 году атомного оружия у Советского Союза означало, что дальнейшее обсуждение в ООН этого плана, рассчитанного на закрепление атомной монополии США, стало беспредметным.

В ответ на «план Баруха», отражавший американские интересы, СССР внес в рамках Генассамблеи ООН в 1946 году проект международной конвенции в отношении атомного оружия. Государствам — участникам будущей конвенции Советский Союз предложил принять следующие обязательства:

⁶ The Baruch plan: [presented to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946] // Atomic Archive. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/BaruchPlan.shtml> (дата обращения: 22.07.2012).

- не применять ни при каких обстоятельствах атомное оружие;
- запретить производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии;
- уничтожить в трехмесячный срок, считая со дня вступления в силу настоящей конвенции, весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия⁷.

Однако запрещение производства и хранения, а также уничтожение запасов атомного оружия не охватывало процесс создания и испытания такого оружия. США и Великобритания выступили против советской инициативы, она требовала ликвидации американского атомного оружия (у СССР в то время его не было) и позволяла Советскому Союзу создать и испытать атомную бомбу, не нарушая принятых обязательств.

Предложения США и СССР исходили, разумеется, из интересов безопасности и достижения стратегических целей выдвинувших их государств. И основное их назначение состояло прежде всего в политическом и пропагандистском обеспечении разворачивавшейся между ними гонки ядерных вооружений. В существовавших тогда условиях работа Комиссии ООН была неизбежно обречена на провал. Основы для достижения договоренности не просматривалось, поэтому Комиссия по атомной энергии вскоре прекратила свое существование.

В это же время между СССР и США развернулась гонка ядерных вооружений. Советский Союз стремился любой ценой догнать США по количеству ядерных вооружений. Соединенные Штаты в свою очередь пытались сохранить и нарастить свое преимущество. В итоге шло интенсивное наращивание ядерных арсеналов сторон.

Наряду с количественной развернулась и качественная гонка вооружений. Совершенствование стратегических наступательных вооружений одной стороны рассматривалось другой стороной как угроза собственной безопасности, вызывая ответную реакцию. Стремление ограничить ущерб для своей территории путем нанесения по противнику внезапных ударов с задачей уничтожения его ядерных сил приводило к созданию вооружений с высокой точностью доставки и большой мощностью, на что другая сторона отвечала созданием подобных систем вооружений, обладающих при этом еще и повышенной живучестью.

И все же, несмотря на то что в условиях холодной войны советско-американские отношения носили напряженный характер, под воздействием целого ряда обстоятельств Советский Союз и США перешли

⁷ История дипломатии / А. С. Аникин [и др.]; под ред. А. А. Громыко [и др.]. М.: Издательство политической науки, 1974. Т. 5. Кн. 1. С. 653.

к решению проблемы ограничения ядерных вооружений, подготовке международно-правовых договоренностей, которые предотвращали возможность возникновения ядерной войны между двумя самыми могущественными державами мира.

К таким обстоятельствам следует отнести следующие:

- на рубеже 1970-х годов в стратегических ядерных вооружениях между СССР и США сложился примерный паритет;

- в качестве средств доставки ядерных боезарядов появились межконтинентальные баллистические ракеты, и США перестали чувствовать себя неуязвимыми;

- по мере роста ядерных арсеналов стало появляться понимание того, что в гонке вооружений невозможно достичь победы, что дальнейшее наращивание ядерного потенциала не принесет ощутимых выгод в плане достижения военного превосходства над вероятным противником и укрепления собственной безопасности;

- был сделан важный вывод и о невозможности победы в мировой ядерной войне, которая в случае ее возникновения приведет к полному взаимному уничтожению сторон и глобальным экологическим последствиям для всей планеты;

- у сторон появился значительный переизбыток ядерных вооружений, способных многократно уничтожить друг друга;

- существовал достаточно важный экономический аспект гонки вооружений — все серьезнее ощущалась тяжесть бремени военных расходов, которые в перспективе могли только возрастать.

Эти побудительные мотивы сподвигли СССР и США вступить в переговоры по ограничению стратегических ядерных вооружений.

Стороны пришли к тривиальному на сегодня и далеко не очевидному для того времени выводу, что военная безопасность в принципе может обеспечиваться двумя путями — наращиванием вооружений и путем сокращения вооружений до равных (или примерно равных) уровней.

Но первый путь ведет к раскручиванию гонки вооружений, подрыву стабильности, губительному напряжению в экономике. И поэтому выбор был сделан в пользу второго пути — предпочтительности политических средств перед военно-техническими в деле обеспечения безопасности.

Немаловажное влияние в этом плане имели и события Карибского кризиса 1962 года. Стороны столкнулись с реальностью ядерной войны и осознали ее недопустимость. Впервые было осознано и то, что в кризисных ситуациях руководители ядерных держав должны иметь возможность быстрого установления контакта друг с другом с тем, чтобы исключить ошибки в оценке действий и намерений друг

друга и найти выход из создающихся ситуаций. В этих целях 20 июля 1963 года СССР и США подписали Меморандум об установлении линии прямой связи, а с 31 августа того же года эта линия начала действовать, получив название «линия горячей связи».

Таким образом, начиная со второй половины 60-х годов прошлого века важное место в системе обеспечения военной безопасности СССР и США стал занимать и договорный путь. При этом данный процесс укрепления безопасности стал не полной альтернативой, а лишь дополнением к традиционному военно-техническому пути укрепления безопасности. Поэтому, несмотря на подписание первых соглашений по ограничению СНВ, стороны продолжали усиливать и наращивать свои ядерные потенциалы. Тем не менее соглашения по контролю над ядерным оружием придавали гонке вооружений более предсказуемый характер, перекрывали наиболее опасные ее направления (например, вывод ядерного оружия в космос) и позволяли концентрировать усилия на наиболее обещающих направлениях совершенствования оружия. При этом предполагалось и получение возможных односторонних преимуществ в результате четкого отстаивания своей позиции на переговорах.

Еще до достижения первых договоренностей по СНВ Советский Союз и США подписали ряд важных соглашений по ядерным вооружениям. Среди них: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 год); Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 год); Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (1971 год); Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США (1971 год).

Первый практический шаг на пути взаимного ограничения ядерных вооружений двух ведущих ядерных держав был предпринят в ноябре 1969 года, когда были начаты первые советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений. Переговоры проходили в Хельсинки в обстановке строгой конфиденциальности. Делегации были немногочисленными и формировались из специалистов высокого государственного уровня.

Началу переговоров предшествовали конфиденциальные контакты председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с руководством США (в частности, с участием министра обороны Р. Макнамары), в ходе которых затрагивалась проблема создания систем ПРО. Советский Союз, лидируя в то время в разработке средств противоракетной обороны (ПРО вокруг Москвы), считал неверным запрещение «никому не угрожающих» оборонительных систем. США

выступали за то, чтобы стороны ограничили системы противоракетной обороны, считая (и вполне обоснованно), что создание таких систем обеими странами приведет лишь к еще большей гонке стратегических наступательных вооружений.

Начатые в 1969 году переговоры завершились подписанием 26 мая 1972 года Временного соглашения между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-1). Одновременно с Договором ОСВ-1 стороны подписали Договор об ограничении систем противоракетной обороны, ставший фундаментальным соглашением для ядерного разоружения. Существенно ограничив возможности противоракетной защиты СССР и США, Договор по ПРО дал тем самым толчок дальнейшему процессу сокращения СНВ и его договорно-правового оформления.

Впоследствии был подписан целый ряд двусторонних соглашений по ограничению ядерных вооружений:

- Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-2, 1979 год);

- Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности (Договор о РСМД, 1987 год);

- Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1, 1991 год);

- Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-2, 1993 год);

- Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор о СНП, 2002 год);

- Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-2010, 2010 год).

При этом Договор СНВ-2, Договор о СНП и ДСНВ-2010 заключались США уже с Россией. Наша страна как международно признанный правопреемник Советского Союза взяла на себя обязательства бывшего СССР по ядерным вооружениям и продолжила линию на их дальнейшие сокращения.

Благодаря соглашениям по СНВ ведущие ядерные державы вначале замедлили программы количественного наращивания стратегических наступательных вооружений, потом приостановили их и, наконец, стали реально сокращать такие вооружения. Процесс контроля над СНВ постепенно приобрел свою собственную инерцию, логику, модели развития. Наряду с сокращением количества вооружений стороны стали ограничивать их качественное совершенствование и режимы функционирования. Постепенно меры ограничения

дополнялись системами контроля выполнения соглашений и мерами доверия.

Безусловно, любое соглашение по СНВ является результатом компромиссов и взаимных уступок. В ходе переговоров каждая из сторон исходит из своего собственного представления о безопасности и пытается навязать партнеру свое видение количественной и качественной структуры ядерных сил, при котором безопасность будет укрепляться.

В то же время в ходе переговоров сторонами был выработан и применен на практике ряд общих основополагающих принципов.

Одним из важнейших таких принципов стал принцип равенства и одинаковой безопасности. Этот принцип был закреплен в подписанном 29 мая 1972 года совместном документе — Основы взаимоотношений между СССР и США.

В Основах взаимоотношений подчеркивалось, что «необходимыми предпосылками для поддержания и укрепления между СССР и США отношений мира являются признание интересов безопасности сторон, основывающейся на принципе равенства, и отказ от применения силы или угрозы ее применения»⁸.

Считалось, что ключ к успеху советско-американских переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений — соблюдение обеими сторонами принципа равенства и одинаковой безопасности и перевод его на язык конкретных обязательств сторон.

Принцип равенства и взаимной безопасности предусматривал необходимость поддержания примерного паритета сторон в вооружениях, сочетания их количественных и качественных характеристик, определенного динамического равновесия между сторонами (с учетом их различного геостратегического положения, дислокации их ядерных сил и сил их союзников и т. д.).

Этот принцип был заложен в основу переговоров с самого начала их возникновения. Собственно говоря, сами переговоры по ограничению СНВ стали возможными и начали вестись активно лишь тогда, когда СССР добился примерного равенства с США в стратегических ядерных силах. Именно в условиях баланса сил переговоры стали объективной необходимостью.

Реализация принципа равенства и одинаковой безопасности в договорах по ограничению СНВ юридически оформляла ядерный баланс, закрепляла способность группировок СНВ к сдерживанию

⁸ Text of the «Basic principles of relations between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics»: [May 29, 1972] // The American presidency project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=3438> (дата обращения: 22.07.2012).

противоположной стороны и тем самым способствовала укреплению национальной безопасности.

Таким образом, ограничение СНВ стало полноправным направлением обеспечения национальной безопасности (вместе с военно-технической и внешней политикой). При этом наряду с влиянием на военные (уменьшение опасности ядерной войны, поддержание баланса сил) и экономические (уменьшение расходов на гонку вооружений) аспекты национальной безопасности и стратегической стабильности следует отметить и чрезвычайно важное политическое, моральное и психологическое значение договоров по СНВ.

В годы холодной войны контроль над СНВ был ключевым звеном советско-американских отношений, которые представляли собой системообразующий элемент международной политики. Разоружение было наполнено колоссальным символическим смыслом как главный способ предотвращения всеобщей ядерной катастрофы.

При этом переговоры и соглашения в области СНВ сформировали особую и весьма специфическую сферу политических взаимоотношений государств и стали важным элементом внешней политики. Ограничивая те или иные системы вооружений контрагента по соглашению, разоружение лимитировало его возможности оказывать политическое давление угрозой силы, а поступаясь своими возможностями, можно было добиться уступок в других сферах взаимоотношений. Так, например, США за ряд уступок по Договору ОСВ-1 получили содействие СССР по прекращению войны во Вьетнаме.

Будучи зависимым от политических отношений между государствами, процесс переговоров сам стал влиять в свою очередь на международную политику государств. Советский Союз и США, за исключением нескольких эпизодов, были вынуждены учитывать позицию контрагента в региональных конфликтах, в других областях взаимоотношений, чтобы не подорвать то, что они считали главным вопросом национальной безопасности.

Так, например, несмотря на уход СССР в 1983 году с переговоров в ответ на начало развертывания американских ракет средней дальности в Европе, через полтора года Советский Союз счел более правильным вернуться за стол переговоров и попытаться решить проблемы своей безопасности дипломатическим, а не военным путем. При этом такое решение было принято в результате серьезного анализа складывавшейся военно-политической обстановки в Европе и диктовалось объективной необходимостью.

Кроме того, военно-политическое руководство СССР рассматривало контроль над вооружениями как одно из мощнейших средств завоевания и укрепления своего авторитета на международной арене.

не. Подтверждением этому могут служить многочисленные инициативы Советского Союза по предотвращению войн и конфликтов и полному запрету на ядерные вооружения. Правда, надо признать, что зачастую эти инициативы (например, программа М. С. Горбачева о полной ликвидации ядерного оружия к 2000 году) носили пропагандистский характер и серьезно не рассматривались странами Запада, где больше ориентировались на наши реальные программы развития ядерных сил, а не на декларации.

Диалог между СССР и США по ограничениям СНВ был не только чрезвычайно важен сам по себе, но имел и ключевое значение для других разоруженческих процессов. Успехи в этой важной области, относящейся к предотвращению ядерной войны и являвшейся в годы холодной войны главным вопросом международной политики, стимулировали переговоры по контролю над другими видами оружия.

Сфера контроля над вооружениями постепенно распространилась с тем или иным успехом на ядерные испытания, бактериологическое и химическое оружие, нестратегическое ядерное оружие, баллистические ракеты и ракетные технологии, вооруженные силы общего назначения и военную деятельность. При этом механизмы, отработанные в рамках соглашений по СНВ, накопленный в ходе их реализации опыт решения организационных и материально-технических проблем послужили хорошей основой для соглашений по ограничению различных видов вооружений.

1.2. Ретроспектива соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений

1.2.1. Договор ОСВ-1

Первым Договором по СНВ стало *Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения СНВ (Договор ОСВ-1)*. Договор ОСВ-1 был подписан одновременно с Договором по ПРО в Москве 26 мая 1972 года, заключен на 5 лет и вступил в силу 3 октября 1972 года.

Этот документ первым поставил реальный барьер на пути наращивания СНВ. Договором были наложены ограничения на количество пусковых установок МБР и БРПЛ, суммарный численный потолок которых был определен по состоянию на 1 июля 1972 года. После этого срока запрещалось строительство дополнительных стационарных пусковых установок МБР, а строительство дополнительных пусковых установок БРПЛ допускалось только в порядке замены равно-

го числа ПУ МБР старых типов, развернутых до 1964 года, или ПУ БРПЛ старых подводных лодок⁹.

Договор содержал ряд ограничений на переоборудование шахтных ПУ МБР. В частности, запрещалось переоборудование пусковых установок легких МБР и МБР старых типов, развернутых до 1964 года, в пусковые установки тяжелых МБР типов, развернутых после этого времени. Было также зафиксировано понимание, что в процессе модернизации и замены размеры шахтных пусковых установок МБР не будут значительно увеличены¹⁰.

По сути, запрет на переоборудование ПУ легких МБР и МБР старых типов в ПУ тяжелых МБР в сочетании с запретом на строительство дополнительных стационарных ПУ означал не что иное, как ограничение количества тяжелых МБР, по которым у СССР было значительное преимущество. В то время тяжелые МБР были практически самыми совершенными в технологическом отношении ракетами, а значительные резервы по забрасываемому весу позволяли оснащать их большим количеством боезарядов и средств преодоления ПРО.

Договором ОСВ-1 впервые вводился контроль за выполнением его требований национальными техническими средствами контроля и сформулированы принципы использования НТСК, которые вошли и в дальнейшие соглашения по СНВ (запрещение осуществления по-мех НТСК, проведения мер маскировки).

Принципиально важным является то, что в Договоре ОСВ-1 был на практике реализован уже упоминавшийся выше принцип равенства и одинаковой безопасности сторон.

К моменту выработки Договора ОСВ-1 Соединенные Штаты имели МБР и БРПЛ с РГЧ. Советский Союз в то время не имел таких ракет и, следовательно, существенно уступал США по общему количеству боеголовок на БР. В этих условиях США согласились, чтобы СССР имел больше как ПУ МБР (1526 против 1054 у США), так и ПУ БРПЛ (СССР — 950, США — 710). Таким образом, большее количество боеголовок у США компенсировалось большим количеством ПУ МБР и ПУ БРПЛ у Советского Союза. В ходе переговоров по

⁹ Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений: [26 мая 1972 г.; соглашение вступ. в силу 3 октября 1972 г.] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁰ Там же.

Договору ОСВ-2, когда Советский Союз создал свои системы РГЧ, стороны согласились уже на установление одинаковых ограничений.

Договор ОСВ-1 сыграл важное политическое значение — им был преодолен психологический барьер на пути остановки гонки ядерных вооружений и обеспечен переход к дальнейшим переговорам. Установленный этим Договором суммарный потолок количества пусковых установок МБР и БРПЛ в группировках СНВ сторон фактически не был впоследствии превышен. Впервые возникла и была решена задача демонтажа и уничтожения МБР и их пусковых установок.

Вместе с тем Договор ОСВ-1 предусматривал ограничительные меры лишь в отношении носителей ядерного оружия (пусковых установок), но не ограничивал количество боезарядов в группировках СНВ сторон и не перекрывал возможности качественного совершенствования носителей. Наконец, в нем не затрагивались тяжелые бомбардировщики. В результате после подписания Договора за счет оснащения ракет разделяющимися головными частями индивидуального наведения количество боезарядов в группировках СНВ сторон в 1970-е годы значительно выросло: в США — в два раза, а в СССР — более чем в три раза.

Завершив работу над Договором ОСВ-1, Советский Союз и США продолжили переговоры о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений. В 1974 году было подписано так называемое Владивостокское соглашение, в котором подтверждалось намерение двух стран после окончания срока действия Договора ОСВ-1 заключить новый договор по СНВ, а также намечены его базовые параметры¹¹. Поскольку новое соглашение не было подготовлено к моменту истечения срока действия Договора ОСВ-1, в сентябре 1977 года каждая из сторон заявила о своем намерении не предпринимать каких-либо действий, не совместимых с ранее достигнутыми договоренностями, пока не будет заключено новое соглашение.

1.2.2. Договор ОСВ-2

Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-2) был подписан 18 июня 1979 года в Вене со сроком действия до 31 декабря 1985 года.

¹¹ Совместное советско-американское заявление: [24 ноября 1974 г.] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетике и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/vl-agr.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

Этот Договор переходил к установлению равных для сторон толков на носители СНВ. Ограничения охватывали не только МБР и БРПЛ, как это имело место в Договоре ОСВ-1, но и тяжелые бомбардировщики. Вводился также целый ряд ограничений на качественное совершенствование СНВ.

Суммарное количество носителей (ПУ МБР, ПУ БРПЛ, ТБ) в группировках стратегических наступательных вооружений СССР и США по Договору ОСВ-2 ограничивалось количеством в *2400 единиц*, а с 1 января 1981 года — *2250 единиц*¹².

В рамках этого потолка вводились подуровни на средства, оснащенные РГЧ индивидуального наведения и крылатыми ракетами большой дальности (свыше 600 км)¹³:

– ПУ МБР и ПУ БРПЛ с РГЧ ИН, БРВЗ с РГЧ ИН, ТБ с КРВБ БД — не более 1320 единиц;

– ПУ МБР и ПУ БРПЛ с РГЧ ИН — не более 1200 единиц;

– ПУ МБР с РГЧ ИН — не более 820 единиц.

Учету подлежали вооружения, находящиеся в боевом составе, в завершающей стадии строительства, в резерве, на складском хранении, в ремонте либо законсервированные.

Протоколом к Договору ОСВ-2 до 31 декабря 1981 года запрещалось разворачивать мобильные пусковые установки МБР и проводить летные испытания МБР с мобильных ПУ.

Важное место в Договоре ОСВ-2 впервые было уделено вопросам общего понимания, согласованным заявлениям, терминологии и четкому определению понятий с целью их однозначного толкования.

Договор ОСВ-2, к сожалению, так и не вступил в силу. В США он подвергся резкой критике. Осенью 1979 года администрация США отозвала Договор из Сената, который рассматривал вопрос о его ратификации. Официальным поводом для этого был объявлен ввод советских войск в Афганистан. Тем не менее до середины 1980-х годов стороны по взаимному согласию придерживались основных положений Договора ОСВ-2.

В мае 1986 года США заявили, что дальше не считают себя связанными ограничениями по Договору ОСВ-2, и в ходе реализации программы развертывания ТБ с КРВБ Соединенными Штатами был превышен предел на количество носителей с РГЧ ИН.

¹² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

¹³ Там же.

Несмотря на то что в Договоре ОСВ-2 содержалось значительное количество ограничений, он не позволил сократить ядерные арсеналы двух стран. К моменту заключения Договора США имели 2284 стратегических носителя, а Советский Союз — 2504 носителя. Таким образом, Договор ОСВ-2 фактически закрепил достигнутый и удовлетворяющий обе стороны уровень СНВ по количеству носителей ядерного оружия. Суммарное же количество боезарядов в группировках СНВ сторон по-прежнему не ограничивалось, что позволило США и СССР в последующие годы продолжать их значительное наращивание.

1.2.3. Договор о РСМД

Первым соглашением, обеспечившим реальное сокращение ракетно-ядерных вооружений, стал *Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (Договор о РСМД)*. Если в предыдущих соглашениях речь шла о сдерживании роста ядерных вооружений, то этот Договор впервые предусматривал конкретные меры разоружения.

Рассмотрим сначала военно-политическую обстановку, предшествовавшую подписанию Договора о РСМД.

С конца 1970-х годов не просто начала складываться ситуация в отношениях СССР с НАТО на европейском континенте. Соединенные Штаты не шли на учет в советско-американском стратегическом балансе своих ядерных средств передового базирования, на чем настаивала советская сторона. Шло наращивание ядерных средств союзников США — Великобритании и Франции. Советский Союз, оценивая все это, начал развертывание в Европе новых ракет средней дальности «Пионер». В ответ США приступили к развертыванию в Европе новых американских баллистических и крылатых ракет.

Опасность ракетно-ядерного противостояния в Европе настоятельно требовала диалога. Проблема европейских ядерных вооружений стала обсуждаться между СССР и США с осени 1980 года. Однако сложная обстановка на самих переговорах 1980–1983 годов и вокруг них не позволила сторонам достичь результатов, а сами переговоры были прерваны.

Западную Европу тем временем стали захлестывать волны антивоенного движения, острое которого было направлено на ликвидацию военных баз США в Европе, на их блокирование, на создание безъядерных зон. На этом фоне в условиях нарастающей ядерной конфронтации все более очевидной становилась необходимость воз-

обновления переговоров. Однако потребовалось более года, чтобы это случилось.

В январе 1985 года на женевской встрече министров иностранных дел СССР и США была достигнута договоренность о советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям. Эти переговоры велись по трем направлениям:

- по стратегическим наступательным вооружениям;
- ядерным вооружениям средней дальности;
- противоракетной обороне и космосу.

Итогом переговоров по ядерным вооружениям средней дальности стало подписание бессрочного Договора о РСМД 8 декабря 1987 года в Вашингтоне. В соответствии с этим Договором, который вступил в силу 1 июня 1988 года, стороны обязались ликвидировать в течение первых трех лет его действия имеющиеся у них баллистические и крылатые ракеты наземного базирования средней (от 1000 до 5500 км) и меньшей (от 500 км до 1000 км) дальности и в дальнейшем не производить и не испытывать такие ракеты. Вместе с ракетами ликвидации подлежали их пусковые установки, связанные с ними вспомогательные сооружения и вспомогательное оборудование¹⁴.

Договором о РСМД регулировались процедуры ликвидации ракет, предусматривающие подрыв или прожиг ступеней твердотопливных ракет и разрезание на части ступеней ракет на жидком топливе. Пусковые установки и транспортные средства ракет РСД-10 ликвидировались методом демонтажа и разрезания. Каждая из сторон в течение первых шести месяцев после вступления Договора в силу имела право ликвидировать до 100 своих ракет средней дальности методом пуска¹⁵. Этим правом воспользовалась советская сторона, ликвидировав 72 ракеты РСД-10. Договором предусматривалась и ликвидация путем сминания под прессом корпусов боеголовок ракет после извлечения из них ядерных боезарядов.

Подлежащие ликвидации советские ракеты средней дальности были развернуты на территории девяти республик СССР — Белоруссии, Казахстана, Латвии, Литвы, России, Туркмении, Узбекистана, Украины, Эстонии, а также на территории ГДР и ЧССР. Американские ракеты были развернуты на территории европейских стран НАТО — Бельгии, Великобритании, Италии, Нидерландов, ФРГ.

¹⁴ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁵ Там же.

В результате реализации Договора к 1 июня 1991 года СССР ликвидировал 1846 ракет, в том числе 889 ракет средней дальности (654 РСД-10, 149 Р-12, 6 Р-14, 80 крылатых ракет РК-55) и 957 ракет меньшей дальности (718 ОТР-22 и 239 ОТР-23). США ликвидировали 846 ракет, в том числе 677 ракет средней дальности (234 «Першинг-2» и 443 крылатых ракет BGM-109G «Томагавк») и 169 ракет меньшей дальности «Першинг-1А». В числе ликвидированных были не только устаревшие, но и новые, только что развернутые или не выслужившие свой срок ракеты. Так, со стороны США было уничтожено около 680 таких ракет (Першинг-2 и BGM-109G), со стороны СССР — около 950 подобных ракет (РСД-10, РК-55 и ОТР-23)¹⁶.

Особо следует отметить согласие советского руководства на уничтожение оперативно-тактических ракет ОТР-23, имевших дальность меньше 500 км и по этому показателю формально не подпадавших под действие Договора о РСМД. Руководство СССР сознательно пошло на эту политическую уступку в интересах заключения Договора в целом. Как представляется, такое решение негативно сказалось на военном потенциале СССР. А последствия остро ощущаются в Вооруженных Силах России и в настоящее время.

В целях контроля за соблюдением Договора впервые в практике ядерного разоружения получила юридическое оформление инспекционная деятельность. Так, Россия и США имели право проводить в течение 13 лет с момента вступления в силу Договора инспекции как в пределах территории друг друга, так и в пределах территорий стран размещения ракет. Предусматривались инспекции на постоянной основе на объектах по производству ракет — Воткинском машиностроительном заводе СССР и заводе № 1 «Геркулес» в г. Магна штата Юта США¹⁷.

За годы действия Договора были проведены 442 инспекции со стороны СССР (России) и 774 инспекции — со стороны США. Общая численность специалистов, задействованных в инспекционной работе по Договору о РСМД, составила около семи тысяч человек со стороны СССР (России) и тринадцати тысяч со стороны США.

¹⁶ Кузнецов В. Россия и США завершают инспекционную деятельность по договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // ИТАР-ТАСС. 2001. 13 февраля.

¹⁷ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

В связи с завершением 31 мая 2001 года инспекционной деятельности по бессрочному Договору о РСМД в настоящее время контроль за его соблюдением осуществляется только с использованием национальных технических средств контроля.

Реализация Договора о РСМД потребовала создания специальных организационных структур, не имевших аналогов ранее. В СССР и США были сформированы национальные Центры по уменьшению ядерной опасности, на которые был возложен обмен информацией по Договору о РСМД, а в последующем и по другим договорам.

Нужно признать, что подписание Договора о РСМД было встречено общественностью неоднозначно. У Договора были и твердые сторонники, но были и те, кто видел в нем только уступки с советской стороны, представляя его как утрату интересов национальной безопасности. В немалой степени этому способствовал тот факт, что в число ликвидируемых ракет была включена и советская новейшая ракета «Ока» (СС-23), дальность полета которой составляла меньше 500 км, и то, что Советский Союз пошел на асимметричные количественные сокращения. Однако, несмотря на некоторые издержки Договора о РСМД, следует признать важное историческое значение этого соглашения.

Подписание Договора о РСМД стало реальной демонстрацией возможности выхода из становившейся все более взрывоопасной ситуации ядерного противостояния, преодоления психологического барьера в отношениях между двумя ядерными супердержавами.

Договор о РСМД стал первым в истории международным договором в области реального ядерного разоружения. В результате его выполнения из ядерных арсеналов СССР и США были полностью исключены ракеты с дальностью от 500 до 5500 км. При этом важнейшее значение в то время для СССР имело то обстоятельство, что Соединенные Штаты вывели из Европы свои ракеты, имевшие короткое подлетное время к советским объектам. Ликвидация ракет средней и меньшей дальности существенно снизила уровень военного противостояния, явилась важным элементом нормализации военно-политической обстановки в Европе и в мире в целом.

Положительные практические результаты реализации Договора о РСМД стимулировали более быстрое продвижение плодотворного переговорного процесса в сфере ограничения вооружений, а накопленный в ходе реализации Договора опыт нашел отражение в последующих соглашениях в области ядерного разоружения. Это касается прежде всего Договора СНВ-1.

1.2.4. Договор СНВ-1

Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1) был подписан 31 июля 1991 года в Москве со сроком действия 15 лет и мог неоднократно продлеваться на пятилетние сроки.

Договор СНВ-1 по своему объему, охвату, степени детализации и сложности решенных в нем проблем уникален. Это соглашение отличается скрупулезной проработкой многочисленных вопросов, относящихся к сокращению и ограничению СНВ. Его заключению предшествовали длительные переговоры, что объясняется как сложностью многих вопросов, связанных с проблемами сокращения и ограничения СНВ, так и проблемами в военно-политических отношениях СССР и США того периода.

Договором СНВ-1 впервые устанавливались наряду с ограничением носителей СНВ ограничения и на общее число боезарядов в группировках СНВ сторон. Предусматривалось сокращение группировок СНВ каждой из сторон до следующих основных параметров¹⁸:

– не более *1600 развернутых носителей* (МБР, БРПЛ, ТБ), в том числе не более 154 тяжелых МБР;

– не более *6000 боезарядов* на развернутых носителях, в том числе на МБР и БРПЛ — не более 4900 боезарядов, на МБР для мобильных ПУ — не более 1100 боезарядов, на тяжелых МБР — не более 1540 боезарядов;

– суммарный забрасываемый вес развернутых МБР и БРПЛ не должен превышать 3600 тонн.

Поскольку стороны впервые стали ограничивать количество ядерных боезарядов, то потребовалась выработка правил их засчета. За МБР и БРПЛ каждого типа по Договору засчитывалось максимальное число боеголовок, с которым когда-либо проходила испытания МБР и БРПЛ этого типа.

Что касается ТБ, то засчет боезарядов на них осуществлялся следующим образом¹⁹:

– за каждым тяжелым бомбардировщиком, не оснащенным для ядерных КРВБ большой дальности, засчитывался один боезаряд независимо от его реального оснащения;

¹⁸ Текст Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/start-11a.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁹ Там же.

– для СССР за каждым ТБ с КРВБ БД в пределах общего количества в 180 тяжелых бомбардировщиков засчитывалось по 8 боезарядов;

– для США за каждым ТБ с КРВБ БД в пределах общего количества в 150 тяжелых бомбардировщиков засчитывалось по 10 боезарядов;

– для ТБ с КРВБ БД сверх указанных количеств засчитывалось количество КРВБ, для которых они реально были оснащены.

Сокращения развернутых СНВ производились в течение первых семи лет действия Договора в три этапа, к концу каждого из которых устанавливались контрольные уровни ограничений группировок.

Соглашением предусматривались ограничения и на неразвернутые СНВ, предназначенные для испытаний, обучения, запуска космических объектов.

Кроме того, Договор содержал целый комплекс ограничений на модернизацию и создание новых СНВ. В частности, устанавливались запреты на²⁰:

– тяжелые МБР нового типа;

– мобильные пусковые установки тяжелых МБР;

– дополнительные шахтные пусковые установки тяжелых МБР и переоборудование пусковых установок, не являющихся пусковыми установками тяжелых МБР, в пусковые установки тяжелых МБР;

– тяжелые БРПЛ;

– МБР и БРПЛ с количеством боезарядов, превышающим 10 единиц;

– превышение количества боезарядов и забрасываемого веса, числящихся за МБР и БРПЛ существующих типов;

– средства скоростного перезаряжания;

– пусковые установки МБР и БРПЛ, способные осуществлять пуски ракет других типов;

– баллистические ракеты класса «воздух – поверхность»;

– ядерные КРВБ БД с двумя или более боезарядами;

– оснащение ТБ более чем для 20 (для США) и более чем для 16 (для СССР) ядерными КРВБ БД и др.

Договор предъявлял требования к параметрам мест развертывания и режимам передвижения средств, подпадающих под его действие, включая МБР для мобильных ПУ.

В Договоре предусматривалась беспрецедентная по глубине и охвату система контроля. Это было обусловлено высоким уровнем недоверия, существовавшим между СССР и США. Контроль являлся единственным средством, позволявшим получить достоверную

²⁰ Там же.

информацию о выполнении партнерами требований Договора. По сравнению с Договором о РСМД были значительно увеличены объем и интенсивность инспекций, усложнились их задачи, появились новые виды инспекций, была существенно расширена уведомленческая деятельность. Договор содержал принципиально новые положения в отношении телеметрической информации — обмен магнитными лентами с ТМИ, переданной в эфир при летных испытаниях баллистических ракет, и данными для ее анализа. Эта мера была сопряжена с необходимостью получать достоверную информацию об испытаниях ракет, так как только по ТМИ можно было удостовериться в том, что положения Договора, касающиеся забрасываемого веса ракет и количества боеголовок на них, соблюдаются.

Механизм контроля соблюдения обязательств по Договору включал:

- использование НТСК;
- инспекционную деятельность;
- непрерывное наблюдение за производством мобильных МБР;
- систему обмена информацией, включая систему уведомлений и обмен телеметрической информацией;
- меры доверия, способствующие эффективности контроля.

Договор СНВ-1 был подписан 31 июля 1991 года, однако вступил в силу лишь через три года после подписания. Это было связано с необходимостью решения ряда проблем, вызванных распадом Советского Союза — одной из сторон Договора, и некоторыми противоречиями между правопреемниками СССР в отношении наследия на советское ядерное оружие и выполнения обязательств по реализации Договора.

Стратегическое ядерное оружие бывшего СССР было размещено на территории четырех государств — России, Украины, Беларуси и Казахстана. В ходе Лиссабонской встречи министров иностранных дел этих стран и США 23 мая 1992 года был подписан Протокол к Договору СНВ-1. В соответствии с этим Протоколом Россия, Украина, Беларусь и Казахстан как государства-правопреемники взяли на себя обязательства СССР по Договору СНВ-1. Кроме того, Украина, Беларусь и Казахстан обязались присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств²¹.

²¹ Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/start1/lib-agr.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

5 декабря 1994 года стороны обменялись ратификационными грамотами, и Договор СНВ-1 вступил в силу. Это соглашение действовало 15 лет, до 5 декабря 2009 года, когда истек срок его действия.

Договор СНВ-1 имел важное военно-политическое и экономическое значение. Это соглашение внесло значительный вклад в обеспечение безопасности нашей страны. Оно обеспечило существенное сокращение стратегических ядерных арсеналов России и США и установило ряд сдерживающих мер на их модернизацию, способствовало поддержанию ядерного баланса между ведущими ядерными державами на более низком количественном уровне и укреплению мер открытости и доверия.

Реализации обязательств нашей страны по Договору способствовала материально-техническая помощь со стороны США, оказываемая в рамках программы Нанна–Лугара, что было особо актуальным для России в период тяжелого экономического положения 90-х годов. Это способствовало экономии средств, которые независимо от наличия Договора все равно пришлось бы расходовать на утилизацию выводимых из боевого состава вооружений по истечении сроков их эксплуатации.

Договор СНВ-1 стал своего рода вершиной переговорного процесса советского периода в области СНВ. Ни одно другое соглашение не отличалось такой глубокой и детальной проработкой многочисленных вопросов, относящихся к ограничению СНВ. С одной стороны, это отражало значительную степень недоверия между СССР и США в конце 1980-х годов, с другой же — явилось свидетельством качественной, длительной и скрупулезной работы по подготовке Договора.

1.2.5. Договор СНВ-2

После распада СССР Россия продолжила внешнеполитическую линию СССР в области ограничения СНВ. В Заявлении Президента РФ «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» от 29 января 1992 года отмечалось, что «Россия считает себя правопреемницей СССР в области ответственности за выполнение международных обязательств, подтверждает свои обязательства по договоренностям в области ограничения вооружений, которые были подписаны СССР, и подтверждает свою приверженность курсу на радикальное сокращение ядерных вооружений»²².

²² О политике России в области ограничения и сокращения вооружений: [заявление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, 29 января 1992 г.] // Российская газ. 1992. 30 января.

Рамочная договоренность, зафиксировавшая основные положения будущего *Договора между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений*, который стал впоследствии известен как Договор СНВ-2, была достигнута уже в июле 1992 года. Сам Договор СНВ-2 был подписан в Москве 3 января 1993 года, т. е. всего через полтора года после подписания Договора СНВ-1 и через год после распада СССР.

Столь быстрое заключение нового соглашения стало возможным в основном благодаря тому, что оно в значительной мере опиралось на процедуры и положения Договора СНВ-1. Договор СНВ-2 глубоко взаимосвязан с Договором СНВ-1 общей логикой, определениями терминов, правилами засчета, системами контроля и обмена информацией, процедурами ликвидации и др. Оба соглашения были связаны также своими временными рамками: сроками этапов сокращений и периодом действия. Договор СНВ-2 должен был оставаться в силе до тех пор, пока действует Договор СНВ-1. По существу Договор СНВ-2 предусматривал в период действия Договора СНВ-1 более радикальные и быстрые сокращения СНВ. Заметим, что сам Договор СНВ-1 в это время еще не вступил в силу.

Основным положением Договора СНВ-2 стало обязательство России и США осуществить к 1 января 2003 года сокращение количества боезарядов на развернутых стратегических носителях до уровня *3000...3500 единиц (в том числе 1700...1750 на БРПЛ)*²³.

Другим ключевым положением Договора СНВ-2 стало требование о выведении из боевого состава группировок СНВ двух стран всех МБР, оснащенных более чем одной боеголовкой (РГЧ ИН), с обязательной ликвидацией всех тяжелых МБР. В дальнейшем стороны обязались не производить, не проводить летные испытания и не разворачивать МБР, за которыми числится более одного боезаряда. Пусковые установки многозарядных МБР подлежали обязательной ликвидации или переоборудованию под моноблочные МБР. При этом применительно к ШПУ тяжелых ракет разрешалось переоборудовать только до 90 пусковых установок. Процедуры переоборудования ШПУ тяжелых МБР и процедуры ликвидации тяжелых ракет и их транспортно-пусковых контейнеров были оговорены особо²⁴.

Разрешалось перевести до 105 ракет одного из существующих типов МБР с РГЧ в моноблочные ракеты путем понижения числа бое-

²³ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [от 3 января 1993 г.] // Дипломатический вестник. 1993 (№ 1–2). С. 19–24.

²⁴ Там же.

зарядов (в России планировалось «омоноблочить» 105 шестизарядных МБР РС-18)²⁵.

В значительной мере запрет на МБР с РГЧ ИН в Договоре СНВ-2 был навязан американской стороной и основывался на американском видении стратегической стабильности.

По мнению Соединенных Штатов, стационарные МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения являлись «наиболее дестабилизирующими» системами оружия, поскольку:

- МБР с РГЧ ИН обладают «противосиловым потенциалом», т. е. таким сочетанием точности попадания и мощности боезарядов, которое позволяет им поражать высокозащищенные объекты — шахтные ПУ МБР, подземные командные пункты;

- МБР уязвимы при нанесении по ним ракетно-ядерного удара другой стороной (в отличие от БРПЛ, которые скрытно могут находиться в подводном положении, а также ТБ, которые могут взлететь в угрожаемый период);

- стационарные МБР с РГЧ ИН «привлекательны» для нанесения по ним первого удара, поскольку одной-двумя боеголовками можно уничтожить значительно большее количество боеголовок (до 10), развернутое на каждой из таких МБР.

Российская сторона считала неправомерной концепцию деления СНВ на «наиболее дестабилизирующие» и «наименее дестабилизирующие», подчеркивая, что каждый вид СНВ обладает своей спецификой, и потому эти вооружения необходимо рассматривать в комплексе. Тем не менее Договор СНВ-2 предопределял переход группировки российских СНВ только на моноблочные МБР, что являлось одним из наиболее болезненных его требований для России.

Договор подвергался серьезной критике частью российской военно-политической элиты и экспертного сообщества в связи с тем, что вынуждал Россию ломать традиционную структуру отечественных СНВ в результате ликвидации многозарядных МБР. Лишение группировки ракет с РГЧ, составляющих основу российских СНВ, было чревато большим риском потери потенциала ответного удара в случае решения США о развертывании системы ПРО. При этом ограничения на основной компонент СНВ США — БРПЛ — были существенно слабее.

Кроме того, реализация Договора СНВ-2 была связана с рядом экономических, технических, организационных, экологических и других проблем, решение которых представляло исключительно сложную государственную задачу.

²⁵ Там же.

Предстояло в относительно короткие сроки провести массовое снятие с боевого дежурства ракет с РГЧ (~ 400 МБР за 5 лет), организовать хранение и последующую утилизацию большого объема высокотоксичных компонентов ракетных топлив, выводимых из боевого состава ракет в соответствии с экологическими требованиями.

В свою очередь, для поддержания ядерного паритета с США необходимо было обеспечить форсированное наращивание количества боезарядов в группировке СНВ (в первую очередь, за счет развертывания моноблочных МБР). Однако финансовые и экономические трудности России не позволяли сделать этого. Эти причины, а также некоторые внутривнутриполитические (конфликт между Президентом и Госдумой) и внешнеполитические события (американские бомбардировки Югославии, Ирака, попытки США модифицировать Договор по ПРО) серьезно затруднили ратификацию Договора СНВ-2 российским парламентом.

Вследствие законодательного тупика, сложившегося в России в отношении ратификации Договора СНВ-2, из десяти лет, отведенных для осуществления предусмотренных Договором СНВ-2 сокращений СНВ к фиксированной дате — 1 января 2003 года, оставалось все меньше времени. Это резко осложняло возможность осуществления сокращений СНВ, если бы Договор СНВ-2 был ратифицирован.

В этих условиях американская сторона выразила согласие относительно корректировки сроков осуществления сокращений СНВ.

В результате 26 сентября 1997 года в Нью-Йорке был подписан Протокол к Договору СНВ-2, продливший предельные сроки ликвидации стратегических носителей ядерного оружия по Договору СНВ-2 до 31 декабря 2007 года²⁶. Нью-Йоркский протокол стал неотъемлемой частью Договора СНВ-2. Одновременно с Протоколом были подписаны и Нью-Йоркские договоренности по ПРО, речь о которых будет идти ниже. Эти документы рассматривались в качестве единого «пакета» и подлежали одновременной ратификации, что стало необходимым условием вступления Договора СНВ-2 в силу.

Договор СНВ-2 вместе с Нью-Йоркскими протоколом и договоренностями по ПРО был ратифицирован Россией лишь в 2000 году. Однако в силу Договора СНВ-2 так и не вступил, поскольку Конгресс США, ранее ратифицировав Договор, так и не приступил к ратифи-

²⁶ Протокол к Договору между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [от 26 сентября 1993 г. (1997)] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. Т. 2. С. 123–124.

кации Нью-Йоркских документов — протокола и договоренностей по ПРО.

Окончательно судьба Договора СНВ-2 определилась в 2002 году, после выхода США из Договора по ПРО. Здесь нужно вспомнить, что выход США из Договора по ПРО был отнесен Федеральным законом о ратификации Договора СНВ-2 к исключительному обстоятельству, дающему России право на выход из этого Договора. На следующий день после выхода США из Договора по ПРО 14 июня 2002 года МИД России распространил Заявление о правовом статусе Договора СНВ-2. В нем констатировалось, что «Россия отмечает отсутствие каких-либо предпосылок для вступления Договора СНВ-2 в силу и не считает себя более связанной предусмотренным международным правом обязательством воздерживаться от действий, которые могли бы лишить этот договор объекта и цели»²⁷.

Договор СНВ-2, таким образом, прекратил свое существование.

Невступление в силу Договора СНВ-2 отразилось и на переговорах по будущему новому соглашению по СНВ — Договору СНВ-3. Принципиальное решение о подготовке такого соглашения было зафиксировано в 1997 году в Хельсинки на встрече на высшем уровне. В подписанном президентами России и США «Совместном заявлении о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений» были намечены базовые элементы нового соглашения, среди них, в частности²⁸:

- установление к 31 декабря 2007 года для каждой из сторон суммарных уровней в 2000...2500 стратегических ядерных боезарядов;
- меры, касающиеся транспарентности стратегических ядерных боеголовок и их уничтожения, а также любые другие согласованные меры по необратимости глубоких сокращений, включая предотвращение быстрого наращивания количества боезарядов.

Однако поскольку начало разработки Договора СНВ-3 увязывалось со вступлением в силу Договора СНВ-2, официальные перего-

²⁷ Заявление Министерства иностранных дел России о правовом статусе Договора между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [сообщение для печати Департамента информации и печати МИД РФ, 14 июня 2002 г.] // Федеральное государственное унитарное предприятие «Институт стратегической стабильности». URL: <http://iss-atom.ru/sobdog-r/sd-136.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

²⁸ Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений: [от 21 марта 1997 г., Хельсинки] // Кодекс: электронный фонд нормативных документов. URL: <http://docs.kodeks.ru/document/901857459> (дата обращения: 22.07.2012).

воры по новому Договору так и не начались. Тем не менее стороны провели ряд совместных консультаций и обменялись проектами.

Переговоры по СНВ возобновились лишь в 2001 году, когда Соединенные Штаты вели дело к выходу из Договора по ПРО. В течение нескольких десятилетий на Договоре по ПРО базировалась система двусторонних соглашений в области сокращения СНВ. Тем не менее, чтобы не допустить создания правового вакуума в сфере СНВ, наша страна избрала конструктивный путь подготовки новой договоренности с США.

1.2.6. Договор о СНП

24 мая 2002 года в Москве был подписан новый документ в сфере СНВ – *Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор о СНП)*, который вступил в силу 1 июля 2003 года и должен был действовать до 31 декабря 2012 года.

Этот Договор существенно отличается от предшествующих договоренностей в области ограничения СНВ. Он представляет собой весьма краткий документ. В плане своей проработанности Договор о СНП не стал органичным продолжением Договора СНВ-1, на что надеялась российская сторона. По сути, он представлял лишь фиксацию односторонних заявлений президентов России и США о сокращении своих СНВ, сделанных до начала официальных переговоров.

Изначально подходы сторон к целям этого Договора были различны. США рассчитывали продемонстрировать свою приверженность идее ядерного разоружения, а также создать основу для более активного контроля над ядерными боезарядами, которыми располагала РФ. С российской стороны предполагалось, что в рамках действия Договора СНВ-1 удастся обеспечить задел для будущих взаимных ограничений. Различие в подходах свелось к тому, что даже наименование ДСНП в российской и американской интерпретациях различается.

Если в российском названии речь идет о сокращении ядерных потенциалов, то в американской редакции говорится о сокращении наступательных вооружений сторон.

Договор о СНП предусматривал значительное сокращение ядерных боезарядов, развернутых на МБР и БРПЛ, по сравнению с Договором СНВ-1: к 31 декабря 2012 года предполагалось выйти на уровень в *1700...2200 стратегических ядерных боезарядов у каждой стороны*²⁹.

²⁹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов:

В отличие от предыдущих договоренностей Договор о СНП не содержал ограничений на уровне СНВ в отдельных компонентах ядерной триады и требований по темпам сокращений. Каждая из сторон с учетом собственных возможностей сама вправе была определять планы сокращений, состав и структуру группировок своих СНВ, исходя из установленного суммарного предела количества боезарядов.

Таким образом, Договор стал первым символом отхода РФ и США от жесткого противостояния, взаимного недоверия и подозрительности. Свидетельство этому — отсутствие дополнительных мер контроля, кроме предусмотренных Договором СНВ-1.

Договор также не предусматривал ограничений на качественное совершенствование вооружений, не имел собственной системы контроля за его выполнением.

Договор не содержал определения ключевых терминов и правил засчета боезарядов в предельные уровни. Именно поэтому его отдельные положения истолковывались сторонами по-разному. Американская сторона под предельными уровнями боезарядов понимала «оперативно развернутые стратегические ядерные боезаряды» (operationally deployed strategic nuclear warheads). В качестве таких США рассматривали лишь те ядерные боеголовки, которые в данный момент размещены на МБР в их пусковых установках, ядерные боеголовки на БРПЛ в их пусковых установках на борту подводных лодок, а также ядерные вооружения, размещенные на тяжелых бомбардировщиках или находящиеся в местах хранения вооружений на базах тяжелых бомбардировщиков [иными словами, достижение установленных уровней могло осуществляться простым снятием («разгрузкой») некоторого количества боезарядов с носителей].

Непроработанность в Договоре о СНП ряда принципиальных вопросов вызвала серьезную критику этого соглашения на Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО в мае 2005 года. При обсуждении выполнения ядерными государствами статьи VI ДНЯО представителями ряда неядерных стран, в первую очередь из Движения неприсоединения, указывалось, что «сокращение развернутых ядерных боеголовок не заменит необратимых сокращений ядерного оружия».

При всех своих издержках Договор о СНП обеспечил преемственность и последовательность в развитии договорной базы в области стратегических наступательных вооружений. Важно помнить, что

[от 24 мая 2002 г., Москва] // Дипломатический вестник. 2002. Июнь. № 6. URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/87b58fff98de2146c3256c16002d5c06!OpenDocument (дата обращения: 22.07.2012).

сокращения по Договору СНВ-1 уже были реализованы к концу 2001 года, и именно Договор о СНП должен был обозначить новые ориентиры в области ограничения СНВ на следующее десятилетие.

1.3. Новый Договор о СНВ — ДСНВ-2010

1.3.1. Подготовка Договора

В 2006 году в Санкт-Петербурге в ходе саммита стран «Большой восьмерки» президенты России и США договорились о начале российско-американского диалога по дальнейшим перспективам Договора СНВ-1 и новому соглашению по СНВ взамен Договора СНВ-1.

Необходимость подготовки нового соглашения обусловлена следующими обстоятельствами. В 2009 году заканчивался срок действия Договора СНВ-1, который в принципе мог неоднократно продлеваться на пятилетние сроки. Однако продление срока действия Договора по ряду причин было признано сторонами нецелесообразным. В частности, Договор выработывался между Советским Союзом и США, и в связи с распадом СССР требовалось менять название Договора; денонсация Соединенными Штатами Договора по ПРО с юридической точки зрения делала практически невозможным прямое продление Договора СНВ-1, увязанного с действием Договора по ПРО; уровни вооружений, предусмотренные в ДСНВ-1, уже не отвечали сложившимся реалиям (они были достаточно высокими, в то время как стороны в предварительном плане договорились о существенно более низких уровнях); наконец, участие Белоруссии, Украины и Казахстана в ДСНВ-1 было оправданным, когда на их территориях после распада Советского Союза находилась часть объектов и средств СНВ. Однако к началу 2000 года с территории этих стран все ядерные боезаряды были выведены, а средства их доставки в основном ликвидированы или переоборудованы. Более того, Белоруссия, Казахстан и Украина присоединились к ДНЯО в качестве государств, не обладающих ядерным оружием.

Новое соглашение должно было касаться сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений двух государств — России и США. Привлекать к этому третьи страны не было никаких оснований.

Вне всякого сомнения, следует высоко оценить вклад Белоруссии, Казахстана и Украины в реализацию Договора СНВ-1 и исполнение ими в полном объеме обязательств, принятых в соответствии с Лиссабонским протоколом 1992 года. Без этого историческая

роль Договора СНВ-1 была бы неполной. Ответственный выбор этих стран в пользу согласованного вывода ядерного оружия со своей территории и присоединения к ДНЯО в качестве государств, не обладающих ядерным оружием, не только укрепил их безопасность, но и благотворно сказался на стратегической стабильности в целом. 4 декабря 2009 года в Совместном заявлении президенты России и США подтвердили зафиксированные в Будапештских меморандумах от 5 декабря 1994 года гарантии безопасности Белоруссии, Казахстану и Украине³⁰.

Говоря о предпосылках начала работы над новым соглашением, необходимо отметить, что простое прекращение действия Договора СНВ-1, без достижения новых договоренностей, существенно подрывало бы режим контроля над стратегическим ядерным оружием России и США. Тем более что другое действующее параллельно с Договором СНВ-1 соглашение в сфере СНВ – Договор о СНП – вообще не предусматривало мер верификации и обмена информацией. Новый договор в случае его соответствующего наполнения мог бы обеспечить сопоставимость и предсказуемость развития стратегических арсеналов России и США на обозримую перспективу и способствовал бы укреплению режима контроля над СНВ.

Однако более двух лет бесплодных консультаций с переговорной командой администрации Дж. Буша-мл. не привели к конструктивным результатам. Американцы были готовы лишь к шагам, несколько развивающим положения Договора о СНП, а контрольный механизм хотели свести к мерам транспарентности и доверия. Переговорный процесс по новому соглашению стал активно развиваться лишь после смены администрации США.

1 апреля 2009 года лондонское «Совместное заявление президентов России и США относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений» положило начало двусторонним межправительственным переговорам по выработке новой полноформатной юридически обязывающей договоренности по ограничению и сокращению СНВ на замену Договора СНВ-1³¹.

³⁰ Совместные российско-американские заявления в связи с завершением срока действия Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [4 декабря 2009 г.] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/6243> (дата обращения: 22.07.2012).

³¹ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных

6 июля 2009 года в Москве президентами России и США было подписано «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений». Этот документ определил основные элементы будущего договора³².

В результате интенсивных переговоров спустя год после их начала, 8 апреля, в Праге был подписан новый Договор в области СНВ — *Договор между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-2010)*.

У нового Договора богатая предыстория. Работа над ним велась не «с чистого листа». Она вобрала в себя все ценное и реально работавшее из более ранних договоров, в первую очередь из Договора СНВ-1.

Конечно, многие аспекты Договора СНВ-1, относящиеся к прошлой исторической эпохе и к другому характеру отношений между Россией и США, пришлось существенно пересматривать и адаптировать к современным реалиям. В этом состоит важный урок, на который необходимо обратить внимание, — договоры в области сокращения и ограничения вооружений должны вырабатываться на основе принципа преемственности.

Новый Договор о СНВ вступил в силу 5 февраля 2011 года, в день обмена сторонами ратификационными грамотами.

1.3.2. Существо достигнутых договоренностей

ДСНВ-2010 готовился взамен Договора СНВ-1. Со вступлением в силу нового Договора в соответствии с его положениями прекратил действие и Договор о СНП. Таким образом, новое соглашение заменило сразу два предшествовавших ему и действовавших в течение нескольких лет одновременно договора в области СНВ: Договор СНВ-1 и Договор о СНП.

ДСНВ-2010 остается в силе в течение десяти лет, если только он не будет заменен ранее этого срока последующим соглашением по СНВ. Если стороны решат продлить Договор, это можно сделать на пятилетний срок.

вооружений: [Лондон, 1 апреля 2009 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/167 (дата обращения: 22.07.2012).

³² Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений: [6 июля 2009 г.] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/36 (дата обращения: 22.07.2012).

По новому Договору группировки СНВ России и США через семь лет действия Договора ограничиваются следующими параметрами³³:

- 700 развернутых МБР, БРПЛ и ТБ;
- 1550 боезарядов на развернутых МБР, БРПЛ и ТБ;
- 800 развернутых и неразвернутых ПУ МБР, ПУ БРПЛ и неразвернутых ТБ.

Таким образом, стороны договорились на треть урезать суммарное количество боезарядов («потолок» по Договору о СНП — 2200 боезарядов) и более чем в два раза — предельный уровень стратегических носителей («потолок» по СНВ-1 — 1600 носителей, а Договор о СНП носители не ограничивал).

Примечательно, что предварительные договоренности по облику нового Договора, зафиксированные в 2009 году в «Совместном понимании по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях СНВ», содержали достаточно широкие коридоры ограничиваемых параметров³⁴:

- 500...1100 единиц стратегических носителей;
- 1500...1675 единиц боезарядов.

На нижних границах этого коридора по носителям настаивала Россия (что было обусловлено состоянием СНВ РФ и возможностями государства по их развитию), на верхних границах — Соединенные Штаты.

Уровни ограничений СНВ по новому Договору согласуются с существующими планами развития группировки СНВ РФ. Реализация Договора будет определяться естественной динамикой вывода из боевого состава российских СНВ устаревших стратегических систем и ввода новых.

В таблице 1 приведены суммарные количества СНВ России и США на момент вступления Договора в силу, т. е. на 5 февраля 2011 года³⁵. Этими данными стороны обменялись в соответствии с требованиями Договора.

³³ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: [8 апреля 2010 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения: 22.07.2012).

³⁴ Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений: [6 июля 2009 г.] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/36 (дата обращения: 22.07.2012).

³⁵ О суммарных количествах СНВ России и США в соответствии с новым Договором о СНВ (справка): [959–27–06–2011] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.ns>

**Суммарные количества СНВ России и США
в соответствии с новым Договором о СНВ**

Наименование СНВ	Россия	США	Предел по Договору
Развернутые МБР, БРПЛ и ТБ	521	882	700
Боезаряды на развернутых МБР, БРПЛ и ТБ	1537	1800	1550
Развернутые и неразвернутые ПУ МБР, развернутые и неразвернутые ПУ БРПЛ, и развернутые и неразвернутые ТБ	865	1124	800

На сегодняшний день ситуация уже изменилась. Уточненные агрегатные цифры по СНВ и боезарядам, развернутым на них, государственный департамент США разместил на своем официальном сайте 6 апреля 2012 г. В соответствии с этой информацией на 1 марта 2012 г. у России было 494 развернутых МБР, БРПЛ и тяжелых бомбардировщиков, у США — 812; боезарядов на развернутых МБР, БРПЛ и боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировками, — 1492 и 1737 соответственно, а развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых ТБ — 881 и 1040 соответственно³⁶.

Таким образом, из приведенных данных видно, что Россия практически вписалась в параметры ДСНВ-2010 (за исключением развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ и развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков).

Принципиальной стороной нового Договора, так же как и Договора о СНП, является отсутствие ограничений на модернизацию существующих и создание новых образцов СНВ.

Необходимо отдельно остановиться на том, как решается в новом Договоре проблема возможного оснащения МБР и БРПЛ неядерными боеголовками. Прежним ДСНВ подобные системы не запрещал

f/50ce23af9ceacf46432569ea00361254/c32577ca00173dc0c32578bc005fee29!OpenDocument (дата обращения: 22.07.2012).

³⁶ New START Treaty aggregate numbers of strategic offensive arms: [fact sheet of the Bureau of arms control, verification and compliance. April 6, 2012] // U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/178058.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

лись (их создание вообще считалось нецелесообразным). В ходе переговоров по новому Договору американская сторона предпринимала активные попытки включить в него положения, либо прямо легализующие развертывание и возможность боевого использования таких систем вооружений, либо полностью выводящие такие комплексы из поля Договора. Российская сторона на это не пошла.

Более того, несмотря на изначально крайне жесткое сопротивление американской стороны, удалось добиться того, что обычные (неядерные) боезаряды МБР и БРПЛ — если таковые будут создаваться — включаются в предельные количества боезарядов, предусмотренные Договором, а их носители — в общие «потолки» средств доставки. Кроме того, такие системы будут подпадать под полномасштабный охват верификационного механизма по Договору.

Таким образом, достигнутый на переговорах компромисс не предусматривает, с одной стороны, прямого запрета на создание МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, а с другой — не позволяет США бесконтрольно и вне ограничений по новому Договору осуществлять какую-либо деятельность в отношении таких средств.

Что касается иных средств СНВ, переводимых в неядерное оснащение, как, например, переоборудованные под обычные вооружения атомные подводные лодки и ТБ, то прописанные в Договоре по настоянию российской стороны положения позволяют гарантировать эффективный контроль над этими вооружениями, в том числе над невозможностью возврата им способности нести ядерное оружие.

Несколько слов о проблеме «возвратного потенциала» в новом Договоре. Асимметрия в структурном составе СНВ у России и США существует объективно. Состав ядерных вооружений США значительно превосходит в количественном отношении СНВ России по носителям и боезарядам. Вот почему российские переговорщики при подготовке нового Договора предприняли попытку не только сократить этот разрыв, но и снизить возможности Вашингтона по наращиванию «возвратного потенциала», т. е. возможности резкого увеличения числа ядерных боеголовок на МБР и БРПЛ в кризисной ситуации.

Следует иметь в виду, что «возвратный потенциал» определяется прежде всего носителями СНВ, а уже затем боезарядами, для использования которых естественным образом необходимы средства доставки. Создание сколь угодно большого суммарного запаса боезарядов является практически бесполезным. Число боезарядов, которое можно установить на носители, зависит от возможности суммарной максимальной загрузки последних. В случае, если количество носителей ограничено, то накопление излишних боезарядов становится

совершенно бессмысленным делом, сопряженным к тому же со значительными финансовыми расходами.

Установленный в новом Договоре лимит в 800 единиц на суммарное количество развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР и БРПЛ, а также неразвернутых ТБ ограничивает «возвратный потенциал» США, не допуская возможности наращивания числа развернутых носителей СНВ за счет перевода части носителей из категории неразвернутых.

1.3.3. Правила засчета

В рамках нового Договора о СНВ стороны согласились ограничивать как носители СНВ, так и боезаряды. Именно такой подход был реализован в Договоре СНВ-1.

Однако правила засчета боезарядов нового соглашения принципиально отличаются от правил Договора СНВ-1. В новом Договоре засчет боезарядов МБР и БРПЛ ведется по реальному оснащению конкретной развернутой ракеты. В Договоре СНВ-1 за МБР и БРПЛ определенного типа числилось максимальное количество боезарядов, с которым ракеты этого типа проходили летные испытания. Правила засчета боезарядов МБР и БРПЛ нового соглашения аналогичны засчету боезарядов по Договору о СНП. И хотя в самом Договоре о СНП такие правила де-юре прописаны не были, в ходе реализации Договора стороны их придерживались де-факто. Таким образом, в новом соглашении впервые в переговорной практике в сфере ограничения СНВ юридически закреплён засчет «оперативно-развернутых боезарядов».

В нынешней архитектуре российских СНВ такой подход (при согласовании уровня ограничений на боезаряды) позволяет обеспечить необходимую эффективность наших сил ядерного сдерживания.

Многие оппоненты такого правила засчета обвиняют российских переговорщиков в том, что те просто согласились с американской формулой. Это, мягко говоря, не совсем корректно отражает реальность.

Дело в том, что российская делегация внесла в американский подход существенные дополнения. В частности, Россия предложила лимитировать не только фактически развернутые боезаряды, но и фактически развернутые стратегические носители. Ограничения на такие наиболее опасные носители позволят на деле обеспечить соблюдение принципа равной безопасности сторон.

Кроме того, с целью реального контролируемого ограничения «возвратного потенциала», а также с учетом реальных процедур экс-

плутации ракетной техники ограничено и максимальное количество пусковых установок, в том числе и используемых для целей испытаний и вывода объектов в космос.

Много критики вызвали правила засчета боезарядов ТБ, установленные новым Договором. За каждым развернутым ТБ числится всего один боезаряд, хотя реально тяжелые бомбардировщики способны нести до двух десятков ядерных крылатых ракет воздушного базирования. Такие правила засчета, по мнению оппонентов Договора, позволяют не учитывать в качестве «развернутых» значительную долю авиационных ядерных вооружений.

Новые правила засчета ядерных вооружений тяжелых бомбардировщиков могут иметь под собой определенные военно-стратегические соображения. Согласие сторон понизить «вес» стратегической авиации может объясняться современными представлениями об их роли в ядерных операциях.

1.3.4. Система контроля и телеметрия

ДСНВ-2010 имеет эффективный верификационный механизм, адаптированный к современным реалиям. Механизм контроля и связанные с ним меры транспарентности включают:

- использование национальных технических средств контроля;
- инспекционную деятельность;
- проведение показов;
- обмен уведомлениями;
- обмен телеметрической информацией по пускам МБР и БРПЛ.

Система контроля нового соглашения создавалась на основе механизма верификации Договора СНВ-1, но при его упрощении и уменьшении затратности.

Так, например, снижено по сравнению с Договором СНВ-1 как количество типов инспекций (до двух типов), так и ежегодные квоты на них (до 18 инспекций в год). Инспекции первого типа (с наиболее интрузивным режимом) проводятся на объектах, где могут находиться развернутые средства СНВ. Инспекции второго типа имеют несколько упрощенную схему и проводятся на объектах, где находятся только неразвернутые средства СНВ³⁷.

³⁷ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: [8 апреля 2010 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения: 22.07.2012).

Количество типов уведомлений, подаваемых по новому Договору, уменьшено до 42 вместо 152 по Договору СНВ-1³⁸.

Важным в системе контроля нового соглашения стал отказ от деятельности по непрерывному наблюдению объектов по производству МБР для мобильных ПУ.

В ходе подготовки нового Договора велись серьезные дискуссии о необходимости сохранения механизма обмена телеметрической информацией по пускам МБР и БРПЛ, введенного в практику контроля Договором СНВ-1. При определении позиции об обмене ТМИ российская сторона исходила из нескольких обстоятельств. Во-первых, в новом Договоре не предусмотрено ограничений, контролируемых с помощью ТМИ (забрасываемый вес и количество боеголовок, которые могут быть размещены на ракете, как это предписывалось Договором СНВ-1). Во-вторых, данные телеметрии могут быть использованы в интересах совершенствования систем ПРО США.

Вместе с тем в целях транспарентности и доверия была достигнута договоренность о том, что обмен ТМИ будет осуществляться по не более чем пяти пускам МБР и БРПЛ в год (ежегодно Российская Федерация осуществляет не менее десяти пусков МБР и БРПЛ, Соединенные Штаты проводят до пяти таких пусков). При этом для нас было важно не допустить передачи американцам телеметрических данных о пусках перспективных МБР и БРПЛ.

В результате переговоров удалось зафиксировать право запускающей стороны самой определять пуски МБР и БРПЛ, по которым будет предоставляться ТМИ. Конкретные пуски (в пределах пяти), по которым будет осуществляться обмен ТМИ, будут согласовываться в рамках ДКК на паритетной основе. В отношении пусков МБР и БРПЛ, по которым не будет осуществляться обмен ТМИ, могут применяться любые способы передачи информации в эфир с борта ракеты, включая шифрование.

Достигнутые договоренности предполагают, что нами будут передаваться телеметрические данные по тем типам ракет, по которым они уже ранее предоставлялись по Договору 1991 года. Таким образом, будет исключена возможность передачи данных телеметрии по пускам новых типов МБР и БРПЛ.

³⁸ Протокол к Договору между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: [8 апреля 2010 г.] // Президент России. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d2ef6d0d-c8b2e65fc5.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

В ходе переговоров были выработаны процедуры, которые не позволяют США получать в рамках обмена телеметрическими данными информацию в интересах, противоречащих безопасности Российской Федерации. Ограничен объем ТМИ, передаваемой в рамках Договора, относящейся к функционированию ступеней МБР и БРПЛ до момента отделения автономного блока разведения. Кроме того, договоренности по ТМИ не предполагают обмен такими чувствительными параметрами, как ускорения ступеней и моменты их отделения.

Наряду с этим принято согласованное Заявление о том, что обмен ТМИ призван упрочить новые стратегические отношения между Российской Федерацией и США, не подрывая потенциал их стратегических наступательных вооружений. Данное Заявление является политическим ограничителем, который констатирует, что обмен ТМИ не должен способствовать развитию системы ПРО США, а кроме того, при необходимости дает возможность сократить рамки обмена ТМИ до минимума³⁹.

Тем самым достигнутые договоренности позволяют:

- продемонстрировать готовность Российской Федерации к сотрудничеству и транспарентности по вопросам СНВ в новых условиях;

- существенно ограничить по сравнению с прежним ДСНВ объем ТМИ по пускам МБР и БРПЛ, которой Россия будет обмениваться с США.

1.3.5. Взаимосвязь между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями

В преамбуле нового Договора о СНВ зафиксирована взаимосвязь между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями, а также ее возрастающая важность в процессе сокращения СНВ⁴⁰. Эта концепция, но не в столь явно выраженной форме, проходит по всему тексту Договора и Приложений к нему.

Собственно концепция взаимосвязи СНВ и ПРО — отнюдь не новая. Еще в конце 1960-х годов возникло понимание, что одностороннее неконтролируемое развитие систем ПРО является серьез-

³⁹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: [8 апреля 2010 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения: 22.07.2012).

⁴⁰ Там же.

ным препятствием для ядерного разоружения, что и привело к заключению Договора по ПРО. Отражение взаимосвязи СНВ и ПРО в виде ссылки на обязательства сторон по Договору по ПРО всегда присутствовало в соглашениях по СНВ. Лишь в Договоре о СНВ такой взаимосвязи не было — за полгода до подписания этого Договора Соединенные Штаты уже объявили о намерении выйти из Договора по ПРО.

Задача введения ограничений на развитие американской системы ПРО в новом Договоре не ставилась. Президенты России и США изначально условились, что предметом данного соглашения будут, как и ранее, исключительно стратегические наступательные вооружения. Противоракетная оборона является самостоятельным вопросом двустороннего диалога.

В то же время российская сторона не могла не учитывать такой ключевой момент, как прекращение действия Договора по ПРО. Вот почему российские переговорщики абсолютно справедливо настояли на том, чтобы в новом Договоре в юридически обязывающей форме была зафиксирована взаимосвязь стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений и ее возрастающая важность в процессе сокращения СНВ.

Однако наиболее значимая мысль, отраженная в тексте преамбулы, — нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений сторон. Эта формулировка в известной степени воспроизводит известный правовой принцип о неизменности обстоятельств, которые послужили основой для заключения Договора. Тем самым был послан четкий сигнал США о том, что Россия будет сокращать стратегические наступательные вооружения, только будучи уверенной, что развитие системы ПРО США не подрывает ее потенциал ядерного сдерживания. Эта мысль недвусмысленно зафиксирована в одностороннем Заявлении Российской Федерации, где сказано, что в случае качественного и количественного наращивания возможностей американской ПРО, которое создает угрозу российским СНВ, Россия будет решать, оставаться или нет в этом Договоре.

Соединенные Штаты взяли на себя юридические обязательства не переоборудовать и не использовать пусковые установки МБР и БРПЛ для размещения в них противоракет и, наоборот, не модернизировать пусковые установки противоракет для размещения в них МБР и БРПЛ. Помимо этого под охват контрольного механизма Договора попали все переоборудованные ПУ противоракет второго позиционного района ПРО США на полигоне Ванденберг.

1.3.6. Преимущества Договора

Министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров на пленарном заседании Конференции по разоружению (Женева, 1 марта 2011 г.) следующим образом охарактеризовал новые российско-американские договоренности: «Новый Договор о СНВ — это вклад России и США в упрочение глобальной безопасности, режима нераспространения, в продвижение процесса ядерного разоружения в соответствии с обязательствами по статье VI ДНЯО. Предусмотренные в Договоре сокращения СНВ будут носить необратимый, проверяемый и транспарентный характер. С учетом заложенных в него принципов равноправия, паритетности и неделимой безопасности Договор становится своего рода “золотым стандартом” достижения договоренностей в военно-политическом измерении международных отношений»⁴¹.

Конечно, ДСНВ-2010, как и любое другое соглашение по СНВ, носит компромиссный характер. Однако в целом можно утверждать, что новый Договор о СНВ основан на взаимоприемлемом балансе интересов сторон и не содержит односторонних преимуществ для США, чем грешили некоторые предыдущие соглашения. Суммируя сказанное, можно выделить следующие преимущества ДСНВ-2010:

- принята российская концепция более простого и затратоэффективного соглашения, позволяющего двигаться по пути более глубоких сокращений ядерных вооружений при сохранении безопасности России;

- в условиях отсутствия Договора по ПРО в новом соглашении и сопровождающих его документах в юридической форме зафиксирована неразрывная взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Ограничения на переоборудование ПУ МБР и БРПЛ под ракеты-перехватчики и обратно включены в текст самого Договора;

- зафиксированы в целом устраивающие нас предельные уровни боезарядов и носителей;

- в правовом поле Договора удалось сохранить СНВ в неядерном оснащении, причем «обычные» СНВ засчитываются в общие «потолки» по носителям и боезарядам;

⁴¹ Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пленарном заседании Конференции по разоружению: [1 марта 2011 г., Женева] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/DC036EDF3687A901C325784600474F50 (дата обращения: 22.07.2012).

– устранен серьезный недостаток Договора СНВ-1, предусматривавший «особые» меры контроля над российскими мобильными ПУ для МБР;

– существенно адаптирован под современные реалии и упрощен по сравнению с Договором СНВ-1 верификационный механизм соглашения;

– свернуто непрерывное наблюдение на проходном пункте Воткинского машиностроительного завода;

– предотвращено распространение охвата контрольной деятельности на места складского хранения ядерных боезарядов;

– упрощены процедуры переоборудования и ликвидации средств СНВ. В частности, российская сторона добилась отказа американцев от присутствия при ликвидации таких вооружений;

– ограничены положения об обмене телеметрической информацией. Зафиксированы выгодные нам параметры обмена ТМИ.

В новом соглашении нет положений, способных сдерживать или ограничивать развитие российских СЯС в соответствии с перспективными планами. Оно не предусматривает обязательной ликвидации или переоборудования средств СНВ, состоящих в настоящее время на вооружении российских ВС. У нас не возникнет проблем и с принятием на вооружение новых перспективных ракетных систем. Одновременно верификационный механизм соглашения — упрощенный и менее затратный — сохраняет достаточно возможностей для контроля над состоянием и развитием американских стратегических сил. В этой связи можно сделать вывод о том, что в сфере стратегических отношений с США новый Договор обеспечивает достаточный уровень транспарентности, предсказуемости и взаимного доверия.

ДСНВ-2010, как и любой другой договор, разумеется, не может решить до конца все без исключения вопросы. В частности, в нем, как и в Договоре СНВ-1, не нашла окончательного решения проблема КРМБ большой дальности. Нет в нем и запрета на СНВ в неядерном оснащении. Хотелось бы большего по возвратному потенциалу, жестче зафиксировать взаимосвязь СНВ — ПРО, сделать новое соглашение более качественным и всеобъемлющим. А что новые переговоры по ядерному разоружению будут, сомнений нет. Вопрос лишь о том: когда они состоятся и что будет предметом будущих договоренностей.

За рамками данной монографии, разумеется, остался ряд других проблем нового Договора. Но это — задача дальнейшего анализа, в том числе уже с учетом процесса реализации ДСНВ-2010.

1.3.7. Анализ ратификационной резолюции Сената США. Позиция Государственной думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

22 декабря 2010 года американский Сенат большинством голосов (71 «за», 26 «против») одобрил новый российско-американский Договор о СНВ, приняв соответствующую ратификационную резолюцию.

Документ подготовлен на базе проекта, одобренного 16 сентября 2010 года Комитетом Сената США по иностранным делам. В то же время внесенные на финальной стадии обсуждения в резолюцию поправки заметно ужесточили первоначальный проект. В результате в документе даются односторонние толкования по всем принципиальным и чувствительным для нас положениям Договора. Зафиксированные сенаторами интерпретации фактически подменяют достигнутые в ходе переговоров договоренности, без которых новое соглашение вряд ли состоялось бы⁴².

В этой связи в некоторых СМИ даже звучали утверждения о том, что Договор ратифицирован сторонами якобы с поправками. Это не так: он ратифицирован и вступил в силу в том виде, как был подписан Президентом России Д. А. Медведевым и Президентом США Б. Обамой в Праге 8 апреля 2010 года. Это обстоятельство имеет важнейшее значение для сохранения стабильности российско-американских отношений в стратегической сфере и международной безопасности в целом.

Поскольку резолюция Сената затрагивала существенные моменты российско-американских отношений, она не могла оставаться без «симметричного» российского ответа, который нашел отражение в Федеральном законе от 28 января 2011 года о ратификации нового Договора о СНВ и сопровождающих его заявлениях Государственной думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Ратификационная резолюция Сената США включает в себя ряд «условий», «пониманий» и «заявлений», обуславливающих «совет и согласие» сенаторов на ратификацию Договора.

Раздел «Условия» носит для президента США обязывающий характер. В частности, в нем акцентируется требование официально подтвердить, что все четыре фазы «поэтапного адаптивного подхода»

⁴² New START Treaty: resolution of advice and consent: [Bureau of arms control, verification and compliance. December 22, 2010] // U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/153910.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

по выстраиванию ПРО в Европе будут реализованы и что США в полном объеме осуществляют все имеющиеся противоракетные программы. Тем самым американской администрации напрямую предписывается продолжить количественное и качественное наращивание системы ПРО, невзирая на неоднократно высказывавшиеся российские озабоченности и предостережения, зафиксированные, в частности, в Заявлении Российской Федерации относительно противоракетной обороны, сделанном при подписании Договора.

В данном контексте понятна реакция Государственной думы, которая в своем Заявлении «...обращает внимание мировой общественности на то, что односторонние разработка и развертывание Соединенными Штатами Америки глобальной системы противоракетной обороны и возможное использование для этих целей новых систем вооружения могут разрушить сохраняющуюся в течение многих десятилетий систему стратегической стабильности в области ядерных вооружений». И далее: «...Государственная Дума считает, что необходимо внимательно отслеживать развертывание глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки с учетом географического размещения ее составляющих, количества и скоростных характеристик ракет-перехватчиков, а также возможных космических элементов, исходя при этом из необходимости обеспечения российского стратегического потенциала сдерживания»⁴³.

В разделе «Условия» ратификационной резолюции Сената США также подчеркивается важность надлежащего контроля за соблюдением Россией обязательств по Договору. Президенту предписывается ежегодно направлять в профильные сенатские комитеты развернутые доклады о ходе сокращений, в которых, в частности, должны содержаться оценки того, как Россия выполняет договорные положения, а также насколько эффективны предусмотренные меры транспарентности, включая обмен телеметрической информацией.

Зафиксировано, что до вступления в силу Договора решение об осуществлении сокращений СНВ принимается президентом только после консультаций с Сенатом. Кроме того, после вступления Договора в силу президент обязан подтвердить, что национальные технические средства контроля в сочетании с предусмотренными верификационными механизмами позволяют эффективно проверять соблюдение Россией договорных обязательств.

⁴³ О позиции Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений: [заявл. Гос. Думы, 25 января 2011 г.] // ИПС «Закон». URL: http://ntc.duma.gov.ru/duma_na/asozd/asozd_text.php?nm=4764-5%20%C3%С4&dt=2011 (дата обращения: 22.07.2012).

Закрепляется запрет на предоставление ТМИ по пускам ракетных средств ПРО США, в том числе тех, которые содержат в своей конструкции первую ступень МБР или БРПЛ. В отношении будущих систем стратегической дальности в обычном оснащении предусматривается регулярное предоставление Сенату развернутой информации о ведущихся в США разработках, планах их производства и развертывания. При этом подчеркивается, что в отношении испытательных пусков таких вооружений, создаваемых в рамках концепции «быстрого глобального удара», передача ТМИ будет возможна лишь в обмен на телеметрию по пускам новых типов российских ракет. Объем этой информации ограничивается теми данными, которые подтверждали бы, что испытываемое средство не подпадает под ограничения по Договору.

С учетом этого российский Федеральный закон в качестве условия выполнения нового Договора о СНВ предусматривает «...8) предоставление Соединенным Штатам Америки телеметрической информации о пусках существующих типов межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок Российской Федерации только до момента отделения автономного блока разведения или полезной нагрузки от последней ступени межконтинентальных баллистических ракет или баллистических ракет подводных лодок и непредоставление Соединенным Штатам Америки телеметрической информации о пусках новых типов межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок Российской Федерации...»⁴⁴

Государственная дума в своем Заявлении по вопросам сокращения и ограничения СНВ высказала мнение, что «обмен телеметрической информацией о пусках баллистических ракет в соответствии с положениями нового Договора о СНВ и нормами законодательства Российской Федерации может осуществляться только после полного согласования в рамках Двусторонней консультативной комиссии всех связанных с этим вопросов, указанных в Протоколе к новому Договору о СНВ и Приложении о телеметрической информации к Протоколу к новому Договору о СНВ»⁴⁵.

В ратификационной резолюции Сената США подробно говорится о намерении Соединенных Штатов поддерживать эффективные

⁴⁴ О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: федер. закон: [принят Гос. Думой 25 января 2011 г.: одобр. Советом Федерации 26 января 2011 г.] // Российская газ. 2011. 1 февраля.

⁴⁵ Там же.

и надежные ядерные силы и продолжать модернизацию ядерного оружейного комплекса. Эти меры имеются в виду подкреплять адекватным финансированием в соответствии с десятилетним планом, представленным президентом Конгрессу. При необходимости не исключается направление на эти цели дополнительных ресурсов.

В разделе «Условия» содержится также призыв к президенту добиваться договоренностей с Россией о сокращении НСЯО с целью ликвидации «диспаритета» в этой области. Более того, устанавливаются временные рамки по началу таких переговоров — не позднее чем через год после вступления в силу нового ДСНВ. При этом, отмечая необходимость получать достоверную информацию о количестве российского НСЯО и обеспечении его безопасности, Сенат предлагает президенту не только договориться о соответствующих «мерах сотрудничества», но и «оказать содействие в подсчете российского НСЯО, возможно с привлечением и другой зарубежной помощи»⁴⁶.

Государственная дума обстоятельно изложила свою позицию по вопросу о НСЯО в Заявлении по вопросам сокращения и ограничения СНВ.

«Государственная Дума полагает, что любые дальнейшие шаги по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений и нестратегических ядерных вооружений могут предприниматься при безусловном выполнении нового Договора о СНВ и реализации всех его принципов и положений.

Государственная дума считает неоправданным и не отвечающим характеру современных отношений в Евро-Атлантике размещение нестратегического ядерного оружия Соединенных Штатов Америки за пределами территории США.

Государственная дума считает, что вопросы, касающиеся возможного сокращения и ограничения нестратегических ядерных вооружений, должны рассматриваться в комплексе с другими проблемами в сфере контроля над вооружениями, включая развертывание системы противоракетной обороны, планы по созданию и развертыванию стратегических носителей в неядерном оснащении, опасность милитаризации космоса, а также существенный качественный и количественный дисбаланс в обычных вооружениях, исходя из необходимости поддержания стратегической стабильности и неукоснительного соблюдения принципа равной и неделимой безопасности для всех.

⁴⁶ New START Treaty: resolution of advice and consent: [Bureau of arms control, verification and compliance. December. 22, 2010] // U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/153910.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

Государственная дума призывает Соединенные Штаты Америки вернуть нестратегическое ядерное оружие на свою территорию, прекратить подготовку к его применению с привлечением неядерных государств, полностью ликвидировать находящуюся на территориях иностранных государств инфраструктуру, обеспечивающую быстрое развертывание такого оружия»⁴⁷.

В резолюции Сената США уделено достаточно много места разъяснению того, что положения преамбулы Договора (а в ней, в частности, зафиксированы взаимосвязь СНВ–ПРО и влияние МБР и БРПЛ в обычном оснащении на стратегическую стабильность) не накладывают на США и Россию каких-либо юридических обязательств.

Формально с этим спорить сложно, поскольку согласно общепринятым в международном праве подходам в преамбуле закрепляются цели и принципы заключения договора, но не юридические обязательства сторон.

В этой связи российский Федеральный закон (пункт 1 статьи 4) четко фиксирует, что положения преамбулы нового Договора о СНВ имеют неоспоримое значение для понимания намерений сторон при его подписании, в том числе содержания согласованных между ними условий и пониманий, без которых новый Договор о СНВ не был бы заключен, и потому должны в полном объеме учитываться сторонами в ходе выполнения нового Договора о СНВ⁴⁸.

Положение об «особом» статусе преамбулы Договора не случайно оказалось в разделе по ПРО «пониманий» сенатской резолюции. Дело в том, что в процессе ее выработки большое недовольство со стороны сенаторов-республиканцев, активно выступающих за развертывание глобальной системы ПРО, вызвало положение преамбулы Договора, в котором реалистично признается наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями. Напомним, что еще в Совместном понимании по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений от 6 июля 2009 года Россия и США приняли решение о том, чтобы соответствующий элемент содержался в новом Договоре о СНВ.

В связи с этим российский Федеральный закон (пункт 5 статьи 2) в числе условий, при которых выполняется Договор, оговаривает

⁴⁷ О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: федер. закон: [принят Гос. Думой 25 января 2011 г.: одобр. Советом Федерации 26 января 2011 г.] // Российская газ. 2011. 1 февраля.

⁴⁸ Там же.

«учет взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями, возрастающей важности этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений и того, что стратегические оборонительные вооружения (читай — ПРО. — *Примеч. автора*) одной из сторон не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений другой стороны нового Договора о СНВ»⁴⁹.

В свою очередь Государственная дума в Заявлении по вопросам сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений подчеркнула, что «...считает основополагающей предпосылкой обеспечения жизнеспособности и эффективности нового Договора о СНВ закрепленное в нем признание Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки наличия взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями...»⁵⁰.

В ратификационной резолюции Сената США также отмечается, что новый ДСНВ не предусматривает ограничений на развертывание систем ПРО, за исключением тех, которые предусмотрены в пункте 3 статьи V (запрет на переоборудование ПУ МБР и БРПЛ в ПУ противоракет и наоборот). При этом игнорируется положение преамбулы о возрастающей важности взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений в процессе сокращения ядерных арсеналов. Кстати, последний тезис был предложен американской стороной. Подчеркнуто, что российское одностороннее Заявление по ПРО, сделанное при подписании Договора, не налагает на США каких-либо юридических обязательств. Тем самым предпринимается попытка интерпретировать соответствующие положения Договора и связанных с ним документов в интересах продвижения американской программы по созданию глобальной системы ПРО.

Отдельный пассаж в американском документе посвящен БЖРК. Специально оговаривается, что в случае создания подобных систем

⁴⁹ О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: федер. закон: [принят Гос. Думой 25 января 2011 г.: одобр. Советом Федерации 26 января 2011 г.] // Российская газ. 2011. 1 февраля.

⁵⁰ О позиции Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений: [заявл. Гос. Думы, 25 января 2011 г.] // ИПС «Закон». URL: http://ntc.duma.gov.ru/duma_na/asozd/asozd_text.php?nm=4764-5%20%С3%С4&dt=2011 (дата обращения: 22.07.2012).

на них должны распространяться все соответствующие положения Договора, включая количественные ограничения. В настоящее время ни Россия, ни США БЖРК не имеют, и в Договоре они не фигурируют.

Наиболее чувствительный момент «пониманий» заключается в том, что США не намерены рассматривать системы вооружений стратегической дальности в обычном оснащении в качестве новых видов СНВ, на которые распространялось бы действие Договора. С точки зрения сенаторов, ДСНВ-2010 не ограничивает США в проведении исследований, разработки, испытаний и развертывания таких вооружений⁵¹.

Данная трактовка не соответствует достигнутому в рамках переговоров пониманию. Она дезавуирует закрепленный в Договоре порядок, согласно которому в случае создания новых видов стратегических наступательных вооружений вопрос о распространении (или нераспространении) на них положений Договора будет решаться в Двусторонней консультативной комиссии.

С учетом одностороннего толкования американской стороной положений Договора, касающихся нового вида СНВ, российский Федеральный закон в качестве условий, при которых осуществляется его выполнение, установил⁵²:

«...6) распространение положений нового Договора о СНВ, в том числе касающихся зачета боезарядов и средств доставки, в соответствии с его условиями на любые стратегические наступательные вооружения, а также на любые новые виды наступательных вооружений стратегической дальности;

7) вопрос о распространении положения нового Договора о СНВ на любой новый вид наступательных вооружений стратегической дальности должен быть разрешен в рамках Двусторонней консультативной комиссии, создаваемой в соответствии со Статьей XII нового Договора о СНВ, до того, как данный новый вид наступательных вооружений стратегической дальности будет развернут»;

⁵¹ New START Treaty: resolution of advice and consent: [Bureau of arms control, verification and compliance. December 22, 2010] // U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/153910.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

⁵² О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: федер. закон: [принят Гос. Думой 25 января 2011 г.: одобр. Советом Федерации 26 января 2011 г.] // Российская газ. 2011. 1 февраля.

Что касается Государственной думы, то она «...исходит из того, что любые стратегические наступательные вооружения сторон и новые виды таких вооружений, в том числе основанные на новых физических принципах, а также любые вооружения стратегической дальности будут подпадать под действие нового Договора о СНВ в соответствии с его условиями, закрепленными, в частности, в пункте 2 Статьи V нового Договора о СНВ, а также в Разделе I Главы шестой Протокола к новому Договору о СНВ»⁵³.

Важнейшее значение в данной связи имеют положения Федерального закона о поддержании потенциала СНВ Российской Федерации на уровне, необходимом для обеспечения национальной безопасности нашего государства, о поддержании боевой готовности российских СНВ при любом развитии стратегической обстановки, сохранении и развитии необходимых научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы и производственных мощностей, их финансировании. Государственная дума при этом приняла Заявление «О поддержании боевой готовности и развитии стратегических ядерных сил Российской Федерации, ядерного оружейного комплекса и работающих в данной сфере организаций оборонно-промышленного комплекса».

В разделе «Заявления» ратификационной резолюции Сената США подтверждается американское понимание, согласно которому Договор не ограничивает деятельность Соединенных Штатов, направленную на защиту своей территории, вооруженных сил и союзников от ядерного нападения с использованием ограниченного числа баллистических ракет. Акцентируется задача создания «многослойной системы ПРО», способной противодействовать баллистическим ракетам любой дальности. Особо подчеркивается приверженность Вашингтона совершенствованию своего «стратегического оборонительного потенциала» в количественном и качественном отношении в период действия Договора. При этом выражается заинтересованность в развитии сотрудничества с Россией в сфере ПРО. Комплекс вопросов, связанных с ПРО, ставится под плотный контроль Сената (исполнительную власть призывают дважды в год информировать профильные сенатские комитеты о развитии ситуации в области ПРО и о ходе развития российско-американского диалога по данной тематике). По сути, «Заявления»

⁵³ О позиции Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений: [заявл. Гос. Думы, 25 января 2011 г.] // ИПС «Закон». URL: http://ntc.duma.gov.ru/duma_na/asozd/asozd_text.php?nm=4764-5%20%C3%C4&dt=2011 (дата обращения: 22.07.2012).

в очередной раз обходят закрепленное в преамбуле Договора положение о взаимосвязи СНВ — ПРО и игнорируют соответствующее-российское одностороннее Заявление.

В отношении «будущих систем вооружений стратегической дальности в обычном оснащении» высказывается утверждение, что они не оказывают влияния на стратегическую стабильность. Такая трактовка противоречит преамбулярной формулировке Договора, в соответствии с которой стороны признают существование такого влияния и выступают за необходимость его учета в ходе сокращения СНВ.

«Заявления» предписывают президенту США выдерживать баланс с российской стороной в области стратегических вооружений, подпадающих под засчет ДСНВ, в ходе предстоящих сокращений, не допуская тем самым возникновения «асимметрии» и, соответственно, угроз интересам национальной безопасности США. Администрацию призывают четыре раза в год информировать профильные комитеты Сената о соблюдении российской стороной обязательств в соответствии с новым ДСНВ. Как и в разделе «Условия», здесь вновь прослеживается стремление сенаторов представить Россию в качестве потенциального «нарушителя» Договора.

Сенаторы закрепляют за США право выйти из ДСНВ в случае увеличения каким-либо третьим государством (кроме России) своего стратегического арсенала. Здесь явно прослеживаются «двойные» стандарты: с одной стороны, американцы оставляют для себя возможность неограниченного и беспрепятственного производства и развертывания новых видов СНВ в обычном оснащении, а с другой — заявляют о недопустимости наращивания аналогичных вооружений другими странами.

Президенту рекомендуется рассмотреть возможность заключения новых международных соглашений с Россией, предусматривающих дальнейшие сокращения ядерных вооружений, исходя из интересов национальной безопасности и союзнических обязательств.

В данной связи в статье 5 Федерального закона о ратификации нового Договора о СНВ сформулирован принципиальный подход России к переговорам по дальнейшему сокращению и ограничению ядерных вооружений. «Президент Российской Федерации, — говорится в этой статье, — принимает решение о проведении переговоров по дальнейшему сокращению и ограничению ядерных вооружений с учетом хода выполнения нового Договора о СНВ, его принципов и положений, а также состояния таких вооружений Соединенных Штатов Америки, третьих государств в комплек-

се с другими задачами национальной безопасности Российской Федерации»⁵⁴.

В ратификационной резолюции Сената США зафиксировано также намерение Соединенных Штатов проводить модернизацию и регулярное обновление своих стратегических средств доставки как в ядерном, так и в обычном оснащении.

В целом ратификационная резолюция Сената представляет собой попытку «подкорректировать» основные понимания, достигнутые в ходе переговоров по ДСНВ-2010. По сути, сенаторы затвердили новое, отличное от одобренного Б. Обамой толкование наиболее чувствительных положений соглашения. Подобная односторонняя трактовка носит тенденциозный характер и нацелена на нарушение тщательно выверенного баланса интересов, являющегося основой и главной отличительной чертой данного Договора.

Настораживает то, что в США продолжают нападки по ДСНВ-2010. В этом контексте привлекает внимание законопроект «О предельных уровнях расходов на национальную оборону США в 2013 финансовом году», принятый 18 мая 2012 года Палатой представителей Конгресса США⁵⁵. По инициативе председателя Комитета по стратегическим силам М. Тернера в законопроект включены положения об увязке выполнения ДСНВ-2010 с различными вопросами внутреннего свойства, в том числе касающиеся поддержания и модернизации американского военно-ядерного арсенала и обслуживающего его ядерно-оружейного комплекса.

По сути, в законопроекте дублируется ряд положений сенатской ратификационной резолюции по ДСНВ-2010 от 22 декабря 2010 года. Вводятся различного рода условия, при которых может быть осуществлено сокращение стратегических и нестратегических развернутых и неразвернутых СНВ. Подчеркивается необходимость соблюдения паритета с Россией, учета фактора Китая, а также недопустимость «асимметричных» односторонних сокращений.

18 мая 2012 года одобрена поправка Д. Риберга к законопроекту, предусматривающая ограничение финансирования программ по выводу из эксплуатации СНВ — опять-таки в увязке с действиями

⁵⁴ О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: федер. закон: [принят Гос. Думой 25 января 2011 г.; одобр. Советом Федерации 26 января 2011 г.] // Российская газ. 2011. 1 февраля.

⁵⁵ H. R. 4310. National defense authorization act for fiscal year 2013: [passed the House of Representatives, May 18, 2012] // U. S. Government printing office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-112hr4310eh/pdf/BILLS-112hr4310eh.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

России в контексте ДСНВ-2010⁵⁶. Осталось подождать результатов обсуждения в Сенате США своей редакции законопроекта, на что, правда, может потребоваться несколько месяцев.

1.4. Перспективы дальнейшего ограничения ядерных вооружений

1.4.1. Факторы, обуславливающие перспективы дальнейших сокращений СНВ

Новый российско-американский Договор о СНВ вступил в силу и начал действовать. В результате его реализации к 2018 году группировки СНВ России и США будут ограничиваться 700 развернутыми носителями с 1550 боезарядами на них.

Договором предусмотрено большое количество мероприятий, которые должны быть выполнены в жестко ограниченные сроки. Часть из них началась еще до ратификации, некоторые мероприятия предстоит выполнить в будущем. Ряд мероприятий в рамках Договора уже осуществлены. Прежде всего проведен обмен исходными данными по составу и размещению СНВ на военных базах в России и США. Сформированы инспекционные команды. Осуществлен ряд предусмотренных ДСНВ-2010 показов. Начато проведение инспекций по новым правилам. Запущен механизм консультаций в Двусторонней консультативной комиссии. На сессиях Комиссии ведется обсуждение практических вопросов, связанных с реализацией Договора. В ходе зимней 2012 г. сессии ДКК (с 24 января по 7 февраля) стороны «подписали соглашения об объеме телеметрической информации по пускам МБР и БРПЛ, который представляет каждая из Сторон, и о процедурах проведения демонстраций носителей информации и/или аппаратуры для воспроизведения телеметрической информации». Также было достигнуто соглашение «о количестве пусков МБР или БРПЛ, по которым будет осуществляться обмен телеметрической информацией в 2012 году»⁵⁷.

⁵⁶ Congressional records — House. May 18, 2012: Sec. 1065A. Limitation on availability of funds for retirement of strategic delivery systems // U. S. Government printing office. P. 3136–3137. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CREC-2012-05-18/pdf/CREC-2012-05-18-pt1-PgH3109-3.pdf#page=29> (дата обращения: 22.07.2012).

⁵⁷ О третьей сессии Двусторонней консультативной комиссии по новому Договору о СНВ: [сообщение для СМИ, 245–08–02–2012] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/>

Возникает вопрос: а что дальше? Возможны и необходимы ли дальнейшие более глубокие сокращения СНВ после окончания срока действия последнего подписанного договора о СНВ?

Безусловно, само сокращение стратегических наступательных вооружений — это не самоцель: сокращения ради сокращений. Такие сокращения задумывались на заре эры переговоров по ядерному разоружению и преследовали вполне определенную цель — обеспечить поддержание безопасности сторон на более низких уровнях группировок ядерных вооружений.

Вполне очевидно, что безопасность России в настоящее время определяется не только соотношением стратегических ядерных вооружений России и США. Она зависит и от многих других факторов — планов развития глобальной ПРО США, ситуации в области крылатых ракет морского базирования большой дальности и других дальнобойных высокоточных систем, ядерных средств союзников США по НАТО, перспектив вывода нестратегического ядерного оружия США из Европы, соотношения сил общего назначения, наличия многочисленных военных баз с развивающейся военной инфраструктурой вблизи территории России, реализации идей вывода оружия в космос и др.

Отдельно выделим проблему количественных показателей ядерного оружия России и США. Эти уровни по носителям становятся все более критичными. Вряд ли кто будет спорить о том, что в конечном счете именно от количества средств доставки, их технических характеристик, живучести и ряда других факторов зависит реальный потенциал сдерживания.

Все более актуальным становится подключение всех без исключения ядерных держав к процессу ограничения и сокращения их ядерных вооружений.

Важно, что понимание этого становится частью широкой общественно-политической дискуссии. Как представляется, мнение общественности, неправительственных организаций, академических кругов игнорировать сегодня не получается.

В этом контексте уместно отметить идеи общественной «Инициативы по глобальному ядерному нулю», Люксембургского и Мюнхенского форумов, некоторых других НПО, специализирующихся на тематике глобальной безопасности. Отдельно стоит выделить созданный ПИР–Центром Совет по устойчивому партнерству с Россией (СУПР). В выдвигаемых ими предложениях немало интересного, разумного и конструктивного. Разумеется, есть в этих иде-

ях и спорные, порой неоднозначные мысли. Однако в любом случае целесообразно использовать интеллектуальный потенциал данных структур для правильного выбора вектора движения по сокращению и ограничению ядерных вооружений.

Еще одна проблема — в контексте перспектив контроля над ядерными вооружениями. Ряд систем вооружений, влияющих на стратегический баланс сил, не будучи стратегическими формально (с точки зрения существующей международно-правовой базы), являются стратегическими по своей сути, поскольку они способны поражать стратегические военные цели, пункты государственного управления. При этом по мере сокращения СНВ влияние этих вооружений на баланс сил только возрастает.

Например, высокоточное оружие, не подверженное никаким количественным, качественным или территориальным ограничениям и вместе с тем хорошо закамуфлированное по своим целям (например, под «борьбу с терроризмом»), является также оружием, объектами удара которого могут быть стратегические объекты. Учитывая к тому же его минимальное подлетное время, высокую точность наведения, оно обеспечивает внезапность удара и существенно уменьшает возможность ответных действий.

Может ли Россия не учитывать все эти факторы? Говорить о «ядерном нуле», закрывать глаза на перечисленные проблемы в их взаимосвязи вряд ли можно считать допустимым. Поэтому, последовательно выступая за снижение ядерного противостояния, Россия не может игнорировать того, что из многих факторов, предопределяющих обеспечение военной безопасности, американцы стремятся нивелировать лишь стратегическое ядерное оружие, а решение остальных, где преимущество — на стороне США, торпедируется. На такой основе перспектива достижения дальнейших сокращений СНВ представляется весьма проблематичной. Дальнейшие сокращения СНВ России и США в указанных условиях будут работать не на укрепление стратегической стабильности, а скорее наоборот — на ее подрыв.

Поэтому перспективы дальнейших сокращений СНВ зависят от взаимоприемлемых решений по другим ключевым вопросам безопасности. Со стороны США должна быть недвусмысленно заявлена готовность искать взаимоприемлемые решения по обозначенным проблемам. В случае если решение этих проблем не будет найдено, дальнейшее договорное сокращение СНВ России окажется не выгодным с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Сегодня очевидно, что в современных условиях ядерное оружие является главным аргументом России в деле обеспечения своей национальной безопасности.

1.4.2. Проблема ракет средней и меньшей дальности

В последние годы в политической и экспертной среде периодически дискутируется возможность денонсации Договора о РСМД 1987 года.

Параметры этого Договора, его значение для стратегической стабильности были раскрыты в предыдущих разделах монографии. Напомним здесь лишь то, что после распада Советского Союза де-факто в роли государств-правопреемников СССР по Договору о РСМД выступили Россия, Беларусь, Украина и Казахстан. Наряду с США эти государства в настоящее время и являются сторонами — участниками Договора о РСМД.

В пользу денонсации Договора о РСМД приводятся следующие соображения.

После заключения Договора о РСМД геополитическая ситуация радикально изменилась. Распалась одна из стран, заключавших этот Договор, — Советский Союз. При этом некоторые бывшие союзные республики СССР и страны Варшавского Договора, на территории которых ранее размещались советские ядерные ракеты средней и меньшей дальности, предназначавшиеся для сдерживания НАТО, уже сами являются членами НАТО либо стремятся к вступлению в альянс. Снизилась угроза глобальной ядерной и крупномасштабной обычной войны с участием ведущих мировых центров силы и России. По сути, Договор о РСМД, призванный в свое время снизить ядерное противостояние в Европе между НАТО и ОВД и выполнивший эту роль, потерял свой прежний военно-политический смысл.

С другой стороны, несмотря на снижение вероятности глобальной войны, в мире значительно возросла конфликтность на региональном уровне, расширились процессы распространения ядерного оружия и ракетных средств доставки оружия, активизировался международный терроризм.

Для некоторых стран — участниц Договора о РСМД эти новые вызовы могут представлять реальные угрозы собственной национальной безопасности. При этом стороны Договора о РСМД могли бы парировать такие угрозы и с помощью запрещенного данным Договором оружия, в первую очередь в обычном оснащении, минимизировав затраты. Тем более что в ряде этих стран существует задел по созданию баллистических и крылатых ракет наземного базирования средней и меньшей дальности и сохранилась соответствующая производственная база.

По сути, ситуация, когда участниками Договора о РСМД являются только пять государств (Беларусь, Казахстан, Россия, США, Украина), а остальные страны мира имеют право создавать ракеты

средней и меньшей дальности для нужд своей обороны, является дискриминационной по отношению к участникам Договора.

В связи с этим Россия призвала обсудить возможность придания Договору о РСМД глобального характера путем присоединения к нему других стран, отказа государств, имеющих баллистические и крылатые ракеты наземного базирования средней и меньшей дальности, от таких средств, их уничтожения и прекращения связанных с ними программ. Совместно с США такой призыв прозвучал на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2007 году в рамках совместного российско-американского Заявления⁵⁸.

Некоторые практики и эксперты считают, что если такой призыв к глобальному Договору о РСМД не будет поддержан, то России необходимо поставить вопрос о реализации своего права на выход из него. Для России основания такого решения могут быть связаны с необходимостью принятия дополнительных мер по обеспечению собственной безопасности в изменившихся условиях после подписания Договора о РСМД.

В настоящее время соотношение сил в сфере обычных вооружений в Европе изменилось. Об этом ведется активный диалог в Вене в рамках Специальной консультативной группы, не остаются в стороне и эксперты СРН в Брюсселе. Качественно развиваются армии стран НАТО, ряда других соседних стран. Вблизи российских границ на Евразийском континенте возникли новые потенциальные угрозы безопасности — продвижение НАТО на Восток, создание оружия массового уничтожения и ракетных средств его доставки некоторыми соседними государствами, обострение обстановки в ряде приграничных с Россией регионов, активизация международного терроризма и, разумеется, многие другие.

В этих условиях наша страна могла бы рассматривать группировку ракет средней (в первую очередь) и меньшей дальности как важный дополнительный инструмент регионального сдерживания и как противовес превосходству в обычных вооружениях ряда стран НАТО и других государств.

Называется и активно обсуждается и другая возможная причина развертывания Россией группировки ракет средней дальности — как ответ на американские планы ПРО в Европе. Европейские объекты ПРО США могут стать потенциальными целями для российских

⁵⁸ Совместное российско-американское заявление по Договору о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: [Нью-Йорк, 25 октября 2007 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.int/russia/new/MainRootrus/docs/off_news/281007/newru2.htm (дата обращения: 22.07.2012).

средств поражения. Ракеты средней дальности как нельзя лучше подходят для выполнения этой задачи.

Между тем принятие решения о выходе из Договора о РСМД нуждается в самом тщательном анализе. Такой односторонний шаг России может привести к серьезным негативным последствиям для собственной безопасности.

Принятие Россией такого решения может явиться поводом для ответного развертывания в Европе аналогичных американских ракет. В итоге мы вернемся к ситуации, от которой ценой больших уступок ушли путем заключения Договора о РСМД, и создадим себе угрозу, гораздо большую, чем угроза от ракет «третьих» стран. Новые члены НАТО без особых проблем согласятся предоставить свою территорию для американских ракет. Об этом можно судить по тому, как это происходит с развертыванием американской ПРО в Европе. И если в начале 1980-х годов размещение ракет средней дальности воспринималось Советским Союзом как серьезная угроза, то для нынешней России ситуация будет выглядеть намного хуже. Если американские ракеты «Першинг-2» тогда едва достигали середины европейской части СССР, то теперь в случае размещения на территории новых членов НАТО аналогичные системы будут перекрывать всю европейскую территорию России.

Многие из европейских стран в ответ на выход России из Договора о РСМД могут «попросить» Соединенные Штаты развернуть американские системы ПРО и на их территории. Российские ракеты средней дальности, развернутые для поражения объектов ПРО в Европе, сами станут объектом перехвата американской противоракетной обороной. Все будет определяться соотношением их количества и техническими характеристиками.

Развертывание Россией ракет средней дальности приведет к еще большей консолидации стран НАТО на антироссийской платформе, позволит США укрепить позиции на континенте. Привычный для альянса образ врага теперь уже в лице России будет вновь обретен.

Односторонний выход нашей страны из Договора РСМД будет иметь деструктивное значение и для всей системы контроля над вооружениями, негативно скажется на дальнейшей судьбе ДНЯО и всего процесса ядерного нераспространения.

Теперь что касается инициативы о глобальном договоре о РСМД, предложенной Россией и США. Конечно, создание и последующая реализация такого режима принесли бы массу положительных результатов.

Мир избавился бы от ракет в диапазоне дальностей от 500 км до 5500 км, а в результате — дальнейшее радикальное оздоровление об-

становки в глобальном масштабе, более безопасная жизнь на планете.

Это стало бы мощным позитивным вкладом в укрепление режима нераспространения ОМУ. Общеизвестно, что наиболее эффективным средством для доставки ядерных боеприпасов являются ракеты. Их отсутствие существенным образом снизило бы мотивацию к созданию ядерного оружия. Это было бы исключительно важным вкладом других государств в процесс ядерного разоружения.

Договоренность о полной ликвидации РСМД практически снимала бы с повестки дня вопрос о необходимости ПРО для борьбы с такими ракетами, ведь именно они имеются у стран, «вызывающих озабоченность» (вопрос же о создании такими странами МБР — из разряда гипотетических).

Достижение договоренности по глобальному договору о РСМД на фоне качественно новых отношений России и США могло бы стать дополнительным весомым стимулом к дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений.

Наконец, результатом реализации данной идеи было бы не только укрепление международной и национальной безопасности, но и избавление участников будущего договора от экономического бремени, связанного с созданием, производством и развертыванием рассматриваемых классов оружия.

Однако следует признать, что реализация глобального режима РСМД вряд ли возможна в обозримой перспективе.

С одной стороны, для многих стран такие ракетные системы видятся важным (а иногда главным и единственным) и наиболее эффективным средством обеспечения собственной безопасности, сдерживания региональных конфликтов (пример — индийско-пакистанские отношения), реализации целей по повышению своего политического веса на региональном и глобальном уровнях.

С другой стороны, выдвижение инициативы глобального договора о РСМД не оговаривается гарантией обеспечения безопасности государств, не обладающих или отказавшихся от обладания ракетными средствами. Не содержится в ней и указаний на меры поощрения таких стран. Понятно, что государства, имеющие ракетные вооружения, затратили на их создание огромные материальные и финансовые средства, а вопрос о возможной компенсации в случае отказа от ракет даже не обозначен.

Наконец, принципиально важным является вопрос о том, подразумевает ли инициатива вовлечение всех без исключения государств или же она допускает возможность приглашения в будущий договор лишь некоторых государств.

Сама идея ликвидации двух классов оружия несет в себе позитивное начало. Представляется, что для ее продвижения необходимо обсудить условия и принципы, на базе которых должна выработываться договоренность о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Здесь важно учесть как минимум следующее:

- необходимо признание недопустимыми силовых методов разрешения политических вопросов и угрозы применения силы. Политика, подобная той, которую продемонстрировали страны НАТО в Югославии и на Ближнем Востоке, остается серьезным препятствием на пути претворения в жизнь инициативы;

- нужно определиться, должна ли договоренность быть всеобщей или же некоторые государства (как не имеющие, так и имеющие РСМД) могут не являться ее участниками либо в последующем присоединиться к ней;

- договоренность должна предполагать бессрочный характер;

- договоренность должна в обязательном порядке предусматривать поэтапность решения проблемы, и ее реализацию следует осуществлять в сравнительно длительные сроки (все сразу и быстро здесь не решить);

- важным моментом на пути перевода инициативы в практическую плоскость могло бы стать достижение договоренности о заблаговременном объявлении всеми государствами имеющихся у них запасов РСМД;

- в договоренности обязательно должны быть зафиксированы гарантии обеспечения национальной безопасности для всех ее участников (в противном случае рассчитывать на успех не приходится);

- наряду с гарантиями обеспечения безопасности важно отработать и зафиксировать меры поощрения государств, отказавшихся от обладания ракетными средствами доставки ОМУ. Например, могла бы идти речь о льготных условиях для них в осуществлении вывода полезных грузов в космос с помощью ракет-носителей других государств или об оказании помощи в создании ими собственных ракет-носителей.

1.4.3. Проблема нестратегического ядерного оружия в российско-американских отношениях

Еще до начала официальных переговоров по новому Договору о СНВ в политической среде США раздавались призывы включить в повестку переговоров наряду с СНВ и нестратегические (тактические) ядерные вооружения.

В качестве доводов целесообразности инициирования переговоров по НСЯО использовались тезисы о якобы значительном превосход-

стве России по количеству вооружений этого класса, об отсутствии открытости политики России в области НСЯО, а также высказывалась озабоченность по поводу надежности и безопасности хранения ядерных боеприпасов в России.

Новый Договор о СНВ не затронул проблематику НСЯО. Еще до начала переговоров в Лондонском 2009 года Совместном заявлении президентов РФ и США было зафиксировано, что «предметом договоренности будут являться сокращение и ограничение стратегических наступательных вооружений»⁵⁹.

Собственно, НСЯО никогда и не было предметом соглашений по СНВ. Правда, согласовывая в 1997 году в Хельсинки основные параметры Договора СНВ-3, президенты России и США сочли необходимым поручить экспертам рассмотреть в контексте переговоров по этому договору наряду с другими вопросами также возможные меры, касающиеся НСЯО⁶⁰. Однако в силу изложенных выше причин, по которым не состоялись переговоры по СНВ-3, поручение президентов по НСЯО, разумеется, не было реализовано.

Тем не менее в США по-прежнему звучат требования добиваться договорного сокращения российского «превосходства» по НСЯО. Утверждается, что без этого невозможен прогресс на дальнейших переговорах по СНВ.

Подобные требования, например, содержит, как указывалось выше, ратификационная резолюция Сената США по новому Договору о СНВ. Напомним, что администрации предписано в течение года после вступления ДСНВ-2010 в силу добиваться начала российско-американских переговоров по дальнейшим сокращениям ядерных вооружений, включая тактические и неразвернутые боезаряды. В качестве первого шага предполагается согласовать «взаимные меры транспарентности и доверия», предусматривающие предоставление информации о количестве, типах и местах хранения НСЯО.

Вместе с тем в Обзоре ядерной политики США 2010 года обозначена несколько иная задача — сохранение потенциала передового базирования американского НСЯО как на тактических

⁵⁹ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений: [Лондон, 1 апреля 2009 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/167 (дата обращения: 22.07.2012).

⁶⁰ Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений: [от 21 марта 1997 г., Хельсинки] // Кодекс: электронный фонд нормативных документов. URL: <http://docs.kodeks.ru/document/901857459> (дата обращения: 22.07.2012).

истребителях-бомбардировщиках, так и на тяжелых бомбардировщиках. Предписывается реализация программы продления срока эксплуатации ядерных зарядов В-61 (около 200 из них складированы в пяти европейских странах НАТО)⁶¹. Кроме того, в новой стратегической концепции НАТО (Лиссабон, ноябрь 2010 года) зафиксирована особая важность ядерных сил блока как элемента системы сдерживания и средства демонстрации трансатлантической солидарности⁶².

Как представляется, есть основания полагать, что реальных сокращений НСЯО администрация США пока не планирует, а для выполнения резолюции Сената Белому дому (вероятно) будет достаточно лишь вступить с нами в «переговоры» по мерам транспарентности.

Следует отметить и настойчивые призывы мирового сообщества к России и США по сокращению нестратегических ядерных арсеналов в рамках рассмотрения ДНЯО в ООН. Причем такого рода инициативы идут не только от западных стран, но и государств ДН.

Например, на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН ее Первым комитетом была принята резолюция «Сокращение нестратегических ядерных вооружений»⁶³. Среди положений этой резолюции можно отметить следующие призывы и требования:

– дальнейшие сокращения и уничтожение нестратегических ядерных вооружений должны быть включены в качестве неотъемлемого элемента в процесс сокращения ядерных вооружений и разоружения;

– сокращения нестратегических ядерных вооружений должны носить транспарентный, поддающийся контролю и необратимый характер;

– Россия и США должны официально оформить известные президентские инициативы по нестратегическим ядерным вооружениям в виде правовых документов и начать переговоры о дальнейших их сокращениях;

⁶¹ Nuclear posture review report. Washington: Department of Defense, 2010. April. URL: <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

⁶² Active engagement, modern defence: strategic concept for the defence and security of the members of the North Atlantic Treaty Organization: [adopted by heads of state and government at the NATO summit in Lisbon, 19–20 November, 2010]. Brussels: NATO, 2010.

⁶³ General Assembly Fifty-seventh session: [official records: 57th plenary meeting, November 22, 2002, 10 a.m., New York] // United Nations. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/705/84/PDF/N0270584.pdf?OpenElement>. P. 7–8 (дата обращения: 22.07.2012).

– осуществление дополнительных мер укрепления доверия и транспарентности в целях уменьшения угроз, создаваемых нестратегическими ядерными вооружениями, а также согласованных мер по дальнейшему снижению степени боевой готовности таких вооружений в целях уменьшения опасности их применения;

– государства, обладающие ядерным оружием, должны взять на себя обязательство не увеличивать количество и не расширять номенклатуру нестратегических ядерных вооружений, не разворачивать новых типов таких вооружений и не разрабатывать логических обоснований их применения;

– запрещение тех типов нестратегических ядерных вооружений, которые были удалены из арсенала государств, и разработка механизмов транспарентности, позволяющих осуществлять контроль за уничтожением этих вооружений.

Таким образом, можно полагать, что давление на Россию по проблематике нестратегического ядерного оружия в ближайшие годы будет нарастать. В этих условиях весьма важно выработать позицию по НСЯО, адекватно отражающую реально сложившуюся ситуацию.

На сегодняшний день нестратегическое ядерное оружие России и США регулируется политическими инициативами, заявленными президентами двух стран в 1991–1992 годах.

Инициатива Президента СССР М. С. Горбачева от 5 октября 1991 года стала ответным шагом на одностороннюю инициативу Президента США Дж. Буша от 28 сентября 1991 года. После распада Советского Союза его обязательства по НСЯО были подтверждены Россией как правопреемницей СССР, дополнены и конкретизированы в заявлении Президента России Б. Н. Ельцина «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» от 29 января 1992 года⁶⁴.

Обязательства в области НСЯО предусматривали реальные меры по сокращению, ликвидации и понижению боеготовности этого класса оружия. Стороны не оговаривали конкретных сроков ликвидации своих нестратегических вооружений. Однако вскоре Россией были объявлены сроки ликвидации различных видов НСЯО, которые предусматривали реализацию принятых ею обязательств до 2000 года включительно.

Основное содержание инициатив по НСЯО представлено в таблице 2.

⁶⁴ О политике России в области ограничения и сокращения вооружений: [заявление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, 29 января 1992 г.] // Российская газ. 1992. 30 января.

Инициативы США и России по нестратегическому ядерному оружию

Тип вооружений	Инициативы США	Инициативы России
Артиллерийские снаряды и боеголовки тактических ракет наземного базирования	Вывод на территорию США и их полная ликвидация	Снятие, складирование, полная ликвидация, прекращение производства
Мины		Снятие, складирование, полная ликвидация, прекращение производства
Оружие надводных кораблей и многоцелевых ПЛ, морской авиации наземного базирования	Снятие, складирование на территории США, ликвидация значительной части	Снятие, складирование и ликвидация одной трети
Боеголовки зенитных ракет		Снятие, складирование, ликвидация половины
Авиационные боеприпасы		Ликвидация половины

Оформление указанных мер по нестратегическому ядерному оружию в виде политических инициатив позволило избежать длительных и тяжелых переговоров и добиться прогресса в сокращении излишков нестратегических ядерных боеприпасов.

По оценке «Комиссии Пери–Шлезингера» Конгресса США, в ходе сокращений НСЯО Россией и США были изъяты из вооруженных сил примерно 14 тысяч ядерных боезарядов. Однако Россия и США не огласили официальных данных о количестве ликвидированных и оставшихся нестратегических ядерных боезарядов. Стороны лишь признают, что по сравнению с пиком холодной войны они сократили запасы НСЯО на 75–80 %⁶⁵.

За прошедший после выдвижения политических инициатив период Россия и США новых обязательств по НСЯО не брали, и юридически обязывающего международного режима ограничения такого оружия выработано не было.

Начало переговоров по нестратегическому ядерному оружию затрудняется рядом проблем.

⁶⁵ America's strategic posture: the final report of the congressional Commission on the strategic posture of the United States: [authorized ed.] / H. Cartland [et al.]; chair. W. J. Perry; vice-chair. J. R. Schlesinger. Washington: United States institute of peace press, 2009. P. XVI.

В первую очередь это политические разногласия сторон в отношении НСЯО. В силу особенностей геостратегического положения нашей страны это оружие имеет для нас гораздо большее значение, чем для Соединенных Штатов. Россия рассматривает свое нестратегическое ядерное оружие как противовес значительному превосходству стран НАТО в Европе в обычных вооружениях.

Еще один важный аргумент: наличие НСЯО у России – сдерживающий фактор и для ракетных сил третьих стран, в пределах досягаемости которых находится российская территория. В то время как для США угрозу могут представлять только стратегические вооружения России и Китая.

Принципиально важно, что российское нестратегическое ядерное оружие размещено только на собственной территории России, выведено из войск и сосредоточено на специальных базах хранения. Поэтому оно не представляет угрозы Соединенным Штатам.

США, напротив, имеют запасы такого оружия в Европе в непосредственной близости от границ России. По сути, такое оружие является стратегическим по своим способностям поражения стратегических объектов на территории России.

На майском 2012 года саммите НАТО было принято решение оставить американское НСЯО в Европе. Члены альянса лишь планируют создавать условия для «дальнейшего сокращения» такого оружия. Внутринатовские разногласия по вопросу о выводе американских бомб из Европы, видимо, не сняты. На этом этапе натовцы решили оставить в силе статус-кво. Одновременно в Обзор политики НАТО в области обороны и сдерживания (один из итоговых документов майского 2012 года саммита НАТО) включена рыхлая формулировка об изучении возможных концепций участия членов Группы ядерного планирования в реализации договоренностей о совместном использовании ядерного оружия (nuclear sharing)⁶⁶. Однако члены НАТО оговаривают любые изменения в этой области российскими шагами по сокращению НСЯО.

Исходя из этого понятна российская позиция, излагаемая на сессиях ГА ООН, обзорных конференциях ДНЯО, где звучат требования к США вывести американские нестратегические ядерные средства из Европы на свою национальную территорию и уничтожить соответствующую военно-техническую инфраструктуру в европейских неядерных странах НАТО.

⁶⁶ Deterrence and defence posture review: [press release (2012) 063, issued on May 20, 2012] // NATO. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87597.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 22.07.2012).

Примечательно, что российское требование о выводе из Европы американского НСЯО и уничтожение инфраструктуры его размещения за рубежом трактуется на Западе как попытка России ослабить НАТО и нежелание обсуждать вопрос о сокращении НСЯО по существу. Такой подход России, по мнению некоторых отечественных экспертов, нереалистичен с учетом союзнических отношений альянса и ядерных гарантий США в НАТО.

Возникает вопрос о необходимости подключения других ядерных государств к потенциальному диалогу по НСЯО. Без учета их потенциала вряд ли возможны серьезные договоренности в этой области.

Наряду с политическими разногласиями существует также и ряд серьезных технических проблем, без решения которых достижение прогресса в дискуссии по нестратегическим ядерным вооружениям невозможно.

Как показала практика переговоров по СНВ, решение технических вопросов (поиск точных определений сокращаемых вооружений, разработка механизмов проверки, согласование процедур ликвидации, обмена информацией) требует значительно больших усилий, чем согласование принципиальных проблем стратегического уровня («потолки», сроки, этапы сокращений). При этом если в области ограничения СНВ за десятилетия была накоплена и закреплена на практике огромная понятийно-юридическая база, содержащая многочисленные элементы — от терминов и их определений до отлаженной системы инспекций, то в области нестратегических ядерных вооружений такой опыт находится на нулевой отметке. В то же время трудностей предстоит преодолеть значительно больше, чем в области СНВ. Специфика же НСЯО делает мало применимыми методы верификации, разработанные в рамках соглашений по СНВ.

Взять хотя бы проблему определения стратегического и нестратегического оружия. При подготовке договоров об ограничении стратегических вооружений СССР/Россия и США исходили из того, что этими соглашениями охватываются те вооружения, с помощью которых они могут достичь территории друг друга («принцип досягаемости»). Таким образом, понимание стратегического оружия носит здесь сугубо двусторонний характер и в принципе не применимо в случае с другими ядерными державами.

Более того, даже между Россией и США остаются расхождения в том, что считать НСЯО. Например, у сторон нет единого понимания в отношении КРМБ БД. Известно также, что одни и те же ядерные авиационные бомбы могут устанавливаться как на стратегических, так и нестратегических носителях.

Как представляется, проблемы понятийно-категориального аппарата по НСЯО могут быть отправной точкой дискуссий в ядерной «пятерке».

Средства доставки НСЯО, как правило, являются носителями двойного назначения и могут входить в состав группировок обычных вооруженных сил. Если в сфере СНВ сокращения осуществлялись за счет ликвидации носителей, то в случае НСЯО такой подход, скорее всего, не применим. Вряд ли стороны согласятся ликвидировать средства, которые используются и для доставки обычных вооружений (самолеты, ракеты малой дальности, зенитные ракеты, торпеды, боевые средства кораблей и подлодок, ствольная артиллерия).

По существу ограничение НСЯО сводится к сокращению и контролируемой ликвидации ядерных зарядов, чего в договорной практике ядерного разоружения до сих пор не было.

Наличие серьезных политических разногласий в позициях сторон и технических проблем реализации режима ограничения нестратегического ядерного оружия порождает скепсис в отношении возможности заключения в ближайшем времени полномасштабного соглашения по НСЯО, включающего вопросы верификации. Сами же переговоры если и возможны, то представляются сложными и длительными. Кроме того, очевидно, что о возможности начала дискуссий по НСЯО можно говорить лишь в случае нахождения развязок по обозначенным ранее факторам стратегической стабильности, необходимым для продолжения переговоров о дальнейшем сокращении СНВ.

Если же и когда начнутся дискуссии по НСЯО, в первую очередь в рамках ядерной «пятерки», то ближайшими задачами таких консультаций могли бы стать:

- согласование понятийно-категориального аппарата применительно к различным ядерным вооружениям;
- выработка механизма учета взаимного влияния различных видов вооружений, в том числе неядерных, на стратегическую стабильность;
- согласование обязательств по возвращению в пределы национальных территорий ядерных держав всего ядерного оружия и запрету на его размещение за пределами национальной территории;
- отказ от проведения тренировок (учений), связанных с подготовкой и применением ядерного оружия вооруженными силами государств, не обладающих такими вооружениями;
- обсуждение будущего НСЯО в комплексе с принятием конкретных мер по ограничению и другим видам вооружений, в том числе неядерных.

1.4.4. Многосторонние переговоры стран – обладателей ядерного оружия

До сегодняшнего дня в переговорах по ограничению СНВ участвовали лишь две ядерные страны – Россия (СССР) и США. Начало таким переговорам было положено еще в конце 60-х годов XX века, и в результате многолетней деятельности был подписан целый ряд двусторонних соглашений.

Другие официальные члены «ядерного клуба» – Великобритания, Франция и Китай – в переговорах по ограничению СНВ не участвуют. Хотя, как уже упоминалось выше, в соответствии со статьей VI Договора о нераспространении ядерного оружия все они «обязуются в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению...»⁶⁷

Такая позиция Великобритании, Франции и Китая официально мотивируется существенным количественным отставанием ядерных арсеналов этих государств от России и США.

Действительно, в ядерной «пятерке» на РФ и США приходится подавляющее количество стратегических носителей и ядерных боеприпасов.

Общее количество боеприпасов в ядерном арсенале Великобритании оценивается в различных источниках в 180...225 боезарядов, Франции – 300–320 боезарядов, Китая – 200...250 боезарядов (плюс до 150 нестратегических)⁶⁸.

Говоря о перспективах развития ядерных вооружений Великобритании, Франции и Китая, необходимо отметить следующее.

Прогнозируя ядерную политику Великобритании и Франции, можно предположить по крайней мере отсутствие у них намерений увеличивать запасы ядерного оружия. В то же время в отношении китайских планов многое остается неясным.

В любом случае, независимо от сценария развития СНВ Китая, привлечение этой страны, как и Великобритании и Франции, к многостороннему диалогу по СНВ отвечает интересам России.

⁶⁷ Договор о нераспространении ядерного оружия: [одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

⁶⁸ См., например: Ядерное оружие Великобритании, Франции, Китая / [В. А. Дронов и др.]; Институт стратегической стабильности Росатома. М., 2012. С. 38, 77, 112.

Этот тезис нашел отражение в положениях Стратегии национальной безопасности РФ, в соответствии с которой⁶⁹:

– Россия готова к дальнейшему обсуждению вопросов сокращения ядерных потенциалов на основе двусторонних договоренностей и в многосторонних форматах;

– Россия будет содействовать вовлечению других государств, прежде всего владеющих ядерным оружием, в процесс обеспечения стратегической стабильности.

Вопрос о многосторонних переговорах с участием всех государств – обладателей СНВ периодически поднимается в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, Комиссии ООН по разоружению, обзорных конференций ДНЯО, других разоруженческих форумов.

Однако на сегодняшний день, несмотря на обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия, намерений Великобритании, Франции и Китая присоединиться к переговорному российско-американскому разоруженческому процессу по СНВ не просматривается. Они по-прежнему утверждают, что даже после выполнения Россией и США обязательств по ДСНВ-2010 эти две державы должны продолжить сокращения на двусторонней основе.

Хотелось бы подчеркнуть, что переговорный процесс сокращения СНВ не может бесконечно оставаться двусторонним. Уже на нынешней стадии этого процесса Великобритания, Франция и Китай могут вносить свою «лепту». Как представляется, на начальных этапах развития многостороннего переговорного процесса речь может идти, например, об обязательствах других членов «ядерного клуба» не наращивать свои ядерные вооружения.

Одной из целей вовлечения других ядерных стран в переговорный процесс по СНВ могло бы явиться согласование совместных мер контроля и транспарентности, а в дальнейшем можно было бы подумать и о совместных мерах контроля.

Как представляется, в настоящее время ядерные страны пока лишь присматриваются к перспективе совместных действий в области ядерного разоружения. Так, на Обзорной конференции 2010 года по ДНЯО Великобритания, Франция и Китай выступали категорически против подключения к российско-американским переговорам в области ядерного разоружения. Максимум, на что они согласились, — это неформальные консультации по некоторым аспектам, связанным

⁶⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: [утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537] // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 22.07.2012).

с ядерным разоружением. Так, уже прошли совместные встречи для обсуждения опыта разоружения, понятийно-категориального аппарата ядерных доктрин и других вопросов, изложенных в статье VI ДНЯО. Однако к конкретным совместным шагам в области ядерного разоружения Великобритания, Франция и Китай готовности пока не высказали.

В долгосрочной перспективе многосторонний режим должен распространяться не только на «пятерку» официальных ядерных государств, но и на государства, обладающие серьезными потенциалами их ядерно-оружейных комплексов. Автор сознательно избегает использования термина «де-факто ядерные государства», чтобы это не расценивалось в тех странах как свидетельство признания их ядерного статуса наравне с пятью официально признанными по ДНЯО ядерными державами. Точка зрения автора: признание подобных государств де-юре ядерными странами может оказать разрушительное влияние на ДНЯО, что недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Несомненно, ядерные государства играют важную роль в балансе сил в мире. И если в биполярном мире его центры (США и СССР) договорились создать двусторонний режим контроля над СНВ, то в новом многополярном мире должен быть создан подобный многосторонний режим.

II. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Проблема противоракетной обороны уже более сорока лет остается одним из приоритетов советско-американского, а в настоящее время — российско-американского диалога. Интенсивность дискуссий меняется, однако и политики, и военные постоянно возвращаются к этой теме. Столь продолжительная ее актуальность связана с тем, что системы противоракетной обороны, несмотря на свой по определению «оборонительный характер», способны оказывать существенное влияние на реализацию концепции сдерживания, на которой базируется сложившаяся после Второй мировой войны система глобальной безопасности. ПРО непосредственно влияет на стратегическую стабильность, от состояния которой зависит перспектива ядерного разоружения, да и разоружение в целом.

В течение многих лет только осознание неотвратимости возмездия, подкрепленного наличием технических средств доставки в виде баллистических ракет большой дальности, удерживало мир от развязывания взаиморазрушающего конфликта. Опасность противоракетной обороны для реализации этой концепции, ее роль как катализатора гонки ракетно-ядерных вооружений первыми осознали в США еще в прошлом веке. Напомним, что в то время у СССР и США имелись огромные запасы стратегических наступательных вооружений, а потенциал систем ПРО действительно был ограничен их техническими возможностями.

Американские политики тогда понимали, что наличие развернутых и боеготовых систем ПРО, развитие которых ничем не ограничено, представляет угрозу для безопасности США. Аналогичный подход доминировал и в СССР, хотя результаты работ по перехвату баллистических ракет у нас были успешнее, чем в США, что вселяло надежды на возможность сохранить часть военного потенциала после потенциального обмена ядерными ударами.

Совпадение взглядов США и СССР на последствия создания систем противоракетной обороны привело к осознанию необходимости выхода на договоренности по ПРО. Результатом этого стало подписание Советским Союзом и США в 1972 году Договора об ограничении

систем ПРО⁷⁰. Ограничение возможностей противоракетной защиты в рамках Договора сыграло фундаментальную роль в разоружении, дав толчок последующему процессу сокращения СНВ.

Договор по ПРО был бессрочным. Однако в 2002 году США вышли из него и приступили к созданию и последующему развертыванию глобальной системы ПРО. Руководством России это решение было расценено как ошибочное.

Российские усилия решить проблему сдерживания расширения ПРО США международно-правовым путем не привели к необходимым результатам. С этой же целью были сделаны попытки через сотрудничество по крайней мере минимизировать негативное влияние американской ПРО на стратегическую стабильность.

2.1. Исторические аспекты развития систем ПРО

2.1.1. Развитие систем ПРО в США

Идея обеспечения неуязвимости своей территории от нападения является одной из составляющих американского менталитета и имеет глубокие корни. На протяжении почти всей своей истории Соединенные Штаты были надежно защищены океанами. Реальную угрозу своей территории они ощутили лишь после утраты ядерной монополии и создания Советским Союзом межконтинентальных средств доставки ядерного оружия. Последствиями осознания этого факта стали настойчивые попытки США вернуть былую неуязвимость своей территории путем создания противоракетного щита против возможного нападения.

Реальные работы по созданию системы ПРО в США были начаты еще в 1955 году с открытием программы «Найк-Зевс» (Nike Zeus) для защиты отдельных объектов на территории США. В 1962 году было проведено первое летное испытание противоракеты. Несмотря на подтверждение возможности перехвата баллистических ракет в дуэльной ситуации, программа была закрыта из-за несоответствия боевых возможностей системы поставленным перед ней задачам.

С учетом этого уже в 1963 году была начата программа создания двухэшелонной системы ПРО «Найк-Икс» (Nike X). Перед разработчиками этой системы ставилась новая цель — создать противора-

⁷⁰ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны: [26 мая 1972 г.] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 85–89.

кетный комплекс, способный обеспечить защиту не только объекта, но и целого района. Архитектура системы предусматривала перехват ракет на двух рубежах, и в ее состав входили два типа противоракет — одни должны были обеспечить перехват целей на дальности до 650 км, другие — в районе обороняемого объекта на высоте до 30 км. Для системы «Найк-Икс» были созданы новые многофункциональные радиолокационные станции с фазированной антенной решеткой. Испытания системы начались в 1968 году и продолжались вплоть до 1971 года. Однако в США так и не сложилось единства мнений по вопросу о принятии этой системы на вооружение.

В конце 1960-х годов начались работы по новому проекту «Сентинел» (Sentinel), предусматривающему зональную оборону важных административно-промышленных центров северо-восточного региона континентальной части США. Развертывание системы предполагалось завершить в течение 5–6 лет. Однако и на этот раз в США было немало противников создаваемой системы ПРО. С учетом данного обстоятельства Президент США Р. Никсон принял решение о прекращении работ над этим проектом.

Однако это не означало отказа Соединенных Штатов от намерения создать противоракетный щит. В США происходило лишь изменение взглядов на предназначение системы противоракетной обороны и концепцию ее построения. Поэтому взамен программы «Сентинел» была выдвинута программа создания новой системы «Сейфгард» (Safeguard), которая предназначалась для защиты баз МБР. Система состояла из двух эшелонов, в нее входили дальние перехватчики «Спартан» (Spartan) и противоракеты ближнего перехвата «Спринт» (Sprint) с ядерными боевыми частями.

Система ПРО «Сейфгард» была поставлена на боевое дежурство на базе МБР Гранд-Форкс в 1975 году. Однако в том же году она была снята с вооружения по решению Сената США из-за ее невысокой эффективности в сохранении потенциала ядерного сдерживания.

С подписанием в 1972 году Договора по ПРО острота противоракетной проблемы существенно снизилась. До середины 1980-х годов Соединенные Штаты не выходили за рамки лабораторных испытаний отдельных компонентов противоракетных систем и не заявляли о подобных намерениях.

Очередной этап активизации в создании ПРО следует отнести к 1983 году, когда было объявлено о начале работ по программе СОИ, получившей название «звездных войн». Декларировались три основные цели программы:

- создание глубоко эшелонированной, практически «абсолютной», глобальной оборонительной системы;
- ускорение технологического и экономического развития США;
- оказание военно-политического давления на СССР.

Реализовать программу СОИ США так и не удалось. Этот проект оказался несостоятельным в технологическом отношении, а сама сверхдорогостоящая система не обеспечивала гарантированного отражения ракетно-ядерного удара. Потратив больше 60 миллиардов долларов на исследования, Пентагон так и не смог построить реальный «щит».

Хотя создание «абсолютной» оборонительной системы было, безусловно, «большим блефом», тем не менее США совершили качественный скачок в области высоких технологий, которые впоследствии были реализованы как при создании средств противоракетной обороны и других систем вооружений, так и в гражданской сфере.

В 1991 году в США был принят Закон о противоракетной обороне, который закрепил переориентацию программы СОИ на создание глобальной системы защиты против ограниченных ударов (концепция GPALS – Global Protection Against Limited Strikes), делавшей акцент с 1992 по 1996 год на создании систем нестратегической ПРО⁷¹. Это было связано с эволюцией американской военной стратегии после распада СССР, а также с опытом войны в Персидском заливе, показавшей, что у США нет надежных средств защиты от ракет малой и средней дальности, которые появились на вооружении у целого ряда стран.

Следующим этапом в развитии противоракетных систем США стала программа национальной системы ПРО (National Missile Defense).

В 1996 году Конгресс США одобрил концепцию «3+3» в области национальной ПРО. Эта концепция предусматривала доведение в трехлетний период 1997–1999 годов основных создаваемых компонентов для национальной ПРО первой очереди до уровня готовности к развертыванию⁷². По результатам выполнения работ этого периода в 2000 году было запланировано принятие на последую-

⁷¹ H. R. 2100. National defense authorization act for fiscal years 1992 and 1993: [became public law, May 12, 1991] // Thomas: The Library of Congress. URL: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/C?c102:./temp/~c102HZ6VHi> (дата обращения: 22.07.2012).

⁷² Staying prepared against ballistic missiles: [prepared statement Lt. Gen. Malcolm R. O'Neil, USA, director, Ballistic Missile Defense Organization, House National Security Committee, March 7, 1996, and Strategic Forces Subcommittee, Senate Armed Se, Friday, March 8, 1996] // U. S. Department of Defense: Office

щий трехлетний период решения о составе, дислокации и сроках развертывания национальной системы ПРО. Первоначально планировалось развернуть только один позиционный район наземной противоракетной обороны с противоракетами дальнего перехвата и ограничить развертывание информационных систем рамками Договора по ПРО.

В 1999 году Конгресс США проголосовал в поддержку законопроекта «О национальной системе противоракетной обороны». В законопроекте говорилось, что «политикой США является незамедлительное развертывание эффективной системы национальной ПРО, способной защитить территорию страны от ограниченных ударов баллистических ракет, как только для этого появятся технические возможности»⁷³. Начиная с этого времени работам в области национальной ПРО Соединенные Штаты стали придавать приоритетное значение, подкрепляя их исключительно высоким уровнем финансирования.

Однако Договор по ПРО являлся препятствием для развертывания национальной ПРО США. Фундаментальное положение этого Договора запрещало развертывать системы противоракетной обороны территории страны и создавать основу для такой обороны.

13 декабря 2001 года Президентом США Дж. Бушем-мл. было сделано заявление о выходе Соединенных Штатов через шесть месяцев (в соответствии с положением Договора) из Договора по ПРО⁷⁴. Уже в июне 2002 года США провели церемонию начала строительства в Форт-Грили (Аляска) первой базы национальной ПРО.

17 декабря 2002 года в США была издана директива Президента № 23 «Национальная политика США в области противоракетной обороны», переводящая осуществление концепции глобальной противоракетной обороны в практическую плоскость⁷⁵. Будущая система ПРО США уже предусматривала в своем составе наземные, морские, воздушные и космические средства. Она должна была быть глубоко

of the Assistant Secretary of Defense (public affairs). URL: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=921> (дата обращения: 22.07.2012).

⁷³ National missile defense act of 1999: [106th Congress (1999–2000)] // U. S. Government Printing Office. S. 269. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-106s269pcs/pdf/BILLS-106s269pcs.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

⁷⁴ America withdraws from ABM treaty: [Thursday, December 13, 2001, 18:17 GMT] // BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1_707_812.stm (дата обращения: 22.07.2012).

⁷⁵ NSPD-23: national policy on ballistic missile: [the White House, Washington, December 16, 2002] // FAS: Federation of American scientists URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

эшелонированной — обеспечивать перехват баллистических ракет на всех участках траектории их полета: восходящем (в том числе активном), среднем и конечном. Создаваемая в США система ПРО должна быть способной осуществлять перехват баллистических ракет всех типов — тактических, оперативно-тактических и стратегических. В ее состав должны были входить как традиционные огневые средства (противоракеты), так и средства на новых физических принципах. Боевое оснащение противоракет ориентировалось на осуществление неядерного перехвата (за счет кинетического соударения боевой ступени с целью либо воздействия поражающих элементов осколочно-фугасных боевых частей), однако не исключалась возможность оснащения противоракет и ядерными боевыми частями.

Предусматривалось, что система ПРО будет включать несколько сегментов (структурных элементов):

– *первый сегмент* — оборона на среднем участке траектории — GMD (Ground Missile Defense). Основу его должны составить противоракетные комплексы заатмосферного перехвата боеголовок МБР на базе противоракет ГБИ (GBI — Ground Based Interceptors);

– *второй сегмент* — оборона на восходящем участке, включая активный участок. В рамках этого сегмента предусматривалась разработка лазерной системы воздушного базирования ABL (Airborne Laser), комплекса морского базирования Aegis. На более отдаленную перспективу рассматривались космические системы — комплексы на основе лазеров космического базирования SBL и перехватчиков кинетического действия;

– *третий сегмент* — ПРО конечного участка. Комплексы этого сегмента предназначались для защиты от БР малой и средней дальности. В их число включались комплексы наземного базирования THAAD и Patriot PAC-3, а также комплексы морского базирования Aegis.

Окончательная архитектура будущей системы ПРО США должна была вырисовываться по мере отработки ее компонентов. Тем не менее ряд принципиально важных выводов тогда уже можно было сделать:

– противоракетные планы США были вписаны в новую концепцию сдерживания как наращивающие «потенциал устрашения тех, кто мог бы задумать ракетный удар по Соединенным Штатам»;

– программа развертывания ПРО формировалась так, чтобы поощрять участие в ней других государств-союзников США;

– планируемый комплекс первоначальных элементов противоракетной обороны должен стать «отправной точкой для развертывания усовершенствованных и расширенных способностей ПРО»;

– в интересах создания глобальной ПРО имелось в виду использовать «весь диапазон технологии датчиков и ракет-перехватчиков», включая мобильные системы ПРО, перехватчики на разгонном участке траектории полета ракет, лазерные комплексы;

– провозглашена конечная цель программ в области ПРО — «создать эшелонированную систему противоракетной обороны, способную обеспечить защиту от баллистических ракет любой дальности»;

– будущая глобальная система ПРО призвана обеспечить защиту территории США, их «друзей и союзников и американские военные контингенты, размещенные за рубежом». В этом контексте США уже не подразделяли противоракетную оборону на «стратегическую» и «нестратегическую», а рассматривали ее как единую систему.

Первоначальные планы, объявленные администрацией Дж. Буша-мл., предусматривали два района наземных стратегических противоракет на территории самих США — в Калифорнии и на Аляске. Однако впоследствии было заявлено и о потенциальной возможности создания третьего позиционного района наземной ПРО США в Европе.

В январе 2007 года Соединенные Штаты сделали официальные предложения Польше и Чехии о размещении на территориях этих государств элементов американской системы противоракетной обороны. Озвученные Соединенными Штатами планы по ПРО в Европе предусматривали развертывание в Польше десяти противоракет дальнего перехвата шахтного базирования GBI, а в Чехии — стационарной радиолокационной станции сопровождения целей и наведения противоракет.

Со стороны России последовала жесткая реакция на эти планы. Были сделаны резкие заявления российского политического руководства. Одновременно Россия выдвинула «пакетное» предложение, предусматривающее организацию коллективного анализа и мониторинга возможных ракетных угроз и совместного реагирования на них при условии отказа США от развертывания противоракетных баз вблизи российских границ и от размещения компонентов ПРО в космосе.

Однако это «пакетное» предложение было отклонено администрацией Дж. Буша-мл. Более подробно этот сюжет в настоящей монографии проанализирован в разделе о взаимодействии России и США в области ПРО.

17 сентября 2009 года Президент США Б. Обама объявил новый «поэтапный адаптивный подход» к размещению противоракетных средств США в Европе, делающий акцент на развертывании мобиль-

ных систем для перехвата ракет малой и средней дальности, с перспективой придания им способности осуществлять перехват МБР⁷⁶.

Развитие архитектуры ПРО США в Европе планируется осуществить в четыре этапа, расширяя площадь защищаемой ПРО территории и возможности по перехвату ракет — от оперативно-тактических на первом этапе (2011 год) до межконтинентальных на третьем — четвертом (2018, 2020 годы). Второй и третий этапы предусматривают создание в Румынии (к 2015 году) и в Польше (к 2018 году) наземных баз ПРО США с противоракетами SM-3 различных модификаций. В частности, до 2015 года предусматривается развертывание 24 противоракет «Стандарт-3» мод. 1б на ракетной базе в Девеселу (Румыния), а к 2018 году — 24 противоракет «Стандарт-3» мод. 2а в районе Редзиково (Польша).

Кроме того, в рамках создания ЕвроПРО предполагается в 2014–2015 гг. организовать постоянное базирование четырех эсминцев УРО класса «Орли Берк» («Дональд Кук», «Карни», «Портер», «Росс») ВМС США на ВМБ Рота (Испания), а также провести работы по расширению возможностей ОЦУ ПВО/ПРО НАТО и перевооружению кораблей, оснащенных МСУО «Иджис», на противоракеты «Стандарт-3» новых модификаций 1б и 2а.

В 2018–2020 годах будет наращиваться количество кораблей ПРО, дислоцированных в морских акваториях у берегов Европы. Кроме того, планируется перевооружить огневые средства наземных (ракетные базы в Польше и Румынии) и морских (44 корабля с МСУО «Иджис» ВМС стран НАТО) компонентов системы ПРО на противоракеты «Стандарт-3» мод. 2б, способные осуществлять перехват МБР.

Таким образом, администрация Б. Обамы подвергла значительной корректировке планы по ПРО, разработанные предыдущим руководством. Вашингтон формально убрал с повестки дня двусторонних отношений один из основных раздражителей — проблему третьего позиционного района стратегической ПРО США в Польше и Чехии. Официально объявлено, что у США «больше нет планов» по развертыванию на территории этих стран стратегических шахтных ракет-перехватчиков ГВИ и мощной круговой РЛС.

Было заявлено об отказе (фактически — о приостановке) и от ряда других программ ПРО — развертывания трехступенчатых пере-

⁷⁶ Fact sheet on U. S. missile defense policy: a «Phased, adaptive approach» for missile defense in Europe: [for immediate release, September 17, 2009] // The White House: Office of the Press Secretary. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/FACT-SHEET-US-Missile-Defense-Policy-A-Phased-Adaptive-Approach-for-Missile-Defense-in-Europe (дата обращения: 22.07.2012).

хватчиков GBI (за исключением уже имеющихся 30 ПУ на Аляске и в Калифорнии), программы MKV по одновременному поражению перехватчиком нескольких целей, программы KEI по замене перехватчика GBI на более эффективный, обладающий повышенными боевыми возможностями.

В настоящее время идет планомерное построение европейского сегмента глобальной противоракетной обороны США:

– 13 сентября 2011 года подписано американо-румынское соглашение о размещении в Румынии базы американских ракет-перехватчиков SM-3⁷⁷;

– 14 сентября 2011 года вступило в силу американо-польское соглашение по ПРО (заключено в 2008 году), предусматривающее появление на польской территории к 2018 году базы противоракет SM-3 в модификации, способной перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты⁷⁸;

– 5 октября 2011 года на совещании министров обороны стран НАТО заявлено о подписании американо-испанской договоренности обазировании на военно-морской базе Рота (Испания) четырех кораблей ВМС США, оснащенных системой ПРО «Иджис» — SM-3⁷⁹.

Уже действует американский противоракетный радар передового базирования AN/TPY-2 в Турции.

Начал функционировать объединенный центр управления ПВО/ПРО НАТО, создаваемый на базе командования ОВВС НАТО «Рамштейн» (ФРГ).

Несут боевое дежурство в Средиземном море корабли ВМС США, оснащенные многофункциональной системой управления оружием «Иджис» и противоракетами «Стандарт-3» мод. 1а.

Новый американский проект европейского сегмента ПРО внешне выглядит менее агрессивным, по крайней мере его первые этапы в контексте возможного влияния на российские СНВ. Однако этот

⁷⁷ Ballistic missile defense agreement between the United States of America and Romania: [fact sheet, September 13, 2011] // U. S. Department of State: Office of the Spokesperson. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/09/172258.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

⁷⁸ Joint statement on the U. S.–Poland ballistic missile defense agreement: [media note, September 15, 2011] // U. S. Department of State: Office of the Spokesperson. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/09/172439.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

⁷⁹ Pellerin Ch. Spain will port U. S. ships to support NATO missile defense: [Brussels, October 5, 2011] // U. S. Department of Defense: American forces press service. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=65568> (дата обращения: 22.07.2012).

проект не является безобидным с точки зрения безопасности России. Он отнюдь не исключает развертывание в Европе архитектуры ПРО, угрожающей российскому потенциалу ядерного сдерживания. Существующие планы дальнейшей модернизации перехватчика SM-3 позволяют обрести ему способность поражать боеголовки МБР и БРПЛ. Наибольшую опасность представляет развертывание морских средств ПРО в критических для перехвата российских БРПЛ районах на Балтике и в северных морях.

Новые тенденции политики США в области ПРО были представлены 1 февраля 2010 года в Обзорном докладе министерства обороны по ПРО (Ballistic Missile Defense Review Report)⁸⁰. Этот официальный документ определяет концептуальные положения политики новой администрации в области противоракетной обороны.

Главным приоритетом американской противоракетной программы провозглашено развертывание средств нестратегической ПРО в различных регионах мира. Противоракетным планам придается более гибкая и технически совершенная форма с большими возможностями маневра как по срокам развертывания, так и по территориально-технологической конфигурации. Скорректированные подходы США к развитию систем противоракетной обороны предполагают их высокую мобильность, повышенную адаптивность к складывающейся ситуации и возможность быстрого развертывания в разных районах.

В соответствии с Обзорным докладом 2010 года основные направления технической политики США в области ПРО сводятся к следующему:

- основной упор сделан на поэтапном наращивании возможностей региональных систем ПРО, способных после 2020 года решать задачи защиты территории страны;
- основным направлением совершенствования территориальной системы ПРО определено создание технологий перехвата БР в начальной фазе полета до развертывания средств противодействия ПРО;
- в основу создания региональных систем ПРО положены «тиражирование» и последующая модернизация в морском и наземном вариантах ракеты SM-3 мод. 1, а в дальнейшем и SM-3 мод. 2. Это обусловлено успешными испытаниями противоракеты, сложившейся международной кооперацией по ее модернизации, а также большим спросом на эту систему на мировом рынке;
- в качестве одного из приоритетных направлений развития системы ПРО определено наращивание возможностей ее информационного компонента, прежде всего развертывание низкоорбитальной космической информационной системы, оптико-электронных

⁸⁰ Ballistic missile defense review report. Washington: Department of Defense, 2010. February.

средств воздушного базирования, в том числе на основе беспилотных летательных аппаратов, а также РЛС передового базирования типа AN/ТРУ-2⁸¹.

Таким образом, речь по-прежнему идет о выстраивании глобальной системы противоракетной обороны. Новые аспекты американской политики затрагивают лишь пути и способы ее реализации. Проведенный анализ свидетельствует о том, что при изменении некоторых приоритетов программы ПРО имеет место ужесточение позиции США по вопросам противоракетной обороны с сохранением конечных целей и направленности работ в этой области.

2.1.2. Развитие систем ПРО в СССР (России)⁸²

В Советском Союзе первые теоретические исследования возможности создания систем ПРО относятся к 1948–1951 годам.

В 1954 году вышло постановление правительства СССР, в котором поручалось провести исследование для изучения создания систем ПРО.

Строительство опытного комплекса противоракетной обороны, предназначенного для экспериментальной проверки возможности создания ПРО, было начато в 1956 году на полигоне Сары-Шаган в Казахстане. Испытания системы в полном составе начались в 1959 году. Первый успешный перехват реальной цели — головной части баллистической ракеты средней дальности Р-12, запущенной с полигона Капустин Яр, был осуществлен 4 марта 1961 года.

В 1959 году министерством обороны были разработаны тактико-технические требования к системе ПРО Москвы, получившей обозначение «система А-35». В 1962 году был успешно защищен эскизный проект системы и начались практические работы по строительству ее объектов. Планировалось, что она будет поставлена на боевое дежурство к 7 ноября 1967 года.

Однако в процессе разработки в нее были внесены изменения, после чего доработанный эскизный проект А-35 снова был запущен в 1964 году. Технические сложности в ходе модернизации системы А-35 привели к задержке сроков ее сдачи. Основной проблемой стала

⁸¹ Ballistic missile defense review report. Washington: Department of Defense, 2010. February.

⁸² Подробно о развитии и состоянии систем ПРО в СССР/России см.: Белоус В. С. ПРО США: мечты и реальность. М.: Национальный институт прессы, 2001. С. 245–255; Стратегическое ядерное вооружение России / О. А. Бухарин [и др.]; под ред. П. Л. Подвига. М.: Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, 1998. С. 344–387.

низкая эффективность перехвата БР с РГЧ индивидуального наведения и средствами преодоления ПРО. Комиссия Министерства обороны в 1967 году после анализа полигонных испытаний дала отрицательное заключение по системе. Работы по развертыванию А-35 были практически приостановлены.

Вскоре была начата разработка новой концепции системы ПРО Москвы. Однако в это время шли переговоры об ограничении систем противоракетной обороны. Вот почему было принято решение о продолжении строительства и принятии системы в эксплуатацию в сокращенном составе.

В 1972 году была принята в опытную эксплуатацию первая очередь системы А-35, а в 1974 году в эксплуатацию были введены объекты ее второй очереди. В 1977 году были начаты государственные испытания модернизированной системы А-35М, которая затем была принята на вооружение и поставлена на боевое дежурство.

Параллельно с проведением работ по доводке и последующей модернизации А-35 велась интенсивная разработка ПРО Москвы нового поколения. В новой системе предусматривалось двухэшелонное построение (второй эшелон — перехват в атмосфере), что позволяло решать задачу селекции ложных целей.

Окончательное решение о строительстве двухэшелонного комплекса ПРО Москвы, получившего название «система А-135», было принято в 1978 году. В 1987 году завершилось строительство объектов и проведение конструкторских испытаний системы. К концу 1989 года были закончены и ее государственные испытания.

До середины 1994 года осуществлялась опытная эксплуатация системы. В 1995 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации система ПРО Москвы второго поколения была принята в эксплуатацию и поставлена на дежурство.

В состав системы входят:

- командно-измерительный пункт, оснащенный командно-вычислительным комплексом на базе быстродействующих электронно-вычислительных машин;

- две секторные РЛС «Дунай-3У» и «Дунай-3Н» (последняя предположительно находится в стадии восстановления), которые обнаруживают баллистические цели и выдают на командный измерительный пункт предварительные целеуказания;

- многофункциональная РЛС «Дон-2Н», которая, используя предварительные целеуказания, обеспечивает захват, сопровождение баллистических целей и наведение на них противоракет;

- противоракеты дальнего (заатмосферного) перехвата;

- скоростные противоракеты для поражения целей в нижних слоях атмосферы;

– система передачи данных, связывающая все наземные средства ПРО⁸³.

Важно то, что все работы СССР (России) в области противоракетной обороны полностью соответствовали Договору по ПРО.

2.2. Договор по ПРО

2.2.1. Становление режима Договора по ПРО и его значение для стратегической стабильности

Договор по ПРО выработывался на рубеже 1960–1970-х годов.

Для того периода следует отметить следующие принципиальные моменты в стратегической ситуации:

– объективно сложилось стратегическое равновесие или примерный паритет между СССР и США при нарастающей гонке в количестве и качественном совершенствовании СНВ;

– предпринятые усилия СССР и США по созданию ПРО для защиты от ракетных ударов привели к интенсивному переводу СНВ на ракеты с разделяющимися головными частями и усилению гонки вооружений. При этом эффективность СНВ в ответных действиях как важнейший фактор ядерного сдерживания, по признанию сторон, не росла, а снижалась, что вело к нарушению стратегической стабильности;

– постепенно приходило осознание того, что мир не может быть упрочен и безопасность не может быть обеспечена за счет продолжающегося наращивания стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Формирование примерного паритета стратегических вооружений двух ядерных держав и появившаяся уязвимость территории США ядерным оружием другой стороны подрывали основу основ послевоенного курса США — доктрину «ядерного превосходства». Это поставило Соединенные Штаты в принципиально новую ситуацию, вызвало сложнейшие и в высшей степени противоречивые процессы. Нужно было определяться, каким должен быть ответ на сложившуюся реальность — идти ли по пути дальнейшего форсированного наращивания стратегических наступательных и оборонительных вооружений или взять курс на диалог с СССР относительно ограничения и сокращения этих вооружений.

⁸³ Есин В. Бреши и окна в противоракетном зонтике страны // Независимое военное обозрение. 2012. 27 июля — 2 августа. № 5.

В конечном итоге возобладало понимание необходимости и целесообразности проведения переговоров об ограничении и сокращении стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Одним из главных выводов, к которому пришли СССР и США, заключался в том, что сдержанность в области стратегических оборонительных вооружений создает предпосылки для сокращения СНВ.

В результате переговоров 26 мая 1972 года в Москве руководителями СССР и США, Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном, были подписаны Договор ОСВ-1 и Договор по ПРО.

Договор по ПРО вступил в силу 3 октября 1972 года и носил бессрочный характер. Под его ограничения подпадали системы, предназначенные для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами и их элементами на траектории полета, — противоракеты, пусковые установки противоракет и радиолокационные станции ПРО⁸⁴.

Этим соглашением был установлен ряд количественных и качественных ограничений по созданию, испытанию и развертыванию противоракетных систем и их компонентов.

Договор запрещал⁸⁵:

- развертывать системы ПРО территории страны и создавать основы для такой обороны;
- создавать, испытывать и развертывать системы ПРО или их компоненты морского, воздушного, космического и наземно-мобильного базирования;
- передавать другим государствам и размещать вне своей национальной территории системы ПРО или их компоненты;
- придавать ракетам, пусковым установкам и РЛС, не являющимся соответственно противоракетами, пусковыми установками противоракет и РЛС ПРО, способности решать задачи борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета и не испытывать их в целях ПРО;
- развертывать в будущем РЛС предупреждения о нападении стратегических баллистических ракет, кроме как на позициях по периферии своей национальной территории с ориентацией вовне;
- развертывать системы ПРО отдельных районов, за исключением оговоренных.

⁸⁴ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны: [26 мая 1972 г.] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. Т. 2. С. 85–89.

⁸⁵ Там же.

Каждой стороне разрешалось иметь по два района размещения ПРО радиусом в 150 км для прикрытия столицы и базы МБР. Однако Протоколом 1974 года в Договор были внесены изменения. Стороны согласились ограничить развертывание ПРО одним районом: в СССР — для защиты Москвы, в США — для защиты базы МБР Гранд-Форкс⁸⁶. В районе размещения ПРО могло быть развернуто не более 100 противоракет.

Подписание Договора по ПРО имело поистине историческое значение. В нем на практике был воплощен принцип взаимного ядерного сдерживания. Стороны, отказавшись от развертывания ПРО территории страны, осознанно поставили себя в условия, при которых каждая из них лишалась возможности нанесения первого ядерного удара без опасения получить ответный ядерный удар возмездия. Создание такой ситуации объективно лишало реального смысла дальнейшее наращивание СНВ, подводило базу для прекращения гонки ракетно-ядерных вооружений.

Ограничение потенциала противоракетной защиты в рамках Договора по ПРО символическими возможностями обороны лишь одного района (столицы или базы МБР) сыграло фундаментальную роль в разоружении, дав толчок последующему процессу сокращения СНВ. В течение тридцати лет Договор являлся краеугольным камнем системы соглашений по СНВ. Важно, что в заключенных договорах по СНВ содержалась ссылка на Договор по ПРО, ограничивающий возможности противоракетных систем.

Вплоть до самого выхода США из Договора по ПРО обе стороны неоднократно подчеркивали его основополагающее значение для процесса ядерного разоружения и заявляли о своей приверженности этому Договору. А в заключенных договорах по СНВ содержалось условие соблюдения или ссылка на Договор по ПРО.

Так, в Совместном заявлении от 14 октября 1998 года по итогам пятого (последнего) рассмотрения Договора по ПРО⁸⁷ (всего за три года до решения США о выходе из Договора) отмечалось, что стороны «согласились, что Договор по-прежнему действует

⁸⁶ Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны: [3 июля 1974 г.] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. Т. 2. С. 90–91.

⁸⁷ Договором по ПРО предполагалось каждые пять лет проводить его совместные «рассмотрения» — своего рода обзор функционирования.

эффективно», «подтвердили основополагающее значение Договора, являющегося краеугольным камнем стратегической стабильности, для укрепления международной безопасности и содействия процессу дальнейших сокращений СНВ», «подтвердили приверженность Договору, продолжению усилий по укреплению Договора, повышению его жизнеспособности и эффективности в будущем»⁸⁸.

На протяжении многих лет в СССР и США сохранялось понимание, что масштабное развертывание ПРО может привести к непредсказуемым последствиям для безопасности не только этих двух государств. Отсюда — постоянные заявления американских и советских руководителей о приверженности противоракетным договоренностям и проявлении сдержанности в развитии конкретных проектов.

Например, в ходе исследований по программе СОИ в 1980-х годах в США была запущена кампания по «широкой» трактовке положений Договора. В соответствии с «широким толкованием» запрещение создавать, испытывать и развертывать системы и компоненты ПРО космического базирования (статья V Договора) якобы относилось только к компонентам ПРО, которые существовали на момент заключения Договора, а потому испытания космических систем ПРО на новых физических принципах не запрещаются. Однако ввиду явного несоответствия «широкого толкования» истинному положению дел администрация У. Клинтона была вынуждена подтвердить традиционное, «узкое» толкование Договора по ПРО, согласно которому запрет налагается на создание, испытания и развертывание систем и компонентов ПРО морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования, независимо от используемых в них технологий. Белый дом выпустил меморандум, в котором отмечалось, что администрация США возвращается к «узкой» трактовке положений Договора и впредь намерена неукоснительно следовать ему.

2.2.2. Переговоры по разграничению ПРО

В октябре 1993 года в рамках рабочего органа Договора по ПРО — Постоянной консультативной комиссии — были начаты переговоры по проблеме разграничения стратегической и нестратегической ПРО. В переговорах приняли участие США и правопреемники СССР по Договору по ПРО — Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина.

⁸⁸ Совместное заявление о пятом рассмотрении Договора по ПРО: [Женева, 14 октября 1998 г.] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/Rus/docs/js98.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

Побудительными мотивами к началу этих переговоров явился ряд обстоятельств. Прежде всего, в эти годы стало заметным распространение в мире ракет и ракетных технологий, все очевидней становилась опасность этого процесса для международной безопасности. Нужно было искать пути противодействия этому явлению. Один из них виделся в разработке систем борьбы с баллистическими ракетами, не относящимися к стратегическим, т. е. в разработке так называемых систем нестратегической ПРО. Необходимость создания таких систем усиливалась наличием в ряде регионов мира нестабильных режимов и пониманием того, что по отношению к таким режимам концепция сдерживания, применение экономических санкций могли и не сработать.

С другой стороны, была очевидной необходимость предотвращения обхода Договора по ПРО в ходе разработки систем нестратегической ПРО.

Так возникла проблема разграничения стратегической и нестратегической ПРО. Американская сторона при этом настаивала на том, чтобы каждая сторона сама определяла соответствие Договору по ПРО своих систем нестратегической ПРО под тем предлогом, что Договор распространяется на системы борьбы со стратегическими БР.

Российская позиция состояла в том, что пока нет согласованной юридической базы, ни одна из сторон не вправе в одностороннем порядке судить о соответствии или несоответствии той или иной системы Договору по ПРО. Российские представители подчеркивали, что этот Договор не дает ответа на вопрос — какие именно системы не должны подпадать под его действие? Здесь уместно напомнить, что во время подготовки Договора по ПРО проблема нестратегических систем ПРО вообще не существовала.

Начавшиеся переговоры шли непросто. Наряду с расхождением позиций давала о себе знать и сложность самой проблемы разграничения. По существу, нужно было найти двуединое решение, которое, с одной стороны, позволяло бы создавать эффективные системы борьбы с нестратегическими БР, а с другой — обеспечивало, чтобы такие системы были практически не эффективными в борьбе со стратегическими БР. Потенциальные зоны обороны такими системами от стратегических баллистических ракет должны быть столь незначительными, чтобы на их основе в практическом плане не могла быть создана система противоракетной обороны территории страны, запрещенная Договором по ПРО. При этом было ясно, что четкая граница между стратегическими и нестратегическими системами противоракетной обороны отсутствует. Теоретически любая система нестратегической ПРО обладает некими возможностями перехвата стратегической БР. Задача лишь в том, чтобы вероятность такого перехвата была несущественной.

В конечном итоге удалось договориться решать проблему разграничения на основе сочетания численных параметров (максимальная скорость ракеты-перехватчика, максимальная скорость и дальность полета БР-мишени), превышение которых в ходе испытаний систем нестратегической ПРО запрещается, и мер укрепления доверия (обмен информацией и др.), обеспечивающих открытость деятельности сторон в области нестратегической ПРО.

Так, в Первом согласованном заявлении (по низкоскоростным системам ПРО) зафиксировано, что если системы ПРО не были испытаны с противоракетами, имеющими скорость 3 км/с для перехвата ракеты-мишени со скоростью полета 5 км/с, то такие системы не должны рассматриваться как предназначенные для стратегической противоракетной обороны⁸⁹. Во втором согласованном заявлении (по высокоскоростным системам ПРО) были зафиксированы обязательства не испытывать такие системы по мишеням со скоростью полета более 5 км/с⁹⁰. Кроме того, стороны принимали обязательство не создавать высокоскоростные системы ПРО со скоростью перехватчика свыше 4,5 км/с (для систем наземного базирования) и 5,5 км/с (для систем морского и воздушного базирования). В качестве мер доверия был согласован перечень информации, предоставляемой сторонами, а также ряд практических мероприятий (показы систем ПРО, приглашение наблюдателей на испытания, обсуждение любых озбоченностей в комиссии по Договору по ПРО).

Переговоры завершились подписанием 26 сентября 1997 года в Нью-Йорке «пакета» документов, которые вошли в историю разоружения как Нью-Йоркские договоренности по ПРО.

Анализ этих документов позволяет сделать следующие выводы:

- в юридической форме была зафиксирована приверженность сторон Договору по ПРО;
- зафиксированы основополагающие принципы, на которые стороны должны опираться в практической деятельности в области

⁸⁹ Первое согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/ff9337d38cd4f38c43256a5a002e645f!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

⁹⁰ Второе согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны Договора по противоракетной обороне от 26 мая 1972 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/ff9337d38cd4f38c43256a5a002e645f!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

нестратегической ПРО (развертывание таких систем может осуществляться так, чтобы не создавалась реальная угроза СНВ другой стороны; они не будут развертываться сторонами для применения друг против друга; масштабы развертывания систем — по количеству и географии — должны соответствовать угрозе от БР «третьих стран»);

– выработаны критерии, соблюдение которых в сочетании с комплексом мер доверия обеспечивало предотвращение обхода Договора по ПРО;

– был заложен на будущее механизм определения соответствия Договору по ПРО перспективных систем борьбы с баллистическими ракетами.

Среди документов «пакета» Нью-Йоркских договоренностей по ПРО особое место занимал Меморандум о договоренности в связи с Договором по ПРО, признававший государствами-правопреемниками СССР по Договору по ПРО Россию, Белоруссию, Украину и Казахстан⁹¹. Тем более что некоторые политические силы в США настаивали на том, что Договор по ПРО вообще перестал существовать, поскольку был заключен с Советским Союзом, которого больше не существует.

Нью-Йоркские договоренности показали, что при условии конструктивного подхода с обеих сторон возможно нахождение взаимоприемлемых развязок в рамках Договора по ПРО.

Эти договоренности были ратифицированы Россией в 2000 году. Конгресс США так и не приступил к их ратификации. Американская администрация взяла курс на создание национальной системы ПРО и не была заинтересована в каких-либо договоренностях, мешающих реализации этих планов. Сам Договор по ПРО стал международно-правовым препятствием в реализации планов США. Вот почему с конца 1990-х годов Вашингтон стал предпринимать попытки его модификации.

2.2.3. Попытки модификации Договора по ПРО

После принятия в 1999 году Закона США «О национальной системе противоракетной обороны» создание системы ПРО Соединенных

⁹¹ Меморандум о договоренности в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны: [Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/ff9337d38cd4f38c43256a5a002e645f!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

Штатов Америки было возведено в ранг государственной политики. Для того чтобы развертывание национальной ПРО стало легитимным с точки зрения международного права, администрация США начала предпринимать активные шаги по вовлечению России в переговорный процесс с целью внесения необходимых для Вашингтона изменений в Договор по ПРО. Суть предложений США сводилась к тому, чтобы снять все ограничения Договора, препятствующие созданию и развертыванию системы ПРО территории страны. Запрет на ПРО территории страны являлся центральным положением Договора по ПРО, его сердцевиной. США предлагали изменить это Соглашение так, чтобы вместо запрета на системы ПРО территории страны он разрешал такие системы. Будь приняты такие американские предложения, Договор потерял бы всякий смысл.

Следует отметить, что возможность модернизации была заложена в самом Договоре по ПРО. В соответствии со статьей XIII этого Договора стороны договаривались рассматривать возможные изменения в стратегической ситуации, затрагивающие положения Договора, и возможные предложения по дальнейшему повышению его жизнеспособности, в том числе о внесении в него поправок.

В январе 2000 года России был передан на рассмотрение официальный «пакет» американских предложений по модернизации Договора по ПРО. Состоявшиеся двусторонние консультации по обсуждению этих поправок не принесли каких-либо результатов, так же как и многочисленные встречи высших официальных лиц, включая и встречи президентов.

Официальная позиция России оставалась неизменной и состояла в следующем. Договор по ПРО является основой архитектуры международно-договорной системы в области ограничения вооружений и нераспространения, краеугольным камнем стратегической стабильности. Россия готова обсуждать с США изменения в стратегической ситуации в мире. Но такая готовность не может отождествляться с российским согласием на адаптацию Договора по ПРО к планам США в отношении национальной ПРО, а изменения в стратегической ситуации требуют не разрушения, а всемерного укрепления режима этого Договора. Американские предложения были не приемлемы для России, так как затрагивали главное фундаментальное положение Договора, а предлагаемая модификация соглашения была равносильна его разрушению.

Следует отметить, что некоторые российские эксперты в области безопасности предлагали согласиться на модернизацию Договора по ПРО. При этом они исходили из разных посылок. Одни считали такой путь «меньшим злом» перед альтернативой выхода США из До-

говора. Другие же считали, что еще не наступило время для полной отмены этого соглашения, поскольку США и Россия пока не достигли того уровня взаимоотношений, который бы способствовал полному отказу от сдерживания на основе устрашения. В защиту позиции в пользу согласия России на модификацию Договора приводились следующие аргументы:

– Россия может разменять согласие на изменение Договора по ПРО на уступки США в других областях, в том числе в области СНВ;

– пойдя на внесение предлагаемых поправок к Договору, Россия сможет предотвратить наиболее опасный путь развития средств вооруженной борьбы — размещение оружия в космическом пространстве;

– выразив готовность принять поправки к Договору, Россия получает возможность в определенной степени повлиять на планы США в отношении национальной ПРО.

Представители американской администрации заявляли, что если Россия не согласится на модификацию Договора по ПРО, то США оставляют за собой право выхода из него в одностороннем порядке.

В то же время необходимо отметить, что руководство США того времени не стремилось форсировать развал сложившегося на протяжении десятилетий механизма стратегической стабильности, а пыталось добиться преимуществ в рамках Договора путем его модификации. В принятых в это время совместных российско-американских заявлениях США подтверждали приверженность Договору по ПРО. Вместе с тем Соединенные Штаты проводили испытания компонентов системы национальной ПРО, на основе результатов которых должно было быть одобрено решение о сроках развертывания противоракетной обороны, прямо запрещаемой Договором по ПРО.

Решение о развертывании национальной ПРО планировалось в США на лето 2000 года. К этому времени должен был состояться ряд ключевых испытаний основных ударных систем национальной ПРО. К этому же сроку руководители США пытались и форсировать переговоры о модификации Договора по ПРО, но эти попытки так и не принесли успеха.

1 сентября 2000 года Президент США У. Клинтон заявил, что не будет санкционировать развертывание национальной системы ПРО, а оставит принятие такого решения своему преемнику. Это решение было продиктовано и технической неготовностью системы к развертыванию, и нежеланием «под занавес» своего президентства брать на себя ответственность за развертывание национальной ПРО и выход из Договора по ПРО, а также твердой позицией России в пользу сохранения этого соглашения.

2.2.4. Разрушение Договора по ПРО

Сменивший в 2001 году У. Клинтона на посту президента США Джордж Буш-мл. был твердым сторонником развертывания национальной ПРО США и выхода из Договора по ПРО — с самых первых дней своей избирательной кампании. Создание противоракетного щита оказалось едва ли не главным приоритетом его политики, а тема ПРО — основной в американском обществе.

Уже став президентом США, 1 мая 2001 года Дж. Буш-мл. в выступлении перед слушателями и преподавателями Национального оборонного университета изложил новую концепцию сдерживания. По словам американского президента, для реализации этой концепции необходимо создать стратегическую систему противоракетной обороны и перешагнуть через Договор по ПРО, мешающий разработке необходимых технологий.

Планы США в отношении национальной ПРО, изложенные в программной майской речи Дж. Буша-мл., существенно отличались от планов предыдущей администрации. Администрация У. Клинтона конструировала архитектуру системы национальной ПРО таким образом, чтобы она как можно в большей степени соответствовала Договору по ПРО и ограничивала программы разработок и испытаний преимущественно компонентами наземного базирования для перехвата целей на среднем участке траектории. По мнению новой администрации, эти программы не учитывали многие перспективные и наиболее обещающие технологии, а также варианты базирования.

Администрация Дж. Буша-мл. объявила новую широкомасштабную программу исследований, разработок, испытаний и экспериментов для скорейшего развертывания эффективной противоракетной обороны. С этой целью планировалось провести дополнительные испытания других технологий и вариантов базирования (морского, воздушного, космического) для отработки перехвата баллистических ракет на всех участках траектории их полета (начальном, среднем и конечном). На основе результатов новой программы должен быть сделан вывод о том, какие технологии будут применены в национальной ПРО, и определен облик системы.

Поскольку Договором по ПРО запрещались не только создание и развертывание, но и испытания компонентов противоракетной обороны морского, воздушного, космического базирования, то новые планы США вступали в противоречие с этим соглашением уже на стадии испытаний компонентов будущей системы.

Претерпела изменения и позиция США по отношению к Договору по ПРО и его оценке. Предыдущая администрация пыталась убедить Россию в необходимости модификации этого соглашения

для возможности развертывания ограниченной системы ПРО территории страны. Новая администрация вообще не допускала никаких ограничений в отношении будущей системы противоракетной обороны и не видела необходимости в сохранении Договора по ПРО. Это соглашение признавалось «реликтом эпохи холодной войны». Так, выступая в Палате представителей 28 июня 2001 года, министр обороны США Д. Рамсфелд заявил, что Договор по ПРО «не является и никогда не был основой или краеугольным камнем стратегической стабильности»⁹², несмотря на то что еще недавно американские высокопоставленные лица утверждали обратное.

США предлагали России «найти способ взаимного выхода из Договора либо каким-то образом совместно выйти за рамки ограничений, налагаемых Договором по ПРО на разработки США в области ПРО». Интенсивные консультации, которые проводили в это время Россия и США, так и не дали никаких результатов. Несмотря на прогресс в вопросах СНВ, ситуация с проблематикой противоракетной обороны оставалась на прежней точке обсуждения.

Россией были приняты меры по мобилизации мирового сообщества в поддержку Договора по ПРО. Была развернута активная пропагандистская кампания по разъяснению негативных последствий развала этого Договора для международной безопасности и изложению нашего видения путей обеспечения стратегической стабильности в современном мире (продвижение идеи Глобальной системы контроля за распространением ракет и ракетных технологий, сотрудничество в области систем предупреждения о ракетном нападении, нестратегической ПРО, инициатива о предотвращении милитаризации космического пространства и др.). В этих целях использовались дипломатические, парламентские и военные каналы, международные организации, форумы и встречи, другие международные контакты.

В поддержку Договора по ПРО была задействована и трибуна ООН. В этот период Генеральная Ассамблея ООН, несмотря на жесткое противодействие США, ежегодно принимала резолюцию «Сохранение и соблюдение Договора об ограничении систем противоракетной обороны»⁹³. Причем международная поддержка

⁹² Prepared testimony U. S. Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld: [Senate Armed Services Committee, June 21, 2001] // United States Senate Committee on Armed Forces. URL: <http://www.armed-services.senate.gov/statemnt/2001/010621rumsfeld.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

⁹³ 56/24. Всеобщее и полное разоружение: Сохранение и соблюдение Договора об ограничении систем противоракетной обороны: [по докладу Первого комитета (A/56/536), 10 января 2001 г.] // Организация Объединенных Наций: Генеральная Ассамблея. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/>

этой резолюции постоянно росла. За три года она выросла почти в два раза. Призыв к сохранению Договора по ПРО как основы международно-договорной системы в области контроля над вооружениями был подтвержден и на Обзорной конференции по ДНЯО в 2000 году.

Тем не менее Соединенные Штаты так и не услышали доводы России и мирового сообщества в защиту Договора по ПРО, и 13 июня 2002 года этот Договор прекратил свое действие.

В качестве основной угрозы для своих интересов, препятствием для защиты которых и являлся Договор по ПРО, США назвали ракетную угрозу со стороны террористов и МБР «государств-изгоев» (Северной Кореи, Ирана и Ирака).

Официальная позиция России в связи с выходом США из Договора по ПРО была достаточно сдержанной. Президент России в своем заявлении назвал решение США ошибочным.

Аргументы американской стороны в пользу выхода из Договора по ПРО были неубедительны. Оценка состояния и перспектив развития ракетного оружия стран «третьего мира» показывала, что в обозримой перспективе угроза нанесения ударов межконтинентальными баллистическими ракетами по территории США со стороны стран, которые вызывают у американской стороны озабоченность, не просматривается.

Да, распространение в мире оружия массового уничтожения и средств его доставки, включая ракеты и ракетные технологии, нельзя отрицать. Однако решить проблему распространения можно и нужно было без ломки архитектуры стратегической стабильности. В противовес попыткам военного решения этой проблемы Россия предлагала другие подходы — политико-дипломатические и договорно-правовые меры.

Как представляется, решение США о выходе из Договора по ПРО не было обусловлено поиском ответа на реальные угрозы, не являлось адекватным ответом на них и не решало поставленных задач. Это было политическое решение, отражавшее односторонний подход, входящий в противоречие с интересами других стран.

Развертывание ПРО США представляет опасность для стратегической стабильности и безопасности широкого круга государств. Оно может нарушить ядерный баланс между ведущими ядерными державами и способствовать переходу от взаимного сдерживания на основе неотвратимости наказания к обеспечению неуязвимости США, инициировать новый виток гонки вооружений, отрицательно сказаться

на системах безопасности в различных регионах мира, спровоцировать кризис в области контроля над вооружениями.

С точки зрения национальной безопасности России негативное влияние ПРО США обусловлено в первую очередь угрозами «подрыва» российского потенциала ядерного сдерживания.

В преамбуле ДСНВ-2010 признается, что «нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений сторон». Однако в будущем ситуация может измениться.

Нельзя исключать, что в результате постепенного наращивания и совершенствования ПРО США может быть создана многоэшелонированная сеть противоракетных компонентов разных видов базирования, осуществляющих перехват стратегических средств поражения на различных участках их траектории. Такая глобальная система уже способна представлять серьезную угрозу отечественным СНВ.

По многократным заявлениям представителей американской администрации, ПРО США не направлена против России и не представляет угрозу российским СНВ ввиду своих ограниченных возможностей, поскольку она создается «лишь для защиты от одиночных ракетных ударов стран-изгоев». Однако дать международно-правовые гарантии такой «ненаправленности» Соединенные Штаты отказываются.

После слома Договора по ПРО Россия предпринимала неоднократные попытки юридически закрепить новые ограничения на системы ПРО (в рамках переговоров по Договору о СНП и ДСНВ-2010, путем разработки новой договоренности в формате российско-американской рабочей группы по ПРО). Однако эти попытки результатов не принесли. Для США было не приемлемо принятие любых мер, ограничивающих их деятельность по созданию ПРО. Вряд ли в ближайшей перспективе возможно подписание нового соглашения по ограничению ПРО, аналогичного Договору по ПРО 1972 года.

2.2.5. Анализ причин, объявленных Соединенными Штатами для выхода из Договора по ПРО

Одним из формальных поводов для выхода США из Договора по ПРО было утверждение о том, что так называемые «государства-изгои» способны за короткое время (назывался срок в 5 лет) создать баллистические ракеты, которые будут представлять угрозу США и их союзникам. Для парирования этой угрозы якобы и необходима глобальная система ПРО, выходящая за рамки Договора по ПРО. Утверждалось также, что этот Договор «не учитывает реалий

настоящего», «консервирует прошлое», является тормозом на пути развития высокотехнологичных отраслей военного дела. Все эти утверждения, несомненно, очень далеки от реальности. Обратимся к фактам.

Если рассматривать этот вопрос в политической плоскости, то страны «третьего мира» вряд ли могут ставить своей целью нанесение удара по США. Скорее, они могут быть вовлечены в региональные конфликты, для которых потребность в МБР не возникает. При этом нельзя не учитывать то, что создание межконтинентальных баллистических ракет сопряжено для государства с огромными напряжениями в финансовой, материальной и других областях. И, видимо, ориентация на средства регионального уровня, с одной стороны, и слишком высокая плата за создание МБР, с другой стороны, объясняют тот факт, что подавляющее большинство баллистических ракет стран «третьего мира» имеют дальность, не превышающую 1000...1500 км.

Что касается технической стороны вопроса, то в настоящее время более двух десятков стран имеют на вооружении ракетное оружие тактического и оперативно-тактического назначения в обычном оснащении. Эти страны ведут работы по совершенствованию своих ракет, стремясь к увеличению их дальности, улучшению точностных характеристик, повышению живучести и надежности.

Однако модернизация этих ракет, созданных, как правило, на основе устаревших технологий 1960–1970-х годов не может привести к существенному увеличению дальности полета ракеты — достижению межконтинентальной дальности — при приемлемых значениях массы полезной нагрузки.

Создание МБР сопряжено с необходимостью решения целого ряда сложнейших проблем, в частности:

– *создание мощных ракетных двигателей.* Тяга двигателей МБР должна существенно превосходить тягу двигателей ракет малой дальности, а это, в свою очередь, требует прежде всего разработки высокоэнергетических ракетных топлив. Те топлива, которые применяются в ракетах тактического и оперативно-тактического назначения, не пригодны для МБР. Это диктует необходимость освоения уникальной технологии промышленного изготовления крупногабаритных зарядов из смесового твердого топлива для твердотопливных ракетных двигателей, а для жидкостных двигателей — создания турбонасосных агрегатов, способных ежесекундно подавать в камеру сгорания почти на порядок больше топлива, что представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Не менее сложной является и проблема обеспечения наземных (так называемых огневых) испытаний ракетных двигателей МБР, что требует создания специальных уникальных стендов;

– *система управления МБР.* На сегодняшний день ракеты малой дальности, которыми обладают страны «третьего мира», оснащаются простейшими системами прицеливания и наведения и, как следствие, имеют низкую точность стрельбы (круговое вероятное отклонение их точек падения достигает нескольких километров). Использование таких систем на ракетах межконтинентальной дальности, по оценкам специалистов, может привести к тому, что отклонение точек падения от точек прицеливания может достигать нескольких десятков километров. Создание современных систем управления для МБР – сложнейшая проблема, для решения которой необходимы специальные знания, подготовленные кадры, материалы и оборудование. Нарботать все это в стране, находящейся под международными санкциями, без внешней поддержки, практически невозможно;

– *проблема тепловой защиты ГЧ при движении в плотных слоях атмосферы.* Головная часть МБР входит в плотные слои атмосферы со скоростью 6–7 км/с. Преодолевая огромное лобовое сопротивление атмосферы, ГЧ тормозится, при этом выделяется огромное количество тепла. С тем чтобы обеспечить нормальное функционирование ГЧ, требуется обеспечить ее тепловую защиту. Отличие от ракет малой дальности здесь состоит не только в гораздо больших тепловых потоках, поступающих в корпус ГЧ, но и в большем времени ее движения в плотных слоях атмосферы. Утверждать, что в странах «третьего мира» решена или легко может быть решена проблема обеспечения тепловой защиты ГЧ для МБР, нет никаких оснований;

– *конструкционные материалы.* При стрельбе на межконтинентальную дальность условия полета ракеты существенно отличаются от условий при стрельбе на малую дальность. Специалистам хорошо известно, что с увеличением дальности полета ракеты на нее очень резко возрастают все виды нагрузок. Это предъявляет особые требования к материалам, из которых изготавливается конструкция ракеты. Судя по всему, оснований считать решенной в странах «третьего мира» проблему конструкционных материалов для МБР также нет;

– *проблема летных испытаний МБР.* Для тестирования возможностей и снятия параметров МБР необходимо проведение их летных испытаний. Испытания необходимы для проверки в реальных условиях правильности принципиальных решений, заложенных в конструкцию ракеты, двигателей, системы управления, комплекса наземного оборудования, обеспечивающего пуск ракеты. Для проведения летных испытаний МБР необходим соответствующий испытательный полигон, а это – сложнейшая дорогостоящая инфраструктура, требующая длительного времени для ее формирования.

Для испытаний МБР, имеющих дальность полета более 5000 км, нужны обширные районы падения отработавших ступеней ракеты (при том условии, что они должны приходиться на незаселенные районы), требуется создать новые наземные измерительные пункты, способные надежно получать телеметрическую информацию с летящих по траектории ракет, оборудовать поля падения ГЧ. Страны «третьего мира» в большинстве своем такой возможностью не располагают;

– *создание ядерных боезарядов*. МБР имеет смысл создавать лишь тогда, когда они могут оснащаться ядерными боезарядами. Создание же ядерных боеприпасов в странах «третьего мира» для размещения их на МБР, даже если на этот счет будет принято решение, дело весьма непростое;

– *формирование кооперации для производства МБР*. Только огромный интеллектуальный потенциал во многих областях специфических знаний, который поддерживается обширной системой учебных и исследовательских институтов, наличие многочисленных специализированных разнопрофильных предприятий со своими производственными мощностями могут обеспечить возможность разработки МБР. На формирование такой кооперации требуются многие годы.

Опыт создания МБР в США и СССР свидетельствует, что даже этим странам с их колоссальным научно-техническим и производственным потенциалом, огромными финансовыми возможностями, богатейшим опытом в ракетостроении, сложившейся кооперацией разработчиков, необходимой инфраструктурой для проведения наземных и летных испытаний обычно требовалось не менее 7–10 лет. Ни одна из стран «третьего мира» такими возможностями не обладает.

Таким образом, тезис о том, что реализация ракетных программ в отдельных развивающихся странах создает угрозу применения МБР против США, не подтверждается реальными возможностями по созданию ракет, способных доставить ядерный боезаряд любой мощности к территории США.

Наконец, какое-либо «враждебное» США государство может с большей эффективностью использовать более простые и дешевые способы, чем тратить огромные средства на создание потенциала МБР.

В подтверждение этих слов уместно привести вывод американского разведывательного сообщества, содержащийся в опубликованных в 2001 году материалах под названием «Оценка разработок баллистических ракет в мире и угрозы ракетного нападения до 2015 года». Он таков: «разведывательное сообщество считает, что, вероятнее всего, территория США будет атакована с применением ОМУ при использовании средств доставки, не связанных с ракетами, прежде всего потому, что такие средства стоят дешевле; могут разрабатываться и

применяться скрытно; источник поставки оружия может быть скрыт в стремлении избежать возмездия; будут, по всей вероятности, более надежными, чем МБР, которые не прошли строгие испытания и аттестацию по полной программе; будут, по всей вероятности, значительно более точными, чем МБР; будут, по всей вероятности, более эффективными для применения средств биологической войны, чем МБР; сводят к нулю эффективность ПРО»⁹⁴.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что основной причиной выхода США из Договора по ПРО стало «головокружение от успехов», связанное с распадом СССР. С учетом снижения военного потенциала России в США возобладала точка зрения, что у Вашингтона вновь появилась историческая возможность реализовать на практике концепцию «неприступной крепости», не уязвимой для всех видов современного оружия. В администрации США стало доминировать мнение о том, что со стороны России будут безоговорочно восприняты любые действия США, в том числе и по наращиванию потенциала ПРО.

Другой фактор — внутренний. Общественному мнению в США необходимо было продемонстрировать решительный настрой новой администрации обеспечить безопасность Соединенных Штатов по всем направлениям: от глобальной борьбы с терроризмом до противоракетного прикрытия городов, населения и войск. Тем более что для расходования бюджетных средств противоракетная оборона представляется вполне объяснимой и понятной среднему обывателю.

Таким образом, истинные и продекларированные США мотивы, определившие решение о выходе из Договора по ПРО, существенно различались. На определенном этапе отношение в США к судьбе этого Договора было предрешено, так как критическая масса политических решений и технологических наработок требовала от американского руководства перехода к наращиванию противоракетного потенциала.

2.3. Сотрудничество России и США в области ПРО

2.3.1. Политические основы сотрудничества России и США в области ПРО

После выхода США из Договора по ПРО встал вопрос о том, как в дальнейшем выстраивать отношения между Россией и Соединен-

⁹⁴ Foreign missile developments and the ballistic missile threat through 2015: [unclassified summary of a National intelligence estimate]. Washington: National foreign intelligence board, December, 2001.

ными Штатами в создавшемся правовом вакууме в сфере противоракетной обороны.

Необходимо было попытаться разработать новые механизмы взаимодействия, которые могли бы в определенной степени компенсировать отсутствие обязательств в сфере ПРО. Предполагалось, что одной из таких компенсирующих мер могло бы стать развитие двустороннего сотрудничества в сфере ПРО. При этом и в России, и в США концептуальное отношение к развертыванию систем ПРО не изменилось. Существовавшие российские озабоченности и американские намерения оставались неизменными.

На экспертном уровне была развернута работа по поиску конкретных форм взаимовыгодного сотрудничества. При этом само понятие «взаимовыгодного» сотрудничества в российской и американской интерпретациях различалось.

Российские эксперты ориентировались на такое сотрудничество, которое сводило бы к минимуму негативное влияние ПРО США на российский потенциал сдерживания, минимизировало бы ущерб для национальной безопасности в условиях прекращения действия Договора по ПРО.

Предполагалось, что сотрудничество в противоракетной сфере создаст новые возможности по развитию мер доверия и прозрачности в области ПРО, позволит России «изнутри» наблюдать за ходом развертывания ПРО США и более точно оценивать влияние масштабов и параметров ее развертывания на соотношение потенциалов ядерного сдерживания сторон. Все это должно было хотя бы частично компенсировать для России утрату функции обеспечения предсказуемости развития стратегической ситуации, выполнявшейся прежде Договором по ПРО. Не исключалось, что в процессе сотрудничества можно будет обеспечить России надлежащее место на рынке противоракетных услуг и технологий.

Американцы стремились снизить накал публичных дискуссий о влиянии системы на стратегический потенциал сдерживания, перевести дискуссии в формат узкоспециального обсуждения отдельных технических аспектов противоракетной обороны. При этом США не отрицали свою заинтересованность в получении от России отдельных технологических решений по ПРО, которые могли бы ускорить реализацию и сократить американские расходы на противоракетный проект.

Обращают на себя внимание два элемента в позиции Соединенных Штатов в вопросах такого сотрудничества. Первый — придание приоритетного значения вопросу о налаживании прямых контактов и связей между производственными предприятиями России и

США. Второй — стремление к коммерциализации возможных проектов российско-американского сотрудничества в сфере ПРО. По сути, американцы не исключали для себя вариант перевода российско-американского сотрудничества в сфере ПРО в русло «покупки» необходимых Соединенным Штатам российских возможностей и противоракетных технологий.

Вашингтон также исходил из понимания, что двустороннее сотрудничество с Россией должно продемонстрировать союзникам по НАТО, что все российские озабоченности по ПРО устранены, идет, дескать, плановая работа по созданию системы противоракетной обороны, с обликом которой Россия практически согласилась.

Таким образом, несмотря на несовпадающие цели, которые ставили перед собой Россия и США, в тот период была заложена основа для последующего сотрудничества в противоракетной сфере.

Документальной платформой для взаимодействия стала Совместная декларация президентов «О новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки», подписанная 24 мая 2002 года в Москве.

В политическом контексте курс на развитие сотрудничества в противоракетной области опирался на отраженное в Декларации намерение принципиально изменить содержание двусторонних отношений — от военно-политической конфронтации, характерной для эпохи холодной войны, перейти к развитию взаимоотношений на основе принципов обоюдной безопасности, доверия, открытости, сотрудничества и предсказуемости⁹⁵.

С практической точки зрения Россия и США соглашались осуществить меры, направленные на укрепление доверия и расширение транспарентности в сфере противоракетной обороны. В числе этих мер — обмен информацией по противоракетным программам и испытаниям в области ПРО, взаимные посещения в целях наблюдения за противоракетными испытаниями и ознакомительного осмотра противоракетных систем. Стороны также договорились изучить возможные направления сотрудничества в области противоракетной обороны, включая расширение практики совместных учений по ПРО, осуществление программ совместных исследований и разработок в области технологий ПРО⁹⁶.

⁹⁵ Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки: [принята Президентом В. В. Путиным и Президентом Дж. Бушем 24 мая 2002 г. в Москве] // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/05/84410.shtml> (дата обращения: 22.07.2012).

⁹⁶ Там же.

В соответствии с Совместной декларацией 2002 года в качестве экспертного органа Консультативной группы по вопросам стратегической безопасности была создана российско-американская Рабочая группа по вопросам ПРО во главе с министрами иностранных дел и министрами обороны.

Курс на развитие взаимодействия в сфере ПРО был еще раз подтвержден в Совместном заявлении президентов России и США от 1 июня 2003 года. Однако впоследствии из-за озвученных администрацией Дж. Буша-мл. планов по развертыванию в непосредственной близости от российских рубежей третьего позиционного района наземной стратегической ПРО (перехватчики в Польше и РЛС в Чехии) в отношениях между Россией и США возник кризис в противоракетной сфере. Для выхода из этой ситуации летом 2007 года (Хайлигендамм, 7 июня и Кеннебанкпорт, 2 июля) Россия предложила США противоракетное сотрудничество для разрешения ситуации вокруг планов по созданию третьего позиционного района американской глобальной системы ПРО в Европе.

Основные элементы российского альтернативного «пакетного» предложения: США отказываются от ТПР и берут обязательство не размещать средства ПРО в космосе, проводится коллективная оценка ракетных угроз, при необходимости вырабатываются коллективные меры реагирования. В такой ситуации Россия готова предоставлять информацию от РЛС в Габале (Азербайджан) и Армавире по пускам баллистических ракет в регионе Ближнего и Среднего Востока. Информация поступала бы на российско-американский центр обмена данными в Москве и дублировалась на аналогичный центр в одной из европейских стран.

По поручению президентов России и США в течение полугода работала двусторонняя группа экспертов высокого уровня. Проблематика ТПР также активно обсуждалась на российско-американских встречах (12 октября 2007 года и 18 марта 2008 года) в формате «два плюс два» (министры иностранных дел и обороны). В Сочинской декларации (6 апреля 2008 года) отмечено, что Россия не согласна с решением о создании ТПР и подтверждает выдвинутую ею альтернативу⁹⁷.

8 июля 2008 года в Праге была подписана американо-чешская договоренность относительно размещения РЛС ПРО США на полиго-

⁹⁷ Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений: [принята в Сочи 6 апреля 2008 г. по итогам российско-американских переговоров] // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/04/163171.shtml> (дата обращения: 22.07.2012).

не Брды (80 км от Праги)⁹⁸. 19 сентября 2008 года в Лондоне подписаны Договор о правовом статусе размещения американских войск на территории Чешской Республики и Меморандум о стратегическом партнерстве двух стран⁹⁹. Документы по РЛС не были ратифицированы — 17 марта 2009 года правительство М. Тополанека накануне своей отставки отозвало их из парламента. По данным опросов, более 70 % населения ЧР высказались против создания на территории страны американской противоракетной базы.

20 августа 2008 года в Варшаве подписано американо-польское соглашение о развертывании шахтных пусковых установок ракет-перехватчиков (сначала на временной основе под Варшавой)¹⁰⁰.

Параллельно США стремились «застолбить» за ТПП роль стержневого элемента возможных европейских противоракетных конфигураций. С их подачи на саммите НАТО в Бухаресте (3–4 апреля 2008 года) принято решение изучить возможности объединения ТПП с будущей натовской системой нестратегической противоракетной обороны, создание которой изначально рассматривалось в альянсе как одно из возможных направлений взаимодействия с Россией.

В ходе саммита НАТО в Страсбурге/Келе (4 апреля 2009 года) натовцы подтвердили решения Бухареста и высказались за объединение противоракетных систем США, НАТО и России.

4 ноября 2008 года Президент России в обращении к Федеральному Собранию обозначил ряд возможных ответных мер на развертывание ТПП (сохранение на боевом дежурстве трех полков ракетной дивизии в Козельске, размещение в Калининградской области ОТРК

⁹⁸ Agreement between the United States of America and the Czech Republic on establishing a United States ballistic missile defense radar site in the Czech Republic: [Prague, July 8, 2008] // FAS: Federation of American scientists. URL: <http://www.fas.org/irp/news/2008/07/radar.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

⁹⁹ Agreement between the United States of America and the Czech Republic on the status of United States forces present in the territory of the Czech Republic: [London, September 19, 2008] // Embassy of the United States: Prague, Czech Republic. URL: http://www.aic.cz/press/Agreement_on_status_us_forces.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁰⁰ Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Poland concerning the deployment of ground-based ballistic missile defense interceptors in the territory of the Republic of Poland: [Warsaw, August 20, 2008] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. URL: <http://www.msz.gov.pl/files/Akty%20prawne/umowy%20miedzynarodowe/dwustronne/BMDA%20English%20version.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

«Искандер» и средств электронного подавления ТПР, использование ресурса ВМФ России). Предполагалось, что такие шаги будут приняты только при необходимости — не будет ТПР, не будет и мер военно-технического противодействия¹⁰¹.

После решения администрации США Б. Обамы отказаться от базирования элементов наземной стратегической ПРО в Европе российско-американский диалог по противоракетному взаимодействию был активизирован. Эта тема стала одним из основных пунктов повестки дня регулярных заседаний Рабочей группы по международной безопасности и контролю над вооружениями, созданной в рамках двусторонней Президентской комиссии.

6 июля 2009 года в Москве президенты РФ и США подписали Совместное заявление по ПРО, зафиксировавшее контуры двустороннего взаимодействия в сфере ПРО. В документе выражена готовность двух стран к равноправному и взаимовыгодному противоракетному сотрудничеству¹⁰².

В Заявлении указывалось, что Россия и США:

- планируют продолжить обсуждение, касающееся установления сотрудничества по реагированию на вызовы распространения баллистических ракет;

- активизируют поиск оптимальных путей укрепления стратегических отношений на основе взаимного уважения и общих интересов;

- планируют провести совместную работу по анализу баллистических ракетных вызовов и подготовить соответствующие рекомендации, имея в виду приоритетное использование политико-дипломатических методов;

- планируют провести совместный обзор всего спектра имеющихся средств мониторинга развития ракетных программ в мире;

- активизируют диалог по созданию Центра обмена данными, который должен стать основой многостороннего режима уведомлений о ракетных пусках.

На основании Совместного заявления с 2009 года был запущен механизм российско-американских консультаций по совместному

¹⁰¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации: [Москва, Большой Кремлевский дворец, 5 ноября 2008 г.] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1968> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁰² Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы по вопросам ПРО: [6 июля 2009 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/35 (дата обращения: 22.07.2012).

анализу ракетных вызовов. Начался диалог экспертов по ПРО по линии Рабочей группы по военному сотрудничеству.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в этом документе вообще отсутствовало упоминание слов «угроза» или «ракетная угроза». Речь шла исключительно о нераспространенческих ракетных «вызовах», что, разумеется, не эквивалентно понятию «угроза». Это был серьезный успех российской дипломатии, позволивший вернуть американцев «с неба на землю». Правда, в дальнейшем американцы стали быстро забывать это Заявление, стараясь не делать на него ссылок в последующих совместных документах.

Все более поздние попытки выйти на двустороннее понимание о «вызовах» и «угрозах» в области ракетного нераспространения не привели к положительным результатам. Не случилось этого и в рамках СРН.

Как представляется, в ближайшее время выйти на компромисс будет трудно. При этом стороны будут оставаться на своих изначальных позициях. Российские специалисты, реально оценивая ситуацию, будут «отодвигать» сроки возможного создания Ираном и Северной Кореей ракет стратегической дальности, американские эксперты, будучи заинтересованными в поиске повода для оправдания своей ПРО, — давать другие оценки.

Реального же российско-американского сотрудничества по ПРО в практических вопросах пока фактически не осуществляется. Хотя в среде экспертов широко обсуждаются возможности такого взаимодействия вплоть до создания совместной ПРО или по крайней мере интеграции информационных составляющих противоракетной обороны России и США.

И в России, и в США сохраняются традиционные опасения возможной утраты чувствительных технологий при углублении сотрудничества по противоракетной тематике. Американские законодатели говорят об этом открыто. Достаточно пролистать записи слушаний в конгрессе по вопросам нового ДСНВ и перспектив развития американской ПРО.

Преодолевать имеющиеся препятствия на пути сотрудничества необходимо, в первую очередь, путем восстановления тех элементов взаимодействия, которые уже реализовывались ранее и были утрачены в последние годы в связи с кризисом в российско-американских отношениях. Эти шаги способны исключить вполне вероятное новое противоракетное обострение между Россией и США и благоприятно сказаться в других областях двусторонней повестки дня.

2.3.2. Обсуждение вопросов прозрачности деятельности сторон в области ПРО

В соответствии с Совместной декларацией 2002 года президенты России и США согласились осуществить меры, направленные на укрепление доверия и расширение прозрачности в сфере противоракетной обороны.

Российская сторона придерживалась курса на необходимость разработки широкого комплекса мер прозрачности в сфере ПРО, которые позволили бы, во-первых, сделать «прозрачными» противоракетные приготовления США, а во-вторых, предоставляли бы российским специалистам больше данных для постоянного мониторинга возможностей ПРО США, оценки ее влияния на потенциал сдерживания России.

С этой целью было предложено подготовить юридически обязывающую договоренность по прозрачности в области ПРО. В качестве «наполнения» договоренности предлагалось разработать строго согласованный перечень данных и сроки их предоставления, определить возможность проведения отдельных контрольных мероприятий — посещений (не инспекций!), в ходе которых можно было бы получить дополнительную информацию о том, какая работа на самом деле проводится на тех или иных объектах ПРО. При этом российская сторона полагала, что эти меры должны затрагивать в первую очередь США, так как именно американская инфраструктура ПРО продвигается к российским границам.

Позиция США в отношении мер прозрачности была определена исходя из общей концепции международной деятельности администрации Дж. Буша-мл. — минимум договорных обязательств, которые могли в чем-либо ограничить свободу действий США.

Поэтому США, подтвердив готовность обсуждать возможные меры прозрачности и доверия, настаивали на том, что такие меры должны основываться на двух принципах: добровольности и взаимности. Вашингтон подчеркивал, что на международно-правовое соглашение, особенно если бы оно содержало какие-либо ограничения на противоракетную деятельность или какие-либо инспекционные меры, США не пойдут. Никакие обязательства о сроках и составе предоставляемой информации о развитии ПРО американская сторона не была готова обсуждать.

Американцы выражали готовность проводить на добровольной и обоюдной основе обмен информацией о планах и программах в противоракетной области. При этом они ссылались на подобную практику, установленную ими для осуществления сотрудничества со своими союзниками.

США были готовы к транспарентности только в порядке, определяемом ими самостоятельно. В любой момент предоставление данных могло быть свернуто. Объем информации также был ограничен только тем, что неоднократно публиковалось в США в открытой печати. Провести какой-либо анализ возможностей средств ПРО по такой информации было бы невозможно. Поэтому «добавленная стоимость» для обеспечения понимания российской стороной тенденций развития противоракетных программ США и, самое главное, определения угрозы для сил сдерживания равнялась нулю.

Однако США весьма успешно использовали пропагандистский эффект от обсуждения мер транспарентности, хотя на экспертном уровне весьма невысоко оценивали результативность этой работы. Эффект демонстрации «позитивных» двусторонних контактов, ощущение того, что развязки с русскими будут вот-вот найдены, умело поддерживались американскими переговорщиками. Любая встреча в составе группы завершалась односторонним заявлением США о достигнутых результатах. Кроме того, американцы напористо и, надо признать, успешно проводили пропагандистскую работу со своими союзниками в НАТО.

2.3.3. Направления практического сотрудничества России и США в области ПРО

Среди направлений сотрудничества России и США в области противоракетной обороны, которые действительно начали реализовываться на практике, можно выделить:

- создание совместного Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей;
- совместные командно-штабные учения по ПРО ТВД;
- российско-американский проект «РАМОС».

Создание ЦОД

Основной причиной, которая вызвала к жизни необходимость создания ЦОД, была озабоченность России и США качеством функционирования национальных систем предупреждения о ракетном нападении. С технической точки зрения такие системы достаточно сложны (они включают наземную компоненту — РЛС и космические спутники с ИК-датчиками) и, как любая подобная система, подвержены возникновению сбоев, которые именуются ложными тревогами. Фактически это означает, что в результате сбоя в функционировании наземной компоненты (РЛС) системы предупреждения может быть выдан сигнал оповещения о старте баллистических ракет про-

тивника. В условиях высокой степени боеготовности стратегических ракетных средств в России и США времени для анализа ситуации и уяснения, что произошло на самом деле, у лиц, принимающих решение о применении средств сдерживания, остается катастрофически мало. Примером может служить ситуация с пуском в 1995 году норвежской исследовательской ракеты, полет которой был идентифицирован российской СПРН как массовый старт МБР в направлении российской границы.

Поэтому было признано, что необходим механизм для оперативного разрешения подобных кризисных ситуаций. Идея на этот счет была высказана в Совместном заявлении президентов России и США об обмене информацией о пусках ракет и раннего предупреждения от 2 сентября 1998 года, а 4 июня 2000 года был подписан Меморандум о договоренности о создании совместного Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомлениями о пусках ракет.

Цель создания ЦОД — сведение к минимуму последствий ложного предупреждения о ракетном нападении и предотвращение возможности пуска ракет по причине ложного предупреждения путем организации непрерывного обмена информацией о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей, получаемой от систем раннего предупреждения России и США, и обеспечения реализации режима обмена уведомлениями о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей.

Задачами ЦОД были определены¹⁰³:

- обеспечение обмена информацией об обнаруженных системами предупреждения о ракетном нападении пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей;
- оперативное разрешение возможных неясных ситуаций, связанных с информацией от систем предупреждения;
- создание условий для подготовки и обслуживания единой базы данных по многостороннему режиму обмена уведомлениями о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей.

Предполагалось, что на начальном этапе сотрудничества обмен данными будет затрагивать только пуски ракет США и России. В дальнейшем не исключалась возможность обмена данными об обнаруженных пусках ракет «третьих стран», траектории полета которых могли бы проходить через воздушно-космическое про-

¹⁰³ Меморандум о договоренности о создании центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомлениями о пусках ракет: [Москва, 4 июля 2000 г.] // Дипломатический вестник. 2000. Июль. № 7. URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/f8563a60d38d6f15c3256938003fb5b2!OpenDocument (дата обращения: 22.07.2012).

странство России или США. Для повышения достоверности обмена данными планировалось дополнить механизм контроля системой предоставления предварительных уведомлений с приданием ей в дальнейшем многостороннего характера, сделав ее инструментом контроля за распространением в мире ракет и ракетных технологий.

Стороны договорились, что ЦОД будет размещаться в Москве.

В ходе создания ЦОД был проведен ряд российско-американских консультаций, в результате которых были решены многие практические проблемы, связанные не только с выбором места размещения Центра, но и согласованием архитектуры аппаратно-программного комплекса и системы связи, распределением затрат сторон, определением состава подрядчиков и рядом других вопросов.

Предлагалось начать эксплуатацию ЦОД через год после подписания Меморандума. Однако по ряду причин намечаемые сроки не выдерживались. Воплощение в жизнь договоренности по ЦОД задерживалось вследствие остающихся нерешенными поднятых американской стороной вопросов: о предоставлении ей освобождений от уплаты налогов и таможенных платежей применительно к ЦОД, об отказе от требований об административной ответственности американского персонала за возможный ущерб, причиненный при выполнении работ.

В результате проект ЦОД так и не был реализован, а в 2010 году закончился десятилетний срок действия Меморандума по ЦОД.

В соответствии с Совместным заявлением президентов РФ и США по ПРО от 6 июля 2009 года стороны решили активизировать диалог по созданию ЦОД, который должен стать основой многостороннего режима уведомлений о ракетных пусках¹⁰⁴.

Однако дальнейшей практической реализации эти решения не получили. Изменилась политическая ситуация. Появились угрожающие для российских СНВ элементы в американской ПРО. В целом нарастающий противоракетный раздражитель в российско-американских отношениях не позволяет рассчитывать на продвижение в ближайшей перспективе в вопросах создания объектов, подобных ЦОД. Вместе с тем сама идея сотрудничества в сфере информационных обменов о пусках ракет является конструктивной и может быть востребована.

¹⁰⁴ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы по вопросам ПРО: [Москва, 6 июля 2009 г.] // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219077.shtml/> (дата обращения: 22.07.2012).

Командно-штабные учения по ПРО ТВД

Согласно договоренностям президентов России и США 1994–1995 годов с 1995 года проводились компьютерные командно-штабные учения по ПРО ТВД (тактической ПРО) и раннему предупреждению о пусках ракет. Эти учения стали одним из успешных звеньев военно-технического сотрудничества по ПРО.

В период 1996–2007 годов были проведены пять совместных командно-штабных учений (компьютерных тренировок) по ПРО ТВД поочередно в России и США, в 2003–2008 годах – четыре тренировки в формате Россия–США–НАТО – в США, Нидерландах, России, Германии.

Цель учений состояла в отработке методом моделирования вопросов планирования и ведения независимых, но скоординированных боевых действий ПРО РФ и США (НАТО) по отражению ударов нестратегических баллистических ракет в зоне возможного регионального конфликта при проведении миротворческих операций.

Результативность командно-штабных учений без привлечения боевых расчетов командных пунктов вооруженных сил достигла своего предела. В дальнейшем совместные командно-штабные учения по ПРО были приостановлены. И только после саммита СРН в Лиссабоне в 2010 году лидеры приняли решение о возобновлении командно-штабных учений. Инициативу в реализации этого проекта в 2012 году взяла на себя Германия.

Российско-американский проект «РАМОС»

Российско-американская программа «Рамос» предполагала разработку, запуск и эксплуатацию на орбите двух экспериментальных спутников для дистанционного зондирования Земли и ее атмосферы: российского (ROS – Russian Observation Satellite) и американского (AOS – American Observation Satellite).

Цель наблюдений состояла в обнаружении и накоплении информации о фоновых излучениях земли и космоса, имеющих принципиальное значение при обнаружении стартов баллистических ракет.

В основу проекта «Рамос» был положен принцип стереоскопической съемки одного и того же объекта на поверхности Земли или в атмосфере с помощью устанавливаемой на спутниках многоспектральной оптикоэлектронной аппаратуры наблюдения в видимой, средней и дальней инфракрасных областях электромагнитного спектра, а также в ультрафиолетовом и видимом диапазонах. Базируемая на спутниках AOS и ROS система «Рамос» образовывала в космосе на высоте 500 км стереоскопическую пару AOS–ROS с изменяемым расстоянием между спутниками, которая обеспечила бы получение

в реальном масштабе времени уникальной информации различного характера. В частности, с помощью спутников предполагалось вести стереоскопическое наблюдение за фоно-целевой обстановкой в приземной атмосфере и на подстилающей поверхности, обнаруживать и сопровождать запущенные баллистические ракеты.

В результате предполагалось экспериментально проверить принципиально новый способ слежения за объектами в атмосфере, позволяющий определять их координаты в трехмерном пространстве. При этом впервые можно было бы определять трехмерную траекторию полета ракет на пассивном участке после окончания работы двигателя и экстраполировать ее в обе стороны — откуда эта ракета вылетела и куда нацелена. По сути, речь шла о создании на базе новейших ракетно-космических технологий эффективной спутниковой системы раннего предупреждения повышенной информативности.

Регулярная стереоскопическая съемка позволяла сформировать базу данных стереоизображений на фоне земной поверхности в различных диапазонах длин волн, которая могла бы использоваться для последующего создания нового поколения космических датчиков для обнаружения и сопровождения ракет.

Несмотря на имевшие место неоднозначные оценки этого проекта, его реализация продолжалась несколько лет. При этом финансирование осуществлялось американской стороной, а вклад России определялся использованием уже созданного задела в ракетно-космической отрасли.

Однако в 2004 году США объявили о прекращении финансирования и выходе из совместного с Россией проекта «Рамос». Как утверждали американские представители, в основу принятого решения легли три фактора: возросшая стоимость проекта, отсутствие прогресса в заключении российско-американского межправительственного соглашения и, самое важное, якобы отсутствие заинтересованности российского правительства в этом проекте.

По мнению российских экспертов, «свертывание» американцами сотрудничества по программе «Рамос» было продиктовано исключительно внутренними соображениями.

Во-первых, в ходе реализации проекта ряд технических решений, интересных для США, стали им доступны. Во-вторых, существенная финансовая поддержка российских предприятий оборонного комплекса, которые получали американские «гранты», не входила в планы Минобороны США. В-третьих, для США стало понятно, что в межправсоглашении вряд ли удастся закрепить в качестве прецедента положение об освобождении американских подрядчиков от ответственности при проведении ими работ на территории России. Таким

образом, проект «Рамос» на долгие годы стал негативным примером того, что сотрудничество не имеет долговременной перспективы, а США стремятся решить текущие политические и технические задачи.

Наряду с рассмотренными выше направлениями российско-американского сотрудничества по ПРО (ЦОД, РАМОС, командно-штабные учения), которые с различной степенью успеха реализовывались на практике, стороны обсуждали и другие возможные направления взаимодействия.

Отдельную группу составляли запросные проекты США, которые были ориентированы на получение быстрой отдачи для продвижения американских программ ПРО. Проектом подобного рода стало, например, американское предложение 2003 года об использовании российских ракет-носителей в качестве мишеней (макетов головных частей баллистических ракет) для испытаний американских средств ПРО. «Подкупающей новизной» этой программы сотрудничества становился коммерческий принцип взаимоотношений. Однако это «щедрое» предложение не было в конечном итоге принято российской стороной, так как в результате его реализации Соединенным Штатам могли стать доступны характеристики российских БР, а тестирование системы ПРО США проводилось бы с максимальным антироссийским уклоном.

В целом диалог с американской стороной по проблеме сотрудничества в противоракетной сфере, опирающийся на политическое решение президентов России и США о развитии такого взаимодействия, имел определенную динамику, однако к осязаемым результатам не привел. И одна из главных этому причин — неготовность США идти на взаимовыгодное и равноправное партнерское сотрудничество, а также усиленное продвижение национальной программы развертывания глобальной системы ПРО. Между тем американские эксперты отмечают, что реальное сотрудничество в области противоракетной обороны даст России подтверждение транспарентности ПРО США, а также поможет убедить Россию в том, что система не направлена против нее.

Международное сотрудничество в контексте американских планов по ПРО носит вспомогательный характер. От России Соединенные Штаты по-прежнему хотели бы получить некоторые противоракетные разработки. Кроме того, сотрудничество с Россией должно демонстрировать союзникам по НАТО, что российские озабоченности по ПРО устранены.

В перспективе одним из главных препятствий для сотрудничества останется нехватка доверия. Во многом она связана со стереотипами времен холодной войны.

В новых условиях задача состоит в том, чтобы, избавившись от конфронтационного наследия прежней эпохи, консолидируя усилия государств, превратить эту сферу отношений в важный фактор противодействия современным глобальным вызовам безопасности. Реальные возможности для этого существуют. Выгоды от этого — не только для двух государств, но и всего мирового сообщества — очевидны.

2.4. Сотрудничество России и НАТО по европейской ПРО

Важным направлением сотрудничества в сфере противоракетной обороны является сотрудничество России с НАТО по нестратегической ПРО (ПРО ТВД) для Европы.

Для России побудительные мотивы к сотрудничеству с НАТО в области ПРО ТВД виделись в следующем:

- необходимость ослабления политических последствий появления в Западной Европе нового консолидирующего фактора — «противоракетного зонтика» НАТО;

- предотвращение образования новых военно-стратегических рубежей в Европе, обусловленных возможностью ориентации ПРО НАТО против России;

- возможность более полного понимания целей и задач, которые ставит НАТО при создании ПРО;

- возможность более достоверного знания масштабов и параметров развертывания ПРО НАТО;

- возможность более точной оценки степени влияния ПРО НАТО на региональную и глобальную стабильность;

- обеспечение для России соответствующего места на европейском рынке противоракетных услуг и технологий.

Идея возможного сотрудничества с НАТО в области нестратегической ПРО выдвигалась Россией начиная с 1994 года. Однако в то время представители НАТО заявляли, что проблема европейской ПРО ТВД только начала изучаться странами альянса, нет ясного понимания необходимости в такой ПРО и страны НАТО пока не готовы к обсуждению сотрудничества с Россией в этой сфере.

В 2000 году Президент России выступил с инициативой создания общеевропейской системы нестратегической противоракетной обороны. Российским предложением предусматривалось создание экономически осуществимой системы ПРО, масштабы, структура и возможности которой были соразмерны рискам, с которыми сталкивается Европа.

Базовыми для взаимодействия по ЕвроПРО, по мнению российской стороны, должны были стать следующие принципы:

- равноправное участие и взаимовыгодное сотрудничество всех заинтересованных сторон (страны Европы, США, Россия) на всех этапах создания и использования системы;

- вопросы сотрудничества должны осуществляться на долговременной договорно-правовой основе;

- сотрудничество в создании ЕвроПРО не должно быть заранее ориентировано против какого-либо конкретного государства. Идею ЕвроПРО целесообразно реализовывать в виде совместных формирований, создаваемых по принципу «противоракетных сил быстрого развертывания». При создании противоракетной системы речь должна идти не о защите всей территории Европы, а о защите ракетоопасных направлений;

- поэтапность создания средств и систем для ЕвроПРО.

Поэтапность создания ЕвроПРО подразумевала следующие основные вехи:

- оценка характера и масштабов распространения ракетного оружия, состояния и развития его тактико-технических характеристик, а также возможных угроз его применения по европейским государствам;

- разработка концепции общеевропейской системы нестратегической ПРО;

- согласование условий создания системы нестратегической ПРО;

- определение возможных порядка, масштабов и сроков развертывания формирований нестратегической ПРО.

Российские предложения по ЕвроПРО были восприняты в США с подозрением. В Вашингтоне полагали, что за этими идеями скрывается попытка России стимулировать негативное отношение европейских стран к американским планам развертывания национальной ПРО. Американцы настаивали на том, что российские предложения можно рассматривать лишь как дополнение к будущей национальной ПРО США, но никак не альтернативу ей.

В Европе предложения России по ПРО были встречены достаточно сдержанно. Военно-политическое руководство многих стран не было уверено в том, что ракетные угрозы настолько велики, чтобы оправдать немедленные шаги по созданию ЕвроПРО. С другой стороны, перспектива распространения ракет средней дальности в непосредственной близости от Европы на Ближнем Востоке, возможность их захвата террористическими организациями, особенно в

условиях антизападных настроений в мусульманском мире, не могла не вызывать серьезных опасений.

Постепенно в НАТО сложилось общее понимание необходимости создания системы ПРО для Европы. Так, в Заявлении об оборонном потенциале НАТО, сделанном в 2002 году на заседании министров обороны стран альянса в Брюсселе, отмечалось достижение консенсуса о необходимости развертывания противоракетной обороны на ТВД. В Заявлении делался вывод о том, что «территория и населенные пункты стран НАТО могут также стать объектами растущей ракетной угрозы, в связи с чем «альянс должен изучить варианты эффективного противодействия ей на основе адекватного сочетания мер политического и оборонного характера»¹⁰⁵.

В этих условиях в НАТО возникла определенная заинтересованность в сотрудничестве с Россией по ПРО. Российская инициатива по ЕвроПРО была зафиксирована в Римской декларации «Отношения Россия – НАТО: новое качество» от 28 мая 2002 года. В ней отмечалось, что стороны будут «углублять консультации по противоракетной обороне ТВД, в частности по концепциям, терминологии, системам и их способностям, проводить анализ и оценку возможных уровней совместимости соответствующих систем ПРО ТВД, а также изучать возможности интенсивного практического сотрудничества, включая совместную подготовку и проведение учений»¹⁰⁶.

В развитие этой инициативы в рамках Совета Россия – НАТО была создана Специальная рабочая группа по ПРО ТВД.

Деятельность Специальной рабочей группы по ПРО ТВД подразделялась на пять основных направлений:

- подготовка совместного глоссария терминов и определений по ПРО ТВД;
- разработка совместной экспериментальной концепции применения сил и средств ПРО ТВД России и НАТО;
- выработка совместных предложений по архитектуре построения ПРО ТВД;

¹⁰⁵ Statement on capabilities: [issued at the meeting of the North Atlantic Council in defence ministers session, June 6, 2002] // North Atlantic Treaty Organization. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19567.htm (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁰⁶ «Отношения Россия – НАТО: новое качество»: [Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО, 28 мая 2002 г.] // Организация Североатлантического договора. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_19572.htm (дата обращения: 22.07.2012).

– исследование совместимости систем ПРО ТВД России и НАТО и выработка рекомендаций по ее обеспечению;

– формирование концепции совместных учений и тренировок по ПРО ТВД.

Каждым из направлений сотрудничества занималась специальная группа рабочей поддержки, состоящая из экспертов, направляемых государствами-участниками, руководящими военными органами, агентствами НАТО и Международным секретариатом штаб-квартиры НАТО.

Однако после конфликта в Грузии в августе 2008 года сотрудничество России и НАТО как по ПРО ТВД, так и по другим направлениям было приостановлено. Тем не менее в работе Специальной рабочей группы по ПРО ТВД к этому времени уже были достигнуты определенные результаты.

Во-первых, разработан значительный массив терминов и определений по тематике ПРО ТВД. Этот прообраз глоссария включал несколько сотен специальных терминов и активно использовался при проведении совместных учений и тренировок. В дальнейшем после лингвистической и фразеологической обработки часть терминов была включена в вышедший в 2011 году «Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству»¹⁰⁷.

Во-вторых, были сформулированы предложения сторон по архитектуре построения ПРО ТВД, которые в большинстве своем совпадали или были близки друг другу по существу.

В-третьих, разработана экспериментальная концепция применения сил и средств ПРО ТВД и принята концепция сотрудничества России и НАТО в области ПРО ТВД. В этих документах были детализированы направления взаимодействия, ранее определенные в мандате Специальной рабочей группы.

В-четвертых, был создан задел по исследованию совместимости систем ПРО ТВД и проведению совместных командно-штабных учений России и НАТО в этой сфере.

Кризис в отношениях Россия – НАТО, вызванный событиями в Грузии в августе 2008 года, стал преодолеваться в конце 2009 года. Тогда Россией совместно с государствами – членами НАТО и были намечены пути возобновления представляющих взаимный интерес направлений сотрудничества в области нестратегической ПРО в рамках Совета Россия – НАТО.

¹⁰⁷ Совет Россия – НАТО публикует Новый Сводный глоссарий по сотрудничеству: [4 мая 2011 г.] // Организация Североатлантического договора. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_73197.htm (дата обращения: 22.07.2012).

В декабре 2009 года на базе Специальной рабочей группы по ПРО ТВД была создана Рабочая группа Совета Россия – НАТО по ПРО. Обновленная РГ опирается на наработки прежней СРГ, включая глоссарий терминов, экспериментальную концепцию сотрудничества, экспериментальную концепцию операций (CONOPS), результаты проведенных командно-штабных учений и тренировок, а также выработанные СРГ предложения по достижению оперативной и технической совместимости средств ПРО ТВД.

Мандат рабочей группы принят 18 августа 2010 года после длительных согласований, в ходе которых натовцы пытались максимально его заузить. В соответствии с этим документом группа будет служить форумом для укрепления доверия и обсуждения вопросов, связанных с политикой и потенциалами в области ПРО государств – членов СРН, обмена взглядами о возможном взаимовыгодном сотрудничестве в области противоракетной обороны и для выработки соответствующих предложений по совместному ответу на ракетные вызовы и угрозы.

Определены следующие задачи рабочей группы:

- осуществлять обмен информацией и взглядами относительно национальной политики и потенциалов стран – членов СРН в области ПРО;

- обмениваться информацией и взглядами относительно соответствующих российских и натовских программ и потенциалов ПРО;

- консультировать СРН в вопросах ПРО, представляющих взаимный интерес для России и НАТО;

- организовывать и проводить семинары, симпозиумы, «круглые столы», визиты, которые позволят улучшить взаимопонимание, транспарентность и доверие в вопросах, относящихся к ПРО;

- проводить субстантивные дискуссии по концепции и архитектуре возможной европейской ПРО;

- изучать возможности повышения совместимости систем и сил ПРО на основе работы, проведенной в рамках СРГ СРН по ПРО ТВД;

- подготавливать, организовывать и проводить возможные совместные учения и тренировки сил ПРО;

- участвовать в разработке консолидированного глоссария по сотрудничеству России и НАТО в части, касающейся терминов и определений, связанных с ПРО.

Российская сторона ставит содержание и практическую эффективность деятельности РГ СРН по ПРО в зависимость от характера и содержания натовских решений по формированию системы ПРО.

Отношение НАТО к взаимодействию с Россией по вопросам ПРО было всегда противоречивым. На политическом уровне декларировалась готовность к сотрудничеству и заинтересованность в диалоге. В то же время согласование принципиальных подходов и ряда практических аспектов шло с определенными затруднениями.

НАТО настаивает на том, что ЕвроПРО должна представлять собой две независимые системы ПРО — российскую и натовскую, но скоординированные между собой. Россия со своей стороны предложила создавать не независимые, а взаимодополняющие системы.

На саммите Совета Россия – НАТО в Лиссабоне 20 ноября 2010 года Президент России выдвинул инициативу формирования коллективной системы ПРО в Европе на основе «секторального» принципа. Он основан на разделении европейской территории на «секторы ответственности» сторон по уничтожению баллистических ракет, но на базе совместно действующей системы командования и управления. Такой подход, по мнению России, не позволяет ни одной из сторон подрывать интересы другой. В частности, он исключает развертывание в российском секторе американских средств ПРО, потенциально способных угрожать отечественным СНВ.

Если ракета летит в сторону США или Европы над Россией, то ее перехват обеспечивают российские противоракеты, а если в сторону России через зону ответственности западных стран, то — средства ПРО НАТО. Кроме того, Россия предлагает ограничить возможности этих систем перехватом ракет средней дальности и таким образом получить гарантию, что система ПРО НАТО не может быть использована для блокирования российского ракетно-ядерного потенциала.

В основе российских идей лежит стремление обеспечить сопряжение противоракетных потенциалов России и НАТО в рамках «секторального» подхода, предполагающего равноправное партнерство в распределении военной, технологической и финансовой ответственности. Как подчеркнул в Лиссабоне российский президент, наша страна будет готова пойти в подобном сотрудничестве столь далеко, насколько к этому будут готовы натовские партнеры.

На Лиссабонском саммите Совета Россия – НАТО также было принято итоговое коммюнике, в котором содержалось поручение возобновить сотрудничество по ПРО ТВД и разработать всеобъемлющий совместный анализ будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны.

В свою очередь, саммит НАТО в Лиссабоне (19–20 ноября 2010 г.) приветствовал предложенный США поэтапный адаптивный подход к развитию их противоракетных систем в Европе в качестве значительного вклада в натовскую европейскую архитектуру ПРО. Решено, что

система ПРО НАТО будет создаваться в период 2011–2021 годов, и ее окончательная конфигурация будет определяться с учетом реальности ракетных угроз, наличия технологий и других факторов.

Впоследствии страны НАТО критически отреагировали на предложенный Россией «секторальный» принцип. Мотивировано это было тем, что участники альянса в вопросах обороны предпочитают опираться исключительно на собственные вооруженные силы в соответствии со статьей 5 Вашингтонского Договора. Таким образом, российская идея «секторального» подхода не сработала в том виде, как она задумывалась. Российская попытка, как представляется, в случае ее реализации разрушала бы все стереотипы «холодной войны» о невозможности равноправного сотрудничества между Россией и странами НАТО. По сути, Россия, которую часто обвиняют в неготовности к взаимодействию в военной сфере, предложила «боевой альянс» странам НАТО, отбросив все элементы недоверия и подозрительности в отношениях с натовскими государствами. Российское руководство сделало понятное предложение о сотрудничестве против потенциальных ракетных угроз при одном условии: такое сотрудничество не должно «подрывать» потенциал сил ядерного сдерживания России, а значит «обнулять» концепцию ядерного сдерживания.

Уже сейчас видно, что основу европейской ПРО составят элементы глобальной ПРО США (позиционные районы ракет-перехватчиков в Румынии и Польше, противоракетные корабли «Иджис» в Средиземном, Северном и, не исключается, в Черном, Баренцевом и Балтийском морях). Реализация такого подхода способна в перспективе ослабить потенциал сдерживания российских СНВ.

При этом США исходят из того, что развитие американской и европейской систем ПРО продолжится, независимо от российской позиции и от участия или неучастия в ней России. Российские представители настаивают на необходимости зафиксировать условия противоракетного сотрудничества в Совместном анализе будущих рамок сотрудничества в области ПРО, а также согласовать концепцию и архитектуру системы ЕвроПРО, в рамках которой будет осуществляться взаимодействие.

Центральное место в дискуссиях с США и НАТО занимает вопрос о гарантиях ненаправленности разворачиваемых в Европе средств противоракетной обороны против российских сил сдерживания. Понятие «гарантии ненаправленности», хотя и не было определенным образом формализовано в виде согласованного термина, имеет под собой четкий практический смысл. По мнению российских экспертов, ненаправленность предполагает разработку США совместно с Россией комплекса организационных и технических мер, которые

обеспечили бы невозможность перехвата средствами ПРО российских МБР и БРПЛ, размещенных в местах их постоянного базирования в европейской части страны. Такие меры должны обеспечить российской стороне уверенность, что перехват российских ракет не будет возможен даже в обычных условиях, т. е. без применения специальных средств противодействия ПРО. Причем наилучшим вариантом оформления гарантий является юридически обязывающий документ, ратифицированный Конгрессом США — Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации. В этом случае этот «документ» станет законом для двух стран и не будет зависеть от смены их президентов.

Российская сторона настаивает на том, что гарантии должны базироваться на объективных критериях (скорость, количество, места размещения противоракет и радиолокационных станций, возможности систем управления ПРО), подтверждающих соответствие создаваемого потенциала согласованным ограничениям. Партнеры от предметного разговора о гарантиях уходят, ссылаясь на то, что практическое сотрудничество само по себе должно снять все имеющиеся у России озабоченности.

11 мая 2011 года президент России направил послания главам государств и правительств стран СРН, высказав ряд соображений относительно выстраивания равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в сфере ПРО на основе принципов неделимости безопасности и уважения интересов друг друга. Ответные послания выдержаны в доброжелательном тоне, подчеркивают необходимость сотрудничества, однако от решения ключевых проблемных вопросов, затронутых российским президентом, партнеры уходят.

Тематика ПРО заняла одно из центральных мест на выездном заседании СРН, которое состоялось в Сочи 4 июля 2011 года. На нем Россия вновь выразила свое стремление сделать ЕвроПРО действительно совместным проектом и подчеркнула необходимость обеспечить равноправное участие всех членов СРН в разработке концепции и архитектуры ЕвроПРО, решить проблемы, связанные с гарантиями ненаправленности, укреплением доверия и транспарентности в области ПРО.

Несмотря на отсутствие прогресса в работе СРН по ПРО, натовцы настаивали на разработке «дорожной карты» подготовки к возможному саммиту Россия – НАТО в 2012 году в Чикаго (предлагалось провести его «на полях» юбилейного саммита НАТО). Намекали на возможность предоставления России на этом мероприятии политических гарантий ненаправленности ПРО НАТО против российских СНВ.

23 ноября 2011 года президент России выступил с Заявлением по поводу планов США и НАТО развернуть по границам нашей страны, в том числе в прибрежных районах акваторий морей и океанов, европейский сегмент ПРО.

В Заявлении президента России было особо отмечено: «Нас лишь убеждают, что их планы не направлены против России, говорят о том, что это не против вас, не волнуйтесь, что называется, успокаивают»... «А когда мы ставим вопрос о том, чтобы положить это на бумагу в форме четких юридических обязательств, следует жесткий отказ...» Примечательно, что Россия готова обсудить как статус, так и содержание таких обязательств. Это лишь подтверждает, что мы готовы к компромиссу, но будущие договоренности «не могут быть общими, они не могут быть голословными. Их надо сформулировать таким образом, чтобы Россия не на основе обещаний, каких-то заверений, а по объективным военно-техническим критериям могла судить, как действия США и НАТО в области ПРО соотносятся с их декларациями...»¹⁰⁸.

В одном из первых Указов Президента России В. В. Путина «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» (7 мая 2012 г.) отмечается необходимость «последовательно отстаивать российские подходы в связи с созданием глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки, добиваясь предоставления твердых гарантий ее ненаправленности против российских сил ядерного сдерживания»¹⁰⁹.

Очевидно, что Россия не допустит взлома стратегического ядерного паритета. Дело за партнерами. Готовы ли они к равноправному и взаимоуважительному разговору с российскими представителями? Готовы ли они снимать российские озабоченности? Действительно ли натовские страны намерены реализовать на практике принцип равной безопасности?

К сожалению, последние события — и это в первую очередь майский 2012 года саммит НАТО в Чикаго — свидетельствуют о негативном развитии ситуации. Можно уже сделать вывод, что по вопросу о ПРО в Чикаго сюрпризов не произошло. Было объявлено о достиже-

¹⁰⁸ Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе: [Горки, Московская область, 23 ноября 2011 г.] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/news/13637> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁰⁹ О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 22.07.2012).

нии натовской системой «промежуточной готовности». Члены НАТО обязались инвестировать в нее более 1 млрд долл. В документах саммита проходит мысль, что в целом ПРО — элемент «умной обороны», дополнительный, не подменяющий ядерное оружие фактор сдерживания потенциального противника. Развитие системы будет продолжено. Не исключается «адаптация» противоракетной обороны в зависимости от уровня ракетной угрозы. Подтверждено, что полная оперативная готовность системы будет достигнута к 2018 году.

На саммите подчеркивалось, что НАТО будет добиваться сотрудничества с Россией в сфере ПРО. Отмечалось, что противоракетные приготовления в Европе не направлены против России и не имеют целью подорвать российские силы ядерного сдерживания.

Результаты саммита НАТО свидетельствуют, что, несмотря на декларируемое на политическом уровне стремление к сотрудничеству в области ПРО, реально дело идет к тому, что США с привлечением партнеров из НАТО в одностороннем формате планируют создание ЕвроПРО. Нельзя не видеть опасность такого курса, ведущего к появлению на европейском континенте новой разделительной линии между Россией и Западом, что чревато подрывом доверия и, как следствие, обострением отношений. Об этом неоднократно говорило политическое руководство России. В дополнение к этому на международной конференции по ПРО, организованной Министерством обороны России 3–4 мая 2012 года в Москве, высшие российские военачальники представили дополнительные военно-технические аргументы в поддержку позиции России.

При любых обстоятельствах политико-дипломатические усилия в этой сфере необходимо продолжать. Как представляется, российской и американской сторонам принадлежит особая роль в развитии сотрудничества в области ПРО между Россией и НАТО, и полное использование имеющегося потенциала может послужить основой для продвижения этого сотрудничества по конструктивному руслу.

III. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМОСА

Вопросы использования космического пространства в военных целях становятся на современном этапе одними из ключевых в контексте обеспечения стратегической стабильности и международной безопасности. Причины этого — становление новых стратегических концепций в области военного использования космоса, опирающихся на военно-политические устремления некоторых государств, новые возможности, предоставляемые развитием космических технологий, пробелы в существующих нормах международного космического права. Предмет главной озабоченности международного сообщества — реальная возможность размещения оружия в космосе, превращения космического пространства в сферу вооруженного противостояния, в потенциальный театр военных действий. Особое внимание в этом контексте привлекают, разумеется, стратегические установки США.

Сама по себе идея размещения оружия в космосе не новая — она была одним из объектов исследований уже в первые десятилетия космической эры, проведенных в русле выявления возможной роли космических средств в обеспечении обороноспособности государства. Со временем происходила трансформация взглядов государств на эту проблему, приведшая к зарождению и постепенному становлению новых концепций использования космоса в военных целях, не исключающих и размещения в нем оружия.

Проблема оружия в космосе привлекла широкое внимание международного сообщества в связи с провозглашенным Соединенными Штатами курсом на развертывание глобальной противоракетной обороны и создавшимися для этого международно-правовыми предпосылками — выходом США из Договора по ПРО. С прекращением действия этого Договора из правового поля исключен один из его важнейших элементов — запрет на создание, испытания и развертывание систем и компонентов ПРО космического базирования. Появление таких средств может явиться первым шагом на пути к превращению космического пространства в новую сферу размещения оружия. Следует также иметь в виду, что Договором о принципах де-

тельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 года запрещается разворачивать в космосе ядерное и другие виды оружия массового уничтожения, но не устанавливается запрет на размещение иных видов оружия¹¹⁰.

Процессы, происходящие в современных условиях в связи с новыми взглядами на потенциальное значение космоса для решения военных задач, вызывают необходимость тщательного анализа «белых пятен» в международном космическом праве, осмысления современных стратегических концепций в сфере использования космоса в военных целях, возможных последствий их реализации. Интересным, как представляется, может стать анализ возможных шагов России в двустороннем формате, а также на международных площадках для предотвращения размещения оружия в космосе, для укрепления стратегической стабильности, для определения перспектив дальнейших шагов в области контроля над ядерными вооружениями. Очевидно, что данная проблематика напрямую связана и с американскими противоракетными планами. От перспективы появления оружия в космосе напрямую зависит и дальнейший ход развития разоруженческого процесса, в первую очередь в ядерной сфере.

3.1. Эволюция взглядов на использование космического пространства в военных целях

XX век ознаменовался важной вехой в истории развития человечества — началом широких исследований и практического освоения космического пространства. В настоящее время в освоение космоса вовлечено более 30 стран, и число участников «космического клуба» неуклонно растет.

Принятые во многих странах мира национальные космические программы и программы международного сотрудничества продемонстрировали широкие возможности использования космоса для научных, хозяйственно-прикладных и военных целей. Исследования Земли, Солнца, планет Солнечной системы, межпланетной среды, звезд и галактик, изучение медико-биологических проблем пребывания в

¹¹⁰ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: [принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 октября 1966 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

космосе человека, представителей животного, а также растительного мира, метеорология, навигация, геодезия, картография, радио- и телефонная связь, радио- и телевидение, управление воздушным движением и судоходством, поиск полезных ископаемых, обнаружение лесных пожаров, состояние лесных и сельскохозяйственных угодий, прогноз урожаев, оценка водных ресурсов, ледовой и паводковой обстановки, загрязнение природной среды, производство материалов в космосе — таков далеко не полный перечень областей применения космических средств в мирных целях.

В этом контексте правомерен вопрос о роли космических средств в обеспечении обороноспособности государств. Это направление космической деятельности стало развиваться практически с первых лет освоения космоса.

В наши дни космическое пространство становится ключевым фактором повышения эффективности боевых действий на земле, предоставляя новые возможности для решения задач раннего предупреждения, связи, разведки, целеуказания, навигации и пр. Возрастающее значение космоса в обеспечении социальных, экономических и военных нужд приводит к стремлению отдельных стран закрепить там свое господствующее положение, оправдывая это необходимостью защиты «интересов и инвестиций».

В СССР и США были проведены широкие исследования областей возможного применения космической техники в военных целях. В последующем был создан и принят на вооружение целый ряд космических средств военного назначения, получивших общее наименование — космические обеспечивающие системы. Они не были связаны с размещением оружия в космосе и использовались для целей разведки, предупреждения о ракетном нападении, обнаружения ядерных взрывов, связи, метеорологического, навигационного, топогеодезического и картографического обеспечения вооруженных сил. Космические системы такого назначения заняли важное место в структуре вооруженных сил космических держав.

Глубокому изучению подвергся вопрос о возможности размещения в космосе оружия для воздействия по наземным, морским и воздушным целям. Ключевым критерием для определения целесообразности разработки таких средств было соотношение возможной стоимости их создания и ожидаемой эффективности выполнения поставленной задачи в сравнении с системами оружия аналогичного назначения других (некосмических) видов базирования. Известные результаты исследований, проведенных, в частности, за рубежом, не показали в ту пору превосходства космических систем оружия перед иными. В силу этого они не получили заметного развития, хотя не-

которые типы ударных систем — баллистические ракеты с частично орбитальной головной частью — были созданы.

Большое внимание было уделено изучению возможностей создания космических систем борьбы с баллистическими ракетами — систем противоракетной обороны. В США в 1983 году была принята программа «Стратегическая оборонная инициатива». В качестве возможного оружия для космических систем ПРО рассматривалось кинетическое (на основе прямого соударения поражающего элемента с боеголовкой ракеты), лазерное, пучковое (на основе направленных потоков заряженных частиц), электромагнитное.

Несмотря на крупные ассигнования и определенные технологические достижения, эта программа не привела в силу сложности стоящих проблем к созданию в США конкретных космических систем противоракетной обороны, которые могли бы стать основой многоэшелонной системы ПРО территории страны. Хотя на пути появления таких систем стояли фундаментальные международные договорные запреты (Договором по ПРО запрещалось создавать, испытывать и разворачивать системы и компоненты ПРО космического базирования), американская администрация тех лет была готова к постановке вопроса о внесении необходимых поправок в Договор по ПРО, если бы разработка эффективной системы ПРО территории страны с компонентами космического базирования оказалась в ту пору возможной. Тем не менее работы по созданию космических средств для противоракетной обороны в разрешаемых Договором по ПРО рамках (на исследовательском и опытно-конструкторском уровнях, без разработки и летных испытаний прототипов компонентов ПРО космического базирования) в США продолжались.

Широкие исследования были проведены и в области противоспутниковых систем. Причины интереса космических держав к этой проблеме лежали в двух плоскостях.

Во-первых, находящиеся в космосе средства различного целевого назначения, безусловно являвшиеся достижением всего человечества, были вместе с тем собственностью отдельных государств и международных организаций, создавших, развернувших и эксплуатирующих соответствующие космические системы. В силу признанного всеми странами мира принципа экстерриториальности космического пространства, т. е. его непринадлежности какому-либо одному государству или группе государств и, следовательно, его правовой доступности для любой страны, неизбежно возник вопрос о гарантиях сохранения и защите «космической собственности». Будучи в принципе закономерным применительно к космическим системам любого назначения, такой вопрос имеет особую значимость для военных кос-

мических систем, от которых напрямую зависит обороноспособность государства.

Во-вторых, в военно-стратегическом контексте в США сформировалась и получила широкое распространение точка зрения, согласно которой «кто владеет космосом, тот владеет и Землей». Такая концепция имела поддержку в высоких военно-политических кругах и, несмотря на кажущуюся гипотетичность, во многом явилась истоком современных взглядов США на будущую роль космического пространства. Уже на заре космической эры в США рассматривался вопрос об обеспечении военного присутствия в космосе на постоянной основе, о важности военного доминирования в космическом пространстве, о возможном постепенном превращении космоса в сферу размещения оружия, арену вооруженной борьбы и потенциальный театр военных действий. Советский Союз вынужден был адекватным образом реагировать на такую ситуацию.

В США и СССР были осуществлены и практические разработки в области противоспутниковых систем. В США сначала была создана противоспутниковая система на основе ракеты-перехватчика наземного стационарного базирования, затем противоспутниковая система «АСАТ» самолетного базирования, успешно испытанная в 1985 году по реальной цели в космосе, но не развернутая и не поступившая на вооружение. В СССР в 1970-х годах был развернут наземный комплекс противокосмической обороны «ИС», который находился в эксплуатации до апреля 1993 года, хотя начиная с 1983 года испытательные пуски космических аппаратов-перехватчиков не проводились.

Таким образом, уже из приведенного вырисовывается обширная картина того, что было сделано в сфере исследования, освоения и использования космического пространства за первые десятилетия космической эры. В целом этот период можно назвать временем выявления научного, хозяйственно-прикладного и военного потенциалов космоса, осмысления направлений практического применения космической техники, понимания роли космических средств в обеспечении обороноспособности государства, поддержании стратегической стабильности и международной безопасности.

3.2. Взгляды США на использование космического пространства в военных целях и международно-правовое регулирование военно-космической деятельности

Зарождение взглядов военно-политического руководства США на использование космического пространства в военных целях относится ко второй половине 1940-х годов. В 1946 году исследователь-

ская корпорация «Рэнд» по заказу администрации США провела ряд исследований, показавших возможность и целесообразность использования космических средств для решения задач разведки и связи¹¹¹. Однако статус стратегически важного направления государственной политики освоение космоса получило во второй половине 1950-х годов при президенте Д. Эйзенхауэре. Одним из первых официальных документов того периода в отношении космоса была «Спутниковая научная программа» 1955 года, одобренная Советом национальной безопасности США. Уже в этом документе был сформулирован принцип свободы использования космического пространства — «юрисдикция государств над воздушным пространством над их территорией носит ограниченный характер, и, соответственно, использование спутниками космического пространства не должно рассматриваться как нарушение международных норм»¹¹².

Дальнейшее развитие взгляды США на использование космоса получили в директиве 1960 года «Национальная космическая политика». Этим документом предусматривалось развертывание широких исследований для достижения лидерства США в космической деятельности¹¹³.

В последующем почти каждая администрация Соединенных Штатов выпускала директиву такого рода. Однако существо космической политики США и ее военного компонента в течение продолжительного времени принципиальному изменению не подвергалось.

Позиции США в отношении использования космического пространства в военных целях после выработанной в 1960–1970-х годах серии международных соглашений в космической области остава-

¹¹¹ Davies M. E., Harris W. R. RAND's role in the evolution of balloon and satellite observation systems and related U. S. space technology. Santa Monica: The RAND Corporation, 1988. P. V.

¹¹² Цит. по: Дорофеев В. США: использование космоса в военных целях // Зарубежное военное обозрение. 2001 (№ 5–6). См. доклад исполнительного секретаря Совета национальной безопасности об этой программе: Note by the executive secretary to the National security council on U. S. scientific satellite program: [NSC 5520 (secret), May 20, 1955] // Mount Holyoke college. URL: <http://www.thespacereview.com/archive/995b.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

¹¹³ Note by the executive secretary to the National Security Council on U. S. policy on Outer space: [NSC 5918 (secret), December 17, 1959] // The George C. Marshal Institute. URL: <http://www.marshall.org/pdf/materials/808.pdf> (дата обращения: 22.07.2012). Подробно о политике США в области использования космоса в интересах безопасности см.: Hall R. C. The Evolution of U. S. national security space policy and its legal foundations in the 20th century // Journal of Space law. 2007. Summer. Vol. 33. № 1. P. 1–103.

лись достаточно умеренными. Основное содержание военного компонента национальной космической политики Соединенных Штатов сводилось к обеспечению действий стратегических наступательных сил. Уровень развития соответствующих технологий не позволял говорить о возможности разработки эффективных космических и противоспутниковых систем оружия. На определенном этапе Соединенные Штаты исходили даже из того, что область создания средств борьбы с космическими аппаратами может остаться не освоенной крупнейшими космическими державами.

В 1978–1979 годах между СССР и США были проведены переговоры по противоспутниковым системам, которые, однако, не завершились выработкой какой-либо договоренности.

В последующий период наблюдалось радикальное изменение позиции США по космическим и противоспутниковым вооружениям. Стратегические концепции, заложенные в программу СОИ и предусматривающие компоненты ПРО космического базирования, а также практическое создание и успешное испытание в 1985 году противоспутниковой системы «АСАТ» вывели США на позиции неприятия каких-либо предложений по дальнейшему запрещению или ограничению возможных направлений использования космического пространства в военных целях. Это отразилось в негативном отношении США к советским инициативам 1981–1984 годов и проявилось в ходе советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям 1985–1991 годов, не приведших к каким-либо позитивным результатам по проблематике космоса. Соединенные Штаты явно не желали связывать себе руки какими-либо договоренностями, касающимися военного использования космоса.

Впоследствии нежелание США брать на себя какие-либо новые международные обязательства как в области космоса, так и в других сферах контроля над вооружениями проявилось в годы нахождения у власти в США администрации Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.). Именно в это время, в 2002 году, США вышли из Договора по ПРО. В наиболее концентрированном виде позиция Соединенных Штатов на этот счет была изложена в выступлении представителя США посла Э. Джайвитса на конференции по обеспечению безопасности в космосе (Великобритания, Ньюплейс, 29 мая 2002 г.). Сущность этой позиции сводится к следующему.

Существующий режим регулирования деятельности в космическом пространстве, по взглядам США, является достаточным. Договор 1963 года запрещает производить любые испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы в космическом пространстве. США остаются твердо приверженными Договору 1967 года

по космосу, создавшему «обширную всеобъемлющую систему, ограничивающую использование космического пространства мирными целями и устанавливающую рамки использования космоса в легитимных военных целях». Соединенные Штаты считают, что существующий многосторонний режим контроля над вооружениями должным образом защищает интересы государств в космическом пространстве и не требует расширения. В космосе, по их мнению, просто нет проблемы контроля над вооружениями, которую необходимо решать. Что касается призывов к немедленному началу переговоров в целях предотвращения гонки вооружений в космосе, США считают, что такие опасения лишены оснований. По совокупности этих причин Соединенные Штаты не видят никакой необходимости в новых юридически обязывающих соглашениях о контроле над вооружениями в космическом пространстве и не поддерживают идею проведения переговоров по подготовке какого-либо нового договора в этой области¹¹⁴.

Основополагающим доктринальным документом того времени стала Космическая политика, введенная директивой президента США NSDP-49 от 31 августа 2006 года¹¹⁵.

В космической политике США 2006 года четко прослеживался курс на обеспечение для Соединенных Штатов абсолютной свободы действий в космосе в своих национальных интересах. Этот курс закреплялся и политическими декларациями, и заявлениями правового характера, и положениями о применении конкретных мер. Одновременно провозглашалось намерение США не допускать свободы действий в космосе для противников, использования другими странами космических средств, «враждебных» по отношению к американским национальным интересам. Право определения «враждебности», как следовало из контекста, оставалось за США. Для Соединенных Штатов не ставилось каких-либо ограничений на космическую деятельность, космическая же деятельность других государств должна была находиться под контролем Соединенных Штатов с позиций ее соответствия американским национальным интересам. Таковую ситуацию нельзя рассматривать иначе, как провозглашение открытого курса на доминирование в космосе с соответствующим политическим, правовым, стратегическим, военно-техническим, разведывательным обеспечением этого курса.

¹¹⁴ Javits E. M. A U. S. perspective on Space // Future security in Space: commercial, military, and arms control trade-offs / P. J. Baines [et al.]; ed.-in-chief L. S. Spector. Monterey: Center for nonproliferation studies. P. 51–53.

¹¹⁵ U. S. National Space Policy: [Presidential decision directive/NSC-49/NSTC-8, September 14, 1996] // NASA history program office. URL: http://history.nasa.gov/ostp_space_policy06.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

Космическая политика США 2006 года по существу являлась доктриной обретения господства в космосе и материализацией упомянутого американского тезиса в этой сфере — «кто владеет космосом, тот владеет и Землей».

В космической политике Соединенных Штатов 2006 года не было прямого указания на необходимость размещения оружия в космосе. Однако такая возможность ясно просматривалась в приводимых в космической политике задачах для министерства обороны: обеспечить для США свободу действий в космосе, не допустить такой свободы для противников, использовать космический потенциал для обеспечения многоэшелонной интегрированной системы ПРО. В такую формулу в отношении противоракетной обороны вписываются как космические «датчики» для обнаружения пусков ракет, так и космический эшелон поражающих противоракетных средств. Следует учитывать и то, что вся «философия» свободы действий в космосе без ограничений, обретения господства в нем, постановки во главу угла национальных интересов, пронизывавшая Космическую политику 2006 года, по существу не ставила политических, стратегических и правовых барьеров на пути размещения оружия в космосе, оставляла такую возможность для США открытой при одновременном фактическом запрете на это для других государств.

Космическая политика 2006 года декларировала, что Соединенные Штаты выступают против выработки новых правовых режимов и норм, предусматривающих запрет или ограничение использования космоса. Вместе с тем эта политика оставляла и некоторые возможности для дальнейшего правового регулирования космической деятельности. Говорилось, в частности, что предлагаемые соглашения (следовательно, они признавались возможными) не должны наносить ущерб правам США на проведение исследований, разработок, испытаний, эксплуатацию или другую деятельность в космическом пространстве, служащую их национальным интересам.

После прихода к власти администрации Б. Обамы космическая политика США подверглась пересмотру. Об утверждении новой космической политики Соединенных Штатов объявлено 28 июня 2010 года. Она официально закреплена президентской директивой, которая заменяет директиву 2006 года¹¹⁶. После выработки и публикации в США новой Национальной космической политики разработана и в январе 2011 года обнародована Стратегия национальной космической безопасности, которая завершает проведенный адми-

¹¹⁶ National Space Policy of the United States of America [June 28, 2010] // NASA history program office. URL: http://history.nasa.gov/national_space_policy_6-28-10.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

нистрацией Б. Обамы обзор политики Соединенных Штатов в области космоса¹¹⁷.

В Национальной космической политике США 2010 года и Стратегии национальной космической безопасности страны зафиксированы общие принципы и ключевые цели космической деятельности США, сформулированы руководящие нормы для учреждений и ведомств, занимающихся использованием космоса в научных, хозяйственно-прикладных, военных и коммерческих целях, даются оценки современного состояния космической безопасности и ставятся задачи на перспективу.

Анализ этих документов позволяет сделать следующие основные выводы.

В целом новая космическая политика США выстроена в «неконфронтационном» ключе с акцентом на обеспечение устойчивости, укрепление стабильности в космосе, ответственное отношение к его освоению, право всех народов на свободный доступ в космическое пространство, международное сотрудничество. Содержится призыв к обеспечению открытости при реализации космических программ. Подчеркивается полезность применения мер укрепления доверия в космической деятельности. Упомянется с определенными оговорками даже возможность рассмотрения предложений в области мер контроля над вооружениями в космосе. Все это создает предпосылки для развития взаимодействия с США в космической области.

Вопросы использования космического пространства в интересах национальной безопасности Соединенных Штатов отодвинуты на второй план, что в целом, как можно предположить, призвано придать космической политике США привлекательную окраску.

Определены задачи министерства обороны и разведывательного сообщества Соединенных Штатов в космической области. Поставлена задача укрепления лидерства США в научно-технической и промышленной сферах, а также в собственно космической деятельности.

В американской космической политике не фигурирует в прямой постановке тема обеспечения господства в космосе, размещения в нем ударного оружия, говорится лишь о защите своей орбитальной космической собственности.

Несмотря на внешне «неконфронтационный» характер новой космической политики, в ней нашли отражение и некоторые «жесткие» элементы военно-политического курса США. Отвергаются любые

¹¹⁷ National Security Space Strategy: [unclassified summary, January 2011]. Washington: Department of Defense; Office of the Director of National Intelligence, 2011.

притязания какого-либо государства на суверенитет над космосом; преднамеренное вмешательство в работу космических систем будет рассматриваться как посягательство на права государства. Вашингтон будет удерживать другие страны от попыток такого вмешательства или боевых действий против орбитальной космической собственности, будет осуществлять ее защиту, а если меры сдерживания не дадут результатов, ликвидирует попытки нападения. Сохраняется и установка на обеспечение всеобъемлющего контроля над ситуацией в космосе с использованием всех доступных источников информации.

Вместе с тем в новой космической политике 2010 года отсутствует ряд «жестких» формулировок, содержавшихся в космической доктрине 2006 года, в том числе таких, как: Соединенные Штаты будут «не допускать использования противником космических средств, враждебных по отношению к национальным интересам США»; Вашингтон «против выработки новых правовых режимов и норм, предусматривающих запрет или ограничение использования космоса». В качестве главной цели американской космической политики в 2006 году устанавливалось «обеспечение беспрепятственного проведения операций в космическом пространстве»; министерству обороны предписывалось «обеспечить свободу действий США в космосе и разрабатывать механизмы недопущения такой свободы действий для противников».

Тем не менее провозглашавшаяся в космической доктрине США 2006 года задача обеспечить для страны свободу действий в космосе и не допустить такой свободы действий для противников, означавшая не что иное, как обретение господства в космическом пространстве, не снята с повестки дня, она лишь закамouflирована другими формулировками. С этим тезисом тесно связано и положение космической политики о свободном доступе в космос, а также задача укрепления лидерства США в космической деятельности. По существу, это — все та же «философия» свободы действий в космическом пространстве, предопределяющая для Соединенных Штатов в условиях отсутствия соответствующих запретов возможность размещения оружия в космосе при одновременном фактическом блокировании таких возможностей для других государств.

Подытоживая анализ доктринальных взглядов в США на военную космическую деятельность, можно в интегрированном виде представить их следующим образом.

Возможность беспрепятственного доступа в космос и использования его без ограничений отнесена к числу жизненно важных американских национальных интересов. В отношении космоса признается его «равноправие» с сушей, морем, воздушным пространством, т. е.

космос рассматривается как среда, в которой могут проводиться различные по масштабу и задачам военные операции.

В этом плане американскому военному руководству дается право действовать в космосе, из космоса и в отношении космоса. Эта стратегическая формула предполагает вооруженную борьбу в космическом пространстве, военные операции из космоса и действия с помощью средств различных видов базирования против космических аппаратов вероятного противника. Одновременно выдвигается задача, с одной стороны, не допускать возникновения ситуаций, в которых противнику удалось бы воспрепятствовать Соединенным Штатам в использовании их космических систем, и с другой — быть в состоянии осуществлять противодействие космическим системам противника.

Ожидаемое возрастание роли космических средств в структуре вооружений США неизбежно вызывает необходимость обеспечения их устойчивости к возможному поражающему воздействию со стороны других стран. Это ведет к расширению работ по повышению живучести космических аппаратов, созданию средств активной и пассивной защиты различных структурных компонентов таких систем. Соответствующие программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, уже длительное время осуществлявшиеся в США, получают новый стимулирующий импульс и ориентацию на практическое использование достигнутых результатов.

Задача обеспечения беспрепятственного доступа в космическое пространство и использования его без ограничений, переход в этой области от принципа «когда возможно» к принципу «когда необходимо» стимулируют развитие и совершенствование средств доставки в космос космических объектов, грузов и персонала, а также средств возвращения из космоса. С решением этой задачи тесно связано обеспечение пребывания человека в космосе на постоянной основе, поскольку именно от этого зависит обживаемость околоземного космического пространства, а в военном аспекте — соответствующая подготовка космонавтов, способных не только осуществлять в космическом пространстве исследовательскую и испытательную деятельность, но и выполнять задачи прямого военного характера.

Можно ожидать, что эти положения будут служить Соединенным Штатам ориентирами в их военной космической деятельности на обозримую перспективу. Становится ясным, что курс на обретение безусловного военного превосходства в космосе является одним из важнейших элементов стратегии достижения главной геополитической цели США на современном этапе — военно-политического до-

минирования в мире, на что Вашингтон ориентирует все направления своей военной политики.

Негативная позиция США по вопросам дополнения юридически обязывающих норм международного космического права сохраняется до сих пор. Эта позиция является одним из главных тормозов развития международного права по предотвращению размещения оружия в космосе.

3.3. Оценка опасности милитаризации космического пространства

Размещение оружия в космосе и превращение космического пространства в потенциальную арену военных действий представляют существенную угрозу подрыва стратегической стабильности и глобальной международной безопасности.

Вывод в космос систем оружия различного назначения может нанести серьезный ущерб существующей структуре договоренностей по ограничению вооружений, прежде всего ракетно-ядерных, и стимулировать новый виток гонки вооружений с выходом ее на качественно новый уровень.

Страна, обладающая космическим оружием, будет иметь возможность практически беспрепятственно вывести из строя основные космические системы противника. Тем самым противнику будет нанесен трудновосполнимый технологический урон, поскольку создание космического аппарата и его вывод в космос требуют значительных материальных и временных ресурсов. В этом случае уже само воздействие на космический аппарат, принадлежащий другому государству, особенно в случае возникновения кризисной ситуации, может быть расценено как акт прямой агрессии.

При этом ввиду значительной интеграции в использовании космических аппаратов и для военных, и для гражданских задач значительный ущерб будет нанесен не только военной компоненте космической группировки. Более того, учитывая использование некоторых космических систем большим количеством государств и международных организаций (например, в космической метеорологии и навигации), повреждение или вывод из строя таких систем скажется на интересах большой группы государств.

Использование космического оружия для задач противоракетной обороны, т. е. для борьбы с баллистическими ракетами, способно существенно изменить стратегический ядерный баланс между ведущими ядерными государствами мира.

При применении космического оружия по наземным и воздушным целям под непосредственной угрозой ударов из космоса может оказаться ряд стратегических объектов государств, нормальное функционирование которых напрямую влияет на обеспечение национальной безопасности.

Как представляется, космическое оружие можно отнести к стратегическому оружию. Та страна, которая будет иметь оружие в космосе, получит значительные стратегические преимущества. По существу, она сможет монополизировать доступ в космическое пространство и его использование.

Одностороннее владение таким компонентом стратегических вооружений, как космическое оружие, будет в определенной мере стимулировать попытки провести переустройство мира и установить диктат в отношениях между государствами. Такое развитие ситуации создаст атмосферу взаимного недоверия и подозрительности и неизбежно приведет к принятию ответных мер со стороны других стран мира для обеспечения своей национальной безопасности. При этом предпринятые меры могут свести на нет усилия мирового сообщества в области разоружения и нераспространения, привести к раскручиванию гонки вооружений в космосе, в ракетно-ядерной и других сферах.

Однако, как представляется, реальнее исходить из того, что развитые в промышленном отношении страны вряд ли останутся безучастными к возможным намерениям одного государства разместить оружие в космическом пространстве. Вероятнее всего, могут предприниматься попытки не допустить этого и противодействовать таким намерениям созданием и развертыванием некоторых видов космического оружия, созданием средств противодействия оружейным космическим системам либо наращиванием других видов вооружений. В результате — опасность повторения вооруженной конфронтации, стимулирования вооруженного соперничества, но теперь уже с охватом новой сферы — космического пространства.

Следует обратить внимание и на некоторые другие негативные аспекты милитаризации космоса.

В техническом плане появление в космосе оружия, ориентированного на решение задач противоракетной обороны и противоспутниковой борьбы, приведет к созданию довольно многочисленных орбитальных группировок космических аппаратов, траектории полета которых будут находиться в низкоорбитальной области. Нахождение в низкоорбитальной области космического пространства значительного числа космических объектов, в свою очередь, может создавать сложности для ее использования други-

ми участниками космической деятельности, тем более что именно эта часть космического пространства наиболее широко используется для решения задач дистанционного зондирования Земли и пилотируемых полетов.

Необходимо также учитывать и то, что создание космического оружия потребует проведения целого ряда испытаний. После проведения испытаний оружия космического базирования на околоземных орбитах будет оставаться большое количество фрагментов как самого спутника с оружием, так и мишени, по которой проводятся испытания. Это, в свою очередь, приведет к значительному росту техногенного засорения космического пространства.

Кроме того, следует отметить, что результаты возможного воздействия космического оружия на биосферу Земли могут иметь пагубные последствия для всего человечества.

Таким образом, появление в космическом пространстве оружия может привести к самому серьезному осложнению стратегической стабильности, международной безопасности, экологической ситуации.

В настоящее время в космосе не размещено никакого оружия, однако планы создания космического оружия существовали и существуют.

Есть ли в настоящее время основание говорить о существовании предпосылок для размещения оружия в космическом пространстве? Ответ на этот вопрос, скорее всего, следует дать утвердительный. Существуют и международно-правовые пробелы, позволяющие осуществлять вывод оружия в космос, и соответствующие военно-стратегические концепции, и научно-технические возможности.

Какое оружие может появиться в космосе? Здесь просматривается возможность использования прежде всего таких видов оружия, как лазерное, пучковое, кинетическое и ЭМИ-оружие.

С появлением в 1961 году первых лазеров возникла идея использовать их в качестве нового вида оружия, а с конца 1970-х годов, когда мощности лазеров достигли нескольких мегаватт, появилась возможность реализации этой идеи. Основным преимуществом *лазерного оружия* является практически мгновенное достижение цели, поскольку электромагнитное излучение распространяется со скоростью света. Кроме того, отпадает необходимость в расчете траектории движения цели с задачей определения упрежденной точки встречи с ней. Разрушающее действие лазерного излучения основано в основном на тепловом нагреве, а также на действии ударной волны, возникающей при попадании на поверхность ракеты импульсного лазерного излучения.

В настоящее время рассматриваются несколько типов лазеров. Наиболее подходящим для поражения ракет и их компонентов в космическом пространстве считается химический лазер, действующий на основе реакции водорода с фтором. Если же в этом лазере вместо водорода использовать его тяжелый изотоп — дейтерий, то излучение будет иметь длину волны не 2,7 мкм, а 3,8 мкм и, таким образом, будет попадать в «окно прозрачности», что позволяет почти беспрепятственно достигать земной поверхности. С точки зрения фокусировки луча наиболее перспективными считаются эксимерные лазеры на молекулах аргона и фтористого криптона. Проблема, однако, в том, что генерируемое ими излучение имеет длину волны 2000–3000 ангстрем, и потому земная атмосфера для него не прозрачна. Для уменьшения расходимости лазерного луча необходимо существенное уменьшение длины волны, что, в свою очередь, требует таких огромных плотностей энергии накачки, которые достигаются только при ядерном взрыве. Такое решение рассматривается в рентгеновских лазерах с ядерной накачкой. Работы над рентгеновскими лазерами уже длительное время ведутся в США.

Ускорительное (пучковое) оружие основано на использовании узконаправленных пучков, как правило, нейтральных частиц, генерируемых с помощью различных типов ускорителей как наземного, так и космического базирования. Пучки частиц высокой энергии могут обладать как поверхностным, так и объемным характером поражения в зависимости от типа частиц и их энергии. Поглощение частиц сравнительно небольшой энергии в тонком приповерхностном слое мишени эквивалентно действию лазерного излучения. При этом, однако, следует иметь в виду, что каждая частица в пучке несет в миллионы раз больше энергии, чем фотон в луче лазера. С увеличением энергии частицы проникают на большую глубину, теряя энергию на ионизацию атомов материала, что приводит главным образом к различного рода радиационным эффектам. Перспективными частицами для пучкового оружия считаются нейтральные атомы водорода, поскольку пучки его частиц не будут искривляться в геомагнитном поле и отталкиваться внутри самого пучка, не увеличивая тем самым угол расходимости. Проведенные оценки показывают, что пучковое оружие пригодно для поражения целей на сравнительно небольших расстояниях (по самым оптимистическим оценкам, не более 1000 км). Основной проблемой, препятствующей созданию такого оружия, являются массогабаритные параметры ускорителей, составляющих основу пучкового оружия.

ЭМИ-оружие. Действие этого вида оружия основано на использовании мощного электромагнитного импульса. По принципу по-

ражающего действия ЭМИ-оружие имеет много общего с электромагнитным импульсом ядерного взрыва, но отличается от него более короткой длительностью. Его предназначение видится в возможности дистанционного поражения электронных компонентов информационно-управляющих систем различного назначения. В частности, считается, что токи, возбуждаемые электромагнитным полем в цепях электро- или радиовзрывателей, установленных на боеприпасах, могут достигать уровней, достаточных для их срабатывания, потоки высокой энергии в состоянии инициировать детонацию взрывчатых веществ боеголовок ракет. ЭМИ-оружие может осуществлять физическое разрушение (функциональное поражение) полупроводниковых элементов радиоэлектронных средств, в том числе находящихся в выключенном состоянии. ЭМИ-оружие может быть создано как в виде стационарных и мобильных комплексов направленного излучения, так и в виде электромагнитных боеприпасов, доставляемых к цели с помощью управляемых ракет, авиабомб и других носителей.

Однако проблема создания ЭМИ-боеприпасов состоит, прежде всего, в разработке компактных источников излучения, которые могли бы размещаться в отсеках боевой части ракет и других носителей. По мнению аналитиков, потенциальные свойства данного вида оружия позволяют считать его чрезвычайно перспективным средством поражения как по способам, так и масштабам применения. Наиболее активно разработки ЭМИ-систем поражения радиоэлектронных средств проводятся в США (в Лос-Аламосской национальной лаборатории, Лаборатории им. Лоуренса, Исследовательской лаборатории Армии, Техасском технологическом университете и др.). Не стоят в стороне от процесса разработки ЭМИ-систем военного назначения, как об этом сообщалось в открытой печати, и другие страны (Великобритания, Китай, Израиль, Швеция, Франция, Южная Корея).

Новейшие виды вооружения не ограничиваются источниками электромагнитного излучения. Космический вакуум дает возможность эффективного использования *ракет-перехватчиков*, которые могут оснащаться как ядерными, так и неядерными боеголовками, поражающими ракеты противника либо путем прямого соударения с ними, либо за счет воздействия осколочных элементов осколочно-фугасных боевых частей различных типов. Идея использования перехватчиков космического базирования для уничтожения баллистических ракет противника на активном участке траектории их полета возникла еще в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Однако научно-технический уровень тех лет был не достаточен для практической

реализации этой идеи. Тем не менее определенные работы США вели в рамках программы «*Brilliant Pebbles*» («Блестящие камешки»). Суть программы сводилась к развертыванию в космосе большого количества автономных спутников, каждый из которых должен нести один перехватчик. На перехватчике должна была быть установлена собственная система наведения на цель, собственная система навигации для определения положения перехватчика в пространстве и собственная система боевого управления, позволяющая перехватчику выбирать свою цель. Полагают, что именно ракеты-перехватчики космического базирования потенциально могут стать первым реально развернутым в космосе оружием.

Резюмируя, можно констатировать, что по существу имеет место формирование вызова международному сообществу в отношении космоса со стороны Соединенных Штатов. Сделана заявка на достижение безусловного военного господства в космосе. У США сейчас объективно есть все необходимое — сильная экономика, большой научный, технический и производственный потенциал для того, чтобы попытаться предпринять рывок в области наукоемких космических технологий, разработки сложных дорогостоящих космических систем оружия.

У России в области космоса есть сейчас два реальных пути: либо смириться на перспективу с ролью второстепенной космической державы, либо избрать стратегию сохранения научно-технического космического потенциала.

Согласится ли Россия с положением «кильватерного» космического государства? Скорее всего, нет. Это не соответствует ее самосознанию великой космической державы, имеющей колоссальный опыт исследования, освоения и использования космического пространства.

Второй путь для России представляется не только целесообразным, но, возможно, единственно оправданным. Сохранение научно-технического космического потенциала, концентрация основного внимания на научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах и необходимых испытаниях позволят России не отстать в области создания новых космических технологий, воплотить их в последующем в действующие космические системы и средства. Многолетний опыт отношений с США по разоруженческим вопросам показывает, что Соединенные Штаты идут на договоренности с сильным партнером, который может достойно им противостоять. Поэтому обеспечение сопоставимости космических потенциалов России и США сохранит основу и для дальнейшего правового регулирования проблемы оружия в космическом пространстве.

3.4. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности

3.4.1. Существующие международные договоренности по военному использованию космоса

Задача предотвращения гонки вооружений в космосе находилась в центре внимания международного сообщества с самого начала космической деятельности в конце 50-х годов. Дебаты по этой тематике проходили преимущественно в двух плоскостях — в контексте всеобщего и полного разоружения (запрет на испытания и развертывания ОМУ на Земле, в воздушном пространстве и в космосе, получение гарантий со стороны космических держав о том, что космос будет использоваться исключительно в мирных и научных целях) и частичных мер по контролю над вооружениями (гарантии того, что запуски МБР для вывода на орбиту космических объектов не будут осуществляться в военных целях и проч.).

Значительная роль в выработке механизмов предотвращения гонки вооружений в космосе принадлежала СССР, предложившему уже в конце 50-х годов ввести запрет на использование космоса в военных целях и наладить международное сотрудничество в космосе. Обсуждение данной инициативы послужило стимулом к созданию в 1959 году Комитета по использованию космического пространства в мирных целях (КМИК), получившего позже постоянный статус.

Состоявшаяся в 1999 году третья Конференция ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях (ЮНИСПЕЙС-III) приняла Венскую декларацию о роли космоса в будущем развитии человечества, в которой подчеркивается необходимость предотвращения гонки вооружений в околоземном пространстве и осуществления космической деятельности в мирных целях для поддержания международного мира и безопасности¹¹⁸.

Целенаправленные многосторонние усилия в данной области привели к наработке солидного массива международно-правовых норм, регулирующих военную космическую деятельность. Основой для

¹¹⁸ The Space millennium: Vienna Declaration on Space and Human Development: [the states participating in the Third United Nations Conference on the Exploration and peaceful uses of Outer space (UNISPACE III), held in Vienna from 19 to 30 July 1999] // United Nations office for Outer space affair s. URL: <http://www.unoosa.org/pdf/reports/unispace/viennadecLE.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

продвижения к мирному космосу, свободному от любого вида оружия, является общепризнанный принцип неприменения силы или угрозы силой, закрепленный в пункте 4 статьи 2 Устава ООН (применительно к космосу этот принцип, например, означает недопустимость насильственного вмешательства в правомерную деятельность автоматического или пилотируемого космического объекта другой страны с целью выведения его из строя или повреждения, захвата или изменения его орбиты).

С военным использованием космоса в разной степени связан целый ряд многосторонних международно-правовых договоренностей. Среди них:

- Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года¹¹⁹;
- Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 года (Договор о космосе)¹²⁰;
- Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 года¹²¹;
- Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 года¹²²;

¹¹⁹ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой: [подписан в Москве, 5 августа 1963 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

¹²⁰ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: [подписан в Москве, Вашингтоне и Лондоне 27 января 1967 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

¹²¹ Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство: [принято резолюцией 2345 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1967 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

¹²² Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами: [принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 29 октября 1971 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

– Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство, 1975 года¹²³;

– Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года¹²⁴;

– Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года¹²⁵.

Следует учитывать также Устав Организации Объединенных Наций, содержащий важные положения, в полной мере применимые к космической деятельности.

Особое место среди этих соглашений занимал и Договор по ПРО, который не только был одним из важнейших для ограничения гонки стратегических наступательных и оборонительных вооружений, но и сдерживал милитаризацию космического пространства.

Оставляя за рамками изложения конкретное содержание приведенных международных договоренностей, представим в обобщенном виде правовое поле в отношении космоса, военной космической деятельности и космических аппаратов. Оно включает целый ряд положений и обязательств, существо которых состоит в следующем:

– космическое пространство открыто для исследования и использования всеми государствами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства, при свободном доступе в него;

– космическое пространство не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на него суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами;

– государства осуществляют деятельность по исследованию и использованию космического пространства в соответствии с международным правом, включая Устав ООН. Закрепленный в Уставе ООН

¹²³ Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство: [принята резолюцией 3235 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 12 ноября 1974 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

¹²⁴ Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду: [рекомендована для рассмотрения, подписания и ратификации всеми государствами резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1976 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

¹²⁵ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах: [принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях распространяется и на космическую деятельность государств и возникающие в связи с этим взаимоотношения между ними. Устав ООН также фиксирует, что все международные споры государства должны разрешать мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность;

– государства обязались запретить, предотвращать и не производить любые испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы в космическом пространстве;

– государства обязались не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров;

– государства обязались не создавать, не испытывать и не развертывать системы и компоненты ПРО космического базирования (эта норма оставалась в силе до прекращения действия в 2002 году Договора по ПРО, содержавшего такое обязательство);

– государства обязались запретить военное или иное враждебное использование средств воздействия на природную среду, в том числе и на космическое пространство;

– государство, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом во время его нахождения в космическом пространстве. Права собственности на космические объекты, запущенные в космическое пространство, остаются незатронутыми во время их нахождения в космическом пространстве;

– государство, осуществляющее или организующее запуск объекта в космическое пространство, или с территории или установок которого производится запуск объекта, несет международную ответственность за ущерб, по его вине причиненный такими объектами другому государству;

– если государство не смогло опознать космический объект, который причинил ущерб ему, либо который может иметь опасный или вредоносный характер, другие государства, располагающие средствами наблюдения за космическими объектами, отвечают на просьбу этого государства о помощи в идентификации такого объекта;

– государства обязались не чинить помех национальным техническим средствам контроля над вооружениями других государств (в том числе и соответствующим космическим аппаратам контроля).

Таким образом, в настоящее время имеются серьезные правовые ограничения на военное использование космоса и ряд международных обязательств, ограждающих космические аппараты от враждебного воздействия. Вместе с тем применительно к целому ряду существующих и возможных направлений военной космической деятельности каких-либо ограничительных международных правовых норм не существует.

Остались так называемые «серые зоны» — не регулируемые международным правом виды деятельности в космосе (см. таблицу 3), которые могут серьезно угрожать международной безопасности.

Таблица 3

Классификация видов военно-космической деятельности в зависимости от степени их кодификации в международном праве

Разрешенные виды деятельности в космосе	Запрещенные виды деятельности в космосе	Нерегулируемые виды деятельности в космосе
<ul style="list-style-type: none"> • использование спутников наблюдения и дистанционных датчиков в интересах контроля за соблюдением соглашений в области контроля над вооружениями; • использование космических систем связи, навигации, картографии и метеорологического обеспечения военного назначения; • использование военного персонала для проведения исследований в мирных целях 	<ul style="list-style-type: none"> • размещение ядерного оружия и других видов ОМУ на орбитах вокруг Земли, на небесных телах и орбитах вокруг таких тел; • испытание ядерного оружия в космическом пространстве; • размещение военных баз и проведение военных испытаний и маневров на небесных телах и орбитах вокруг них; • военное или враждебное использование средств воздействия на природную среду из космоса 	<ul style="list-style-type: none"> • создание, испытание и развертывание противоспутникового оружия; • разработка, испытание и развертывание компонентов ПРО космического базирования; • проведение военно-прикладных экспериментов в космосе; • создание и развертывание в космосе средств оптико- и радиоэлектронного подавления; • создание и развертывание в космосе оружия, основанного на новых физических принципах

3.4.2. Военно-космическая деятельность, не регулируемая международными договорами

Военную космическую деятельность, не охваченную международными договорами, можно условно разделить на два вида:

– деятельность по созданию и использованию космических обеспечивающих систем;

– деятельность, связанную с оружиейными космическими системами.

К космическим системам первого вида («обеспечивающим») обычно относят системы, предназначенные для решения следующих основных задач:

– заблаговременное выявление признаков подготовки и начала агрессии против государства на суше, на море, в воздушном и космическом пространстве, оперативное информирование об угрозе агрессии (космические системы видовой, радио- и радиотехнической разведки, предупреждения о ракетном нападении, контроля воздушного и космического пространства);

– обеспечение непрерывного, устойчивого и помехозащищенного государственного управления и управления вооруженными силами (космические системы связи и ретрансляции данных);

– контроль за соблюдением международных договоров и соглашений в области сокращения и ограничения вооружений (космические системы наблюдения, обнаружения стартов ракет, ядерных взрывов в космосе, атмосфере и на поверхности Земли);

– навигационное, метеорологическое, топогеодезическое, картографическое обеспечение действий войсковых формирований и средств вооруженных сил в любой точке Земли, обеспечение работы постоянно действующих стационарных и мобильных мониторинговых систем для контроля над местоположением различных объектов (космические системы соответствующего назначения);

– обнаружение и оценка последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий (космические системы наблюдения).

Существующие нормы международного космического права не препятствуют — и к этому не стремились космические державы — созданию, испытаниям и развёртыванию таких систем. Военные космические системы такого рода существенно снижают фактор внезапности в поведении других стран, содействуют лучшей предсказуемости развития международной обстановки, обеспечивают предотвращение опасных инцидентов, связанных с повседневной деятельностью вооруженных сил, и тем самым в совокупности способствуют повышению национальной и международной безопасности и укреплению стратегической стабильности.

К числу не охваченных международными договоренностями направлений военной космической деятельности относится и проведение военно-прикладных исследований и экспериментов в космическом пространстве, не выходящих за рамки ограничений и запретов, установленных действующими международными договорами, соглашениями и конвенциями.

К космическим системам второго вида («оружейным») следует относить так называемые ударные космические системы, противоракетные и противоспутниковые системы, системы радиоэлектронного и оптико-электронного подавления.

Деятельность, связанная с такими системами, может иметь несколько направлений:

- создание и испытания (не в космосе) объектов с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, которые могли бы предназначаться для выведения в космос;

- создание, испытания и размещение в космическом пространстве (кроме небесных тел) ударного оружия «немассового» уничтожения (например, для избирательного поражения воздушных, морских, наземных объектов);

- создание, испытания и размещение в космосе противоракетного и противоспутникового оружия (такое оружие других помимо космического видов базирования — наземного, морского, воздушного — также не охватывается международными договоренностями). Создание противоракетного и противоспутникового оружия космического базирования может в значительной мере облегчаться близостью соответствующих технологий;

- создание, испытания и развертывание в космосе средств радиоэлектронного и энергоинформационного воздействия для подавления радиоэлектронных и оптико-электронных систем различных видов базирования (такие средства других помимо космического видов базирования для воздействия на космические аппараты также не охватываются международными договоренностями).

Не все из перечисленных направлений деятельности может оказаться возможным эффективно контролировать с точки зрения правовых норм, но в концептуальном отношении следует признать, что космос в настоящее время юридически не защищен в полной мере от того, чтобы не являться возможной сферой размещения оружия, чтобы не стать при определенных условиях ареной вооруженной борьбы и потенциальным театром военных действий.

3.4.3. Предложения по международно-правовому регулированию предотвращения размещения оружия в космосе

Как было показано выше, существующая международно-правовая база военного использования космоса регулирует лишь отдельные аспекты использования космического пространства в военных целях, и ее явно не достаточно для предотвращения появления в космосе некоторых видов оружия. Остались не регламентированные междуна-

родным правом виды деятельности в космосе, которые могут серьезно угрожать международной безопасности.

В этих условиях перед мировым сообществом стоит весьма актуальная задача — не допустить в будущем превращения космоса в сферу вооруженного противоборства. Очевидно, что предотвращение появления оружия в космосе — более эффективный путь, чем поиск в ходе переговоров возможностей сокращения и ликвидации уже созданного и развернутого космического оружия.

Собственно сами инициативы по предотвращению размещения оружия в космосе активно уже обсуждаются длительное время.

Наличие «белых пятен» в правовом поле военной космической деятельности побуждало многие страны в период 1980–1990 годов выработать соответствующие международные договоренности. Активную и последовательную позицию в этом вопросе занимал Советский Союз, в последующем Россия.

Не ставя целью дать полный обзор политико-дипломатических шагов СССР по предотвращению вывода оружия в космос и превращения космического пространства в сферу военной конфронтации, укажем лишь на три ключевые инициативы:

- проект договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода, внесенный в ООН в 1981 году;

- проект договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли, предложенный в ООН в 1983 году и дополненный в 1984 году предложением о запрете использования силы с Земли в отношении космических объектов;

- принятое Советским Союзом в 1983 году обязательство не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды противоспутникового оружия на все время, пока другие государства будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия любого вида (этот мораторий охватывал и испытательные запуски противоспутниковых средств).

Проектами договоров предусматривалось:

- не испытывать и не развертывать путем вывода на орбиту вокруг Земли, размещения на небесных телах или каким-либо иным образом любое оружие космического базирования для поражения объектов на Земле, в воздушном и космическом пространстве;

- не использовать космические объекты, находящиеся на орбитах вокруг Земли, на небесных телах или размещенные в космическом пространстве каким-либо иным образом, в качестве средства поражения любых целей на Земле, в воздушном и космическом пространстве;

– не уничтожать, не повреждать, не нарушать нормального функционирования и не изменять траекторию полета космических объектов других государств;

– не испытывать и не создавать новые противоспутниковые системы и ликвидировать уже имеющиеся такие системы;

– не испытывать и не использовать в военных, в том числе противоспутниковых, целях любые пилотируемые космические корабли.

Эти положения и в настоящее время не утратили своего фундаментального значения для предотвращения вывода оружия в космос, вооруженной борьбы в нем. Однако из-за отрицательного отношения к этим инициативам со стороны другой ведущей космической державы — Соединенных Штатов — выработать всеобъемлющий режим по предотвращению размещения оружия в космосе не удалось.

Что касается одностороннего моратория Советского Союза на вывод в космос противоспутникового оружия, то условия этого моратория были Соединенными Штатами нарушены осуществлением в 1985 году перехвата противоспутниковой системой «АСАТ» реального американского космического объекта — ИСЗ «Солунд». СССР заявил о том, что считает себя с этого момента свободным от одностороннего обязательства, но вместе с тем, проявляя добрую волю, будет продолжать де-факто воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия. В 1992 году президентом России была подтверждена готовность на основе взаимности с США ликвидировать существующие противоспутниковые системы и выработать договоренность о полном запрете вооружений, специально созданных для поражения спутников¹²⁶. Однако и это предложение не нашло позитивного отклика у Соединенных Штатов.

Россия преемственно продолжила политику Советского Союза в области предотвращения размещения оружия в космосе. Это направление является одним из главных приоритетов политики России в области контроля над вооружениями.

На 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 году Россия предложила начать выработку всеобъемлющей договоренности о нерасположении в космосе оружия любого вида, неприменении силы или угрозы силой в отношении космических объектов.

Впоследствии эта инициатива воплотилась в российско-китайском документе «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в

¹²⁶ Мизин В. И. Опыт переговоров по немилитаризации космоса // Космос: оружие, дипломатия, безопасность / А. Г. Арбатов [и др.]; под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина; Моск. центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 95.

космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов» (договоренность по ПРОК), который в 2002 году был представлен на Конференции по разоружению в Женеве¹²⁷.

В целях развития положений этого документа Россия и Китай в 2004–2006 годах подготовили и распространили на Конференции по разоружению детализированные материалы по существующим нормам международного права, регулирующим военную космическую деятельность, по соответствующим терминам и определениям, по вопросам контроля и по международным мерам транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности.

В октябре 2004 года на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Россия заявила, что не будет первой размещать в космосе оружие, и призвала все государства, обладающие космическим потенциалом, последовать ее примеру. К этой инициативе присоединились государства – участники Организации Договора о коллективной безопасности (в 2005 году было принято соответствующее заявление).

В 2007 году Россия заявила о подготовке совместно с Китаем проекта полномасштабного договора по ПРОК. В 2008 году в рамках Конференции по разоружению этот проект был официально внесен на рассмотрение международного сообщества¹²⁸. Такой договор должен закреплять юридические обязательства на паритетной основе – без разделения стран на тех, кто «может иметь» оружие в космосе, и тех, кто «не может».

Основные обязательства по этому проекту договора сводятся к следующему:

– не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом;

¹²⁷ Россия и Китай представили проект документа о предотвращении размещения оружия в космосе: [Корр. РИА «Новости», Москва, 3 июля 2002 г.] // РИА «Новости». URL: <http://www.russianwinter.rian.ru/politics/20020703/185305.html> (дата обращения: 22.07.2012).

¹²⁸ Письмо Постоянного представителя Российской Федерации и Постоянного представителя Китая при Конференции по разоружению от 12 февраля 2008 года на имя Генерального секретаря Конференции, сопровождающее русский и китайский тексты проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДИПРОК), внесенного Российской Федерацией и Китаем: [CD/1839, February 29, 2008] // The United Nations Office at Geneva. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/604/04/PDF/G0860404.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

– не прибегать к применению силы или угрозе силой в отношении космических объектов;

– не оказывать содействия и не побуждать другие государства и международные организации к участию в деятельности, запрещаемой договором.

Как видно из этих положений проекта Договора по ПРОК, упор делается на запрещение действий, а не средств, с помощью которых такие действия могут быть осуществлены. Такой подход позволяет уйти от крайне сложных дискуссий, связанных с определением терминов и выработкой критериев в отношении понятия «космическое оружие».

Тем не менее проект договора содержит ряд определений терминов. Так, определение «космического пространства» («надземное пространство выше 100 км над уровнем мирового океана») дано только для целей ДПРОК. Так как в международном космическом праве пока нет нормы, устанавливающей границу между воздушным и космическим пространством, предлагается для целей ДПРОК определить такую границу на высоте минимальных высот перигеев орбит искусственных спутников Земли — около 100 километров над уровнем мирового океана.

Крайне важным для понимания сути проекта ДПРОК является правильное толкование термина «оружие в космическом пространстве». В частности, в документе говорится о том, что устройство, которое может рассматриваться как «оружие в космическом пространстве», должно быть специально создано или переоборудовано для выполнения задач, обозначенных в проекте. Такому устройству должны быть приданы соответствующие характеристики. Иные устройства, которые часто называются в дискуссиях как «возможное оружие», вплоть до космического аппарата мирного целевого назначения, не могут быть отнесены к категории оружия, поскольку они специально не созданы и не переоборудованы для этих целей и им не приданы соответствующие характеристики. При этом использование таких космических аппаратов, которые не являются оружием по своим характеристикам, в качестве средства «применения силы» (например, для умышленного разрушения другого спутника путем столкновения) проект ДПРОК запрещает.

Хотелось бы привлечь внимание еще к одному определению в российском проекте: оружие будет считаться «размещенным» в космическом пространстве, если оно совершит как минимум один оборот по орбите вокруг Земли или следует по части такой орбиты с дальнейшим уходом с нее или находится на постоянной основе где-либо в космическом пространстве. Из этого определения вытекает, что по-

леты баллистических ракет не попадают под сферу охвата проекта ДПРОК.

Российские инициативы, нацеленные на предотвращение размещения оружия в космосе, нашли позитивный отклик в международном сообществе. Проблематика ПРОК прочно вошла в повестку дня ведущих международных форумов, действующих в интересах укрепления стабильности и международной безопасности.

Евросоюз (коллективно и отдельные страны) приветствовал усилия России и Китая по решению проблемы ПГВКП через предотвращение размещения там оружия. В этой связи ЕС в благожелательном ключе рассматривает российско-китайский проект договора.

Разделяя общую идею проекта, направленную на устранение угрозы размещения оружия в космосе, Брюссель тем не менее считает, что проект требует доработки. В частности, ЕС подчеркивает, что необходимо добиться консенсуса по определениям терминов, необходимых для юридически обязывающего документа. Для ЕС принципиально важно и наличие в договоре положений, создающих эффективную систему проверки. Опцию разработки в будущем дополнительного верификационного протокола Евросоюз не приемлет. Кроме того, по мнению ЕС, в договоре следует более четко прописать запрещение испытаний и использования противоспутникового оружия.

Большинство государств Движения неприсоединения поддерживает российско-китайский проект ДПРОК. Вместе с тем следует отметить, что некоторые страны ДН используют проблематику ПГВКП в конъюнктурном ключе. Например, Пакистан, утверждая, что тематика ДПРОК «созрела» для переговоров, пытается таким образом найти замену не приемлемой для Исламабада работе на КР по договору о запрещении производства «оружейных» расщепляющихся материалов.

Однако переговорное продвижение российской инициативы по ПРОК пока «буксует». Дело состоит в том, что основной переговорной площадкой для обсуждения многосторонних соглашений в области разоружения является Конференция по разоружению. Но уже более десяти лет этому форуму не удается принять программу работы из-за различия в подходах разных государств к приоритетности рассмотрения вопросов повестки дня. По сути, работа Конференции оказалась заблокированной.

Параллельно с договором по ПРОК Россия продвигает в мировом сообществе инициативу по международным мерам транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности, затрагивающую и вопросы предотвращения размещения оружия в космосе.

В 2002 году на 57-й сессии ГА ООН Россия предложила в качестве меры транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности заблаговременное предоставление информации о предстоящих запусках и предназначении космических объектов.

С 2005 года Россия ежегодно вносила на сессиях ГА ООН проект резолюции «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» с конкретными предложениями, направленными на содействие делу мира, безопасности, международного сотрудничества и предотвращения гонки вооружений в космосе. За резолюцию голосовало подавляющее большинство государств (против — только США, Израиль воздерживался). В 2010 году на 65-й сессии ГА ООН подавляющим числом голосов принята новая резолюция (воздержались только США), предусматривающая учреждение к 2012 году Группы правительственных экспертов, которая займется обобщением и развитием уже имеющихся предложений государств по мерам доверия и транспарентности в космосе, а также выработкой рекомендаций по их внедрению в международную практику¹²⁹. Первое заседание Группы уже прошло в июле 2012 года в Нью-Йорке. Страны пока лишь наметили ориентиры дальнейшей работы. Выход на общеприемлемые развязки — впереди.

Среди мер транспарентности и доверия в космосе актуальными могли бы быть:

- обмен информацией об основных направлениях политики государств в области космической деятельности;
- обмен информацией по основным программам исследования и использования космического пространства;
- обмен информацией об орбитальных параметрах космических объектов;
- ознакомительные мероприятия, в том числе визиты специалистов на космодромы, в центры управления полетом и на другие объекты космической инфраструктуры, приглашение наблюдателей на запуски космических аппаратов, показы ракетно-космической техники;
- предоставление уведомлений (о планируемом запуске космического аппарата, о планируемых маневрах космического аппарата с возможным опасным сближением с аппаратами других государств, о

¹²⁹ 65/68. Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности: [резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей по докладу Первого комитета, А/65/410, 13 января 2011] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/516/64/PDF/N1051664.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

начале спуска неуправляемых космических объектов с орбиты и прогнозируемых районах падения, о возвращении управляемого космического аппарата с орбиты в плотные слои атмосферы, о возвращении космического аппарата с ядерным источником энергии на борту при опасности утечки радиоактивных материалов);

– консультации в целях разъяснения информации, предоставленной по программам исследования и использования космического пространства и в связи с вопросами, вызывающими озабоченности;

– тематические семинары по различным вопросам исследования и использования космического пространства, на двусторонней или многосторонней основе, с участием ученых, дипломатов, военных и технических специалистов.

Принятие таких мер способствовало бы снижению опасности неправильного понимания действий сторон в космосе и обеспечению предсказуемости стратегической ситуации в космическом пространстве.

Как показывает анализ переговорной деятельности, «пробуксовка» предложений по космосу в значительной мере обусловлена позицией Соединенных Штатов Америки, которые уже многие годы остаются единственным участником КР, открыто выступающим против российско-китайского проекта договора по ПРОК. Проект, дескать, не отвечает содержащимся в нем критериям (равномерное распределение обязательств, эффективная проверяемость, укрепление безопасности США и их союзников). «Недостатком», по мнению американцев, является и то, что проект не запрещает противоспутниковые системы наземного базирования.

Однако есть один небольшой, но положительный момент в подходах США. В результате некоторой корректировки своей позиции, не меняющей, разумеется, ее сущности, американцы стали более позитивно относиться к МТДК. В выступлениях на КР американские представители подчеркивают, что наиболее рациональным путем укрепления безопасности в космосе является всемерное повышение доверия и транспарентности. США уже позитивно отреагировали на приглашение Генерального секретаря ООН войти в состав ГПЭ по МТДК. Они подтвердили свою готовность активно и конструктивно работать в рамках ГПЭ.

Евросоюз активно продвигает на параллельных КР площадках проект своего кодекса поведения в космосе (КПК), сердцевину которого составляют МТДК. Многие элементы КПК совпадают с теми предложениями по мирному использованию космоса, которые обсуждались в Вене в рамках соответствующего ооновского комитета. В этом серьезный недостаток КПК.

В целом нынешний вариант проекта КПК все еще требует существенной доработки — по субстанции он не достиг такого качественного уровня, чтобы вокруг него консолидировать ведущие космические державы. Штаб-квартира ЕС в Брюсселе ведет линию на созыв международной конференции (сроки пока не определены) для широкой поддержки своей инициативы.

Новым моментом в 2012 году в продвижении КПК стала официальная поддержка идеи кодекса со стороны США. Так, выступая на КР 24 января 2012 года, заместитель госсекретаря США Р. Готтемоллер заявила о готовности перейти к официальным переговорам по КПК с ЕС. При этом американцы предложили назвать будущий документ «Международный кодекс поведения в космосе» с перспективой фиксации общих договоренностей о борьбе с космическим мусором и «неответственной деятельностью». Разумеется, расшифровки, что такое «неответственная деятельность» и кто будет «мировым судьей» в этом случае, Р. Готтемоллер не дала¹³⁰.

Как представляется, столь явная американская поддержка КПК может свидетельствовать о стремлении перехватить инициативу и отвлечь международное сообщество от российских идей о ДПРОК. Это предположение косвенно подтверждает тот факт, что американцы вообще не упомянули российское предложение в своем выступлении.

На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН убедительным большинством голосов принимается вносимая поочередно Египтом и Шри-Ланкой ежегодная резолюция «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве»¹³¹. Против нее не голосует никто, однако постоянно воздерживаются США и Израиль (в 2011 году резолюцию поддержали 176 государств). В этой резолюции зафиксирован ряд принципиальных положений, в частности: подтверждается важность и неотложность задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве; признается, что предотвращение гонки вооружений в космосе устранило бы серьезную угрозу для междуна-

¹³⁰ Assistant Secretary of State Rose Gottemoeller: opening statement at the Conference on Disarmament: [as prepared, Geneva, January 24, 2012] // The United Nations Office at Geneva. URL: [http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/\\$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf](http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf) (дата обращения: 22.07.2012).

¹³¹ 66/27. Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве: [резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей по докладу Первого комитета, А/66/410, 12 января 2011] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/460/46/PDF/N1146046.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

родного мира и безопасности; выражается убежденность в необходимости изучения дальнейших мер по выработке эффективных и поддающихся контролю двусторонних и многосторонних соглашений в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве, включая вывод оружия в космос; указывается, что правовой режим, применимый к космическому пространству, сам по себе не гарантирует предотвращения гонки вооружений в космосе, этот режим необходимо упрочить, усилить и повысить его эффективность.

Достаточно активную позицию по тематике космической безопасности занимает Канада. В декабре 2010 года канадцы распространили на КР документ «Реализация принципов мер доверия для обеспечения безопасности космической деятельности и неразмещения оружия в космосе». В документе указывается, что предлагаемые принципы являются промежуточными добровольными мерами, а конечной целью остается разработка юридически обязывающего документа. Ряд элементов канадского документа содержит созвучные нашим идеям принципы, например неразмещение оружия в космосе. При этом основной упор делается на обязательства не испытывать противоспутниковое оружие и не использовать спутники в качестве оружия. Канадцы считают этот момент принципиальным элементом эвентуальной договоренности по ПГВКП. Российско-китайский проект ДПРОК они рассматривают в качестве «хорошей, хотя и безупречной», основы для будущих переговоров.

В дополнение к данным предложениям целесообразно рассмотреть возможность реанимации идей разработки «правил движения» в космосе. Необходимость выработки таких мер диктуется постоянным увеличением количества пользователей космического пространства, возрастанием числа космических объектов, повышением риска их непреднамеренного столкновения в том числе и с «космическим мусором». К числу первоочередных задач в данной области можно было бы отнести отказ от действий, способных нарушить нормальное функционирование космических объектов других стран (включая маскировку враждебных действий под «случайные» столкновения с «космическим мусором»), установление минимальных дистанций между объектами, ограничение облетов объектов на низких высотах управляемыми или беспилотными космическими кораблями, заблаговременное уведомление о запуске космических объектов и пр.

В этом контексте было бы полезно подумать над возобновлением наших инициатив 80-х годов, разумеется, адаптированных к нынешним реалиям, предусматривавших в том числе создание Международного корпуса инспекторов (ISI) для проведения проверок запу-

скаемых в космос объектов с тем, чтобы удостовериться в отсутствии на их борту оружия, а также что сами эти объекты не являются оружием. Эту концепцию можно было бы дополнить прежним французским предложением об учреждении Международного агентства по мониторингу за искусственными спутниками земли (ISMA), а также канадской инициативой «Мирный спутник» (PAXSAT). Реализация данных идей содействовала бы институционализации контрольной деятельности по неразмещению в космосе оружия и оказанию содействия в мониторинге за выполнением других разоруженческих соглашений.

IV. ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В последние годы проблемы ядерного нераспространения серьезно обострились, что связано в первую очередь с новыми вызовами и угрозами в данной области. Этой теме уделили внимание многие известные российские ученые. Цель же автора данной монографии — проанализировать, как проблемы ядерного нераспространения влияют на контроль над ядерными вооружениями, на перспективы их дальнейших сокращений и ограничений.

Разумеется, без истории вопроса, состояния, актуальных проблем и перспектив международно-правового режима ядерного нераспространения данная работа была бы неполной.

4.1. Состояние и тенденции распространения ядерного оружия в мире

Распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки в настоящее время стало одной из главных угроз стратегической стабильности и глобальной международной безопасности. Задача предотвращения угроз распространения выдвинулась для многих государств мира на приоритетное место в обеспечении национальной безопасности. При этом наибольшую опасность представляет распространение ядерного оружия в силу его большого поражающего и глобального дестабилизирующего действия.

С момента подписания ДНЯО и до настоящего времени положение дел с ядерным распространением неизменно остается сложным, несмотря на кардинальные геополитические изменения, произошедшие в мире за последние два десятилетия, а также на существенные положительные сдвиги в области сокращения стратегических ядерных вооружений ведущих ядерных держав — России и США.

Более того, парадоксальным образом окончание холодной войны и разрушение биполярной структуры мира увеличили число вызовов стабильности режима. Однако принципиально важно, что современные вызовы в сфере ядерного нераспространения могут и должны решаться на основе ДНЯО, полностью опираясь на незыблемость

его положений, в строгом соответствии с нормами международного права и с учетом законных интересов безопасности и развития всех государств¹³².

На смену глобальному блоковому противостоянию прошлого пришли многочисленные кризисы и конфликты, вызванные в том числе и стремлением отдельных стран действовать без оглядки на мировое сообщество и его общепризнанные институты. Одновременно резко возросла угроза международного терроризма. На глобальном уровне отчетливо прослеживаются тенденции ослабления гарантий государственного суверенитета, вмешательства, в том числе силового, во внутренние дела других стран, иногда и под предлогом решения задач нераспространения¹³³.

В этих условиях некоторые страны начинают раздумывать о ядерном выборе как о средстве сдерживания агрессии, а также факторе повышения своего международного статуса, инструменте достижения превосходства над соседями и получения экономических выгод. Данное обстоятельство в условиях обострения территориальных споров, политических, экономических, этнических и религиозных проблем в некоторых государствах приобретает особое значение¹³⁴.

По данным МАГАТЭ, более двух десятков стран располагают потенциалом для военных ядерных возможностей, однако по различным причинам проявляют сдержанность в обретении ядерного статуса. Для некоторых из них «ядерный выбор» — лишь вопрос политической воли в условиях ослабления режима ДНЯО. В технологическом плане они обладают всеми необходимыми средствами и компонентами для создания ядерного взрывного устройства. При возникновении угроз национальной безопасности и суверенитету эти страны могут создать ядерное оружие достаточно быстро.

¹³² Выступление заместителя Министра иностранных дел России С. А. Рябова на Конференции 2010 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: [Нью-Йорк, 4 мая 2010 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/10aa6ac6e80702fc432569ea003612f0/432569d800226387c325771a0027eeb9!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

¹³³ Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации: [23 июня 2006 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: [http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsite.nsf/e7a9b495a2684bdd4325695f0041f5f7/0e61b271bd251411c325719d0034e1f9/\\$FILE/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.doc](http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsite.nsf/e7a9b495a2684bdd4325695f0041f5f7/0e61b271bd251411c325719d0034e1f9/$FILE/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.doc) (дата обращения: 22.07.2012).

¹³⁴ Там же.

На сегодняшний день сохраняется несколько основных путей распространения ядерного оружия:

- несанкционированная передача технологий и знаний в области ядерного оружия неядерным государствам (что подтверждается «сутью» А. К. Хана);

- самостоятельная разработка посредством развития необходимой научно-технической базы с использованием открытой информации;

- утечки технологий производства ядерного оружия и другой «чувствительной» информации по причине слабости или отсутствия достаточного национального контроля¹³⁵.

На рубеже третьего тысячелетия обозначились новые вызовы и угрозы в сфере ядерного распространения. Среди них следует выделить следующие.

- *Ядерные испытания в Индии и Пакистане* в 1998 году. Международное сообщество расценило их как «всплеск ядерных амбиций» этих стран и серьезный удар по режиму ядерного нераспространения, создавший нежелательный прецедент для других стран, имеющих намерения по обладанию ядерным оружием. Появилась проблема, связанная с неопределенностью ядерного статуса Индии и Пакистана по ДНЯО, в котором четко определен круг ядерных государств.

- *Вне рамок ДНЯО* продолжает оставаться *Израиль*, не подтверждающий и не отрицающий наличие у него ядерного оружия и блокирующий создание зоны, свободной от ОМУ и средств его доставки на Ближнем Востоке. Вместе с тем официальными лицами ряда государств мира, включая США и Израиль, подтверждено, прямо или косвенно, наличие ядерного оружия у Израиля.

- *Ядерные амбиции Северной Кореи*. В 2003 году КНДР заявила о выходе из ДНЯО, а впоследствии — о якобы наработанном ею «оружейном» расщепляющемся материале и наличии у нее ядерных взрывных устройств. В 2006 году КНДР провела подземное испытание ядерного взрывного устройства. Обладание Северной Кореей ядерным оружием может как подтолкнуть другие страны региона к «ядерному выбору», так и создать возможность продажи Северной Кореей ядерных материалов и технологий¹³⁶.

- *Ядерная деятельность Ирана*. Взятый руководством этой страны курс на промышленное освоение технологий обогащения урана

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними в российско-американских отношениях: состояние и перспективы / А. С. Дьяков [и др.]. Долгосрочный: Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, 2006. С. 4.

и создание ядерного топливного цикла, безусловно, содержит в себе опасность перехода к «оружейной» ядерной программе. Разумеется, каждая страна имеет право на обогащение урана. Но в иранском случае международные опасения обоснованы. Страна 18 лет занималась деятельностью, в отношении которой существуют объективные озабоченности. Тегеран демонстрирует твердое намерение обладать научно-техническими возможностями создания ядерного оружия, хотя утверждать, что в Иране принято политическое решение о достижении ядерного статуса, преждевременно¹³⁷. Неурегулированность целого ряда вопросов между этой страной и МАГАТЭ, а также ряд воинственных заявлений иранского руководства способствуют сохранению сомнений относительно мирного характера ядерной программы Ирана.

- *«Черный рынок» ядерных товаров и технологий.* Особенно это проявилось в ядерной оружейной программе Пакистана, реализация которой во многом стала возможной благодаря специально созданной для этих целей сети незаконных поставок продукции ядерного профиля («сеть» А. К. Хана).

- *Растущая угроза ядерного терроризма.* Несмотря на то что вероятность самостоятельного создания террористами ядерного взрывного устройства ввиду технической сложности решения этой задачи оценивается как незначительная, возможна разработка ими кустарных средств поражения с применением радиоактивных материалов (так называемая «грязная бомба»)¹³⁸.

- *Форсированное развитие* в ряде стран (Индия, Израиль, Пакистан, Иран и КНДР) наряду с ядерными программами *потенциалов в области баллистических ракет*, способных нести большие полезные нагрузки на значительные расстояния и по своим параметрам далеко выходящих за ограничения Режимы контроля за ракетной технологией.

¹³⁷ Круглый стол: «Национальная безопасность Российской Федерации: ядерный фактор»: [24 ноября 2010 г.] // Российский институт стратегических исследований. URL: <http://www.riss.ru/?activityId=36> (дата обращения: 22.07.2012).

¹³⁸ Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации: [23 июня 2006 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: [http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsite.nsf/e7a9b495a2684bdd4325695f0041f5f7/0e61b271bd251411c325719d0034e1f9/\\$FILE/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.doc](http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsite.nsf/e7a9b495a2684bdd4325695f0041f5f7/0e61b271bd251411c325719d0034e1f9/$FILE/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.doc) (дата обращения: 22.07.2012).

Перечень вызовов можно продолжить, но главное ясно — возник целый ряд дестабилизирующих факторов, бороться с которыми оказалось достаточно непросто.

Новые вызовы и угрозы ядерного распространения обусловлены комплексом обстоятельств и причин, среди которых можно выделить следующие:

- отсутствие прогресса, как его понимают в первую очередь радикалы ДН, в достижении ядерного разоружения и реальных перспектив в обеспечении универсальности ДНЯО;

- практика некоторых стран и военных блоков (США, НАТО) по применению силы для урегулирования международных проблем, в том числе и планы по использованию в этих целях ядерного оружия или стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении;

- опасность выхода гонки вооружений в мире на новый технологический уровень, появления так называемых дестабилизирующих видов оружия, потенциальная угроза снижения «порога» применения ядерного оружия за счет создания ядерного оружия малой мощности;

- наличие ядерного оружия на территориях других неядерных государств, в частности размещение ядерного оружия США в Европе;

- возрастание опасности использования ядерного оружия или его компонентов террористами, качественное изменение характера террористических угроз (глобальность, элементы национализма и сепаратизма, религиозная подпитка);

- сохранение объективных угроз безопасности, вызывающих у государств стремление к обладанию ядерным оружием в интересах защиты от давления внешних сил;

- наличие «двойных стандартов» в оценке ядерных программ различных государств, не способствующее успеху в противодействии ядерному распространению;

- сложности с перекрытием каналов незаконного оборота ядерных материалов и технологий, применение мер противодействия которым неэффективно вне сотрудничества с другими странами;

- отсутствие многостороннего международного договора (по типу ДНЯО) в ракетной области, который ограничивал бы развитие программ создания и развертывания баллистических ракет;

- недостаточность или отсутствие у многих государств национальных мер экспортного контроля (в международных режимах экспортного контроля участвует не более 20–25 % государств), а также недостаточно эффективное состояние учета, контроля и физической защиты ядерных материалов и технологий;

– возможность получения информации о «чувствительных» технологиях по сети Интернет и иным электронным каналам связи, опасность «неосязаемых» передач такой информации, а также трудности контроля за такими передачами.

Изложенное выше свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов противодействия распространению ядерного оружия и необходимости принятия мер по повышению их действенности.

4.2. Международно-правовая база в сфере ядерного нераспространения

Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия, согласно определению Н. Н. Сокова, представляет собой совокупность международных договоренностей и организаций, а также внутреннего законодательства стран, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые его не имели к 1967 году¹³⁹.

Предметом режима ядерного нераспространения являются все ядерные взрывные устройства (поскольку было признано принципиально невозможным различить ядерные взрывные устройства, используемые в военных и в мирных целях), а также материалы, оборудование и технологии, предназначенные для их изготовления.

Режим нераспространения ядерного оружия имеет ряд специфических особенностей.

Во-первых, этот режим закреплён в обширном ряде имеющих различный статус взаимосвязанных международных соглашений.

Во-вторых, режим ядерного нераспространения включает в себя значительное число международных организаций и других форм регулярного взаимодействия участников. Плотная сеть разнообразных институтов, связывающих участников режима, укрепляет его стабильность и способность своевременно реагировать на изменения ситуации, вырабатывая меры по повышению эффективности.

Так, например, частью режима является МАГАТЭ, созданное ещё в 1950-е годы, т. е. значительно раньше подписания фундаментального для всего режима соглашения — ДНЯО. Наряду с универсальной организацией МАГАТЭ и такими глобальными международными механизмами, как ГЯП и Комитет Цангера, существуют и региональ-

¹³⁹ Соков Н. Н. Введение в ядерное нераспространение // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. Т. 1. С. 16.

ные организации в этой сфере (например, Европейское сообщество по атомной энергии — Евратом).

В-третьих, режим ядерного нераспространения является весьма разветвленным. Наряду с собственно нераспространением (в традиционном смысле, в котором оно используется в ДНЯО) режим ядерного нераспространения касается в той или иной степени вопросов экспортного контроля, ядерной энергетики, ядерных испытаний, сокращения ядерного оружия и т. д. С ядерным нераспространением тесно связаны также вопросы нераспространения ракет и ракетных технологий как основных средств доставки ядерного оружия, а также проблематика других видов ОМУ — химического и биологического.

В-четвертых, частью режима является связанное с ним внутреннее законодательство стран-участниц. В частности, речь идет о законодательстве, касающемся учета и контроля над ядерным материалом, национального экспортного контроля. Национальное законодательство основано на международных документах режима нераспространения. Вместе с тем каждая страна по-своему применяет их в своей юридической практике, иногда устанавливая даже более жесткие ограничения, чем того требуют международные документы¹⁴⁰.

Фундаментом глобального международно-правового режима ядерного нераспространения является *Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года*. Наряду с ДНЯО другими важными элементами ядерного нераспространения являются режимы безъядерных зон, режимы запрещения ядерных испытаний, режимы экспортного контроля в ядерной сфере, а также другие договоренности и институты.

4.2.1. Договор о нераспространении ядерного оружия

Договор о нераспространении ядерного оружия был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 12 июня 1968 года, открыт для подписания 1 июля 1968 года и вступил в силу 5 марта 1970 года¹⁴¹. На Конференции по рассмотрению и продлению действия ДНЯО 1995 года этот Договор был продлен бессрочно.

Заключение ДНЯО стало возможным благодаря тому, что государства, обладающие ядерным оружием, пришли к пониманию того,

¹⁴⁰ Там же. С. 17–18.

¹⁴¹ Договор о нераспространении ядерного оружия: [одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

что ядерная война может привести к катастрофическим последствиям для всего человечества и необходимо поставить заслон на пути дальнейшего распространения ядерного оружия.

Участниками ДНЯО являются подавляющее большинство стран мира — 190 государств. Договор не подписали три страны — Индия, Пакистан, Израиль. В 2003 году о выходе из ДНЯО объявила Северная Корея.

Механизм действия ДНЯО состоит в регулировании поведения его участников. Среди государств — участников ДНЯО выделяют ядерные государства (страны, которые произвели и испытали ядерные взрывные устройства до 1 января 1967 г.) и неядерные.

Ядерные государства (Россия, США, Великобритания, Франция и Китай) обязуются не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или контроль над ним ни прямо, ни косвенно, не помогать неядерным государствам в производстве или приобретении ядерного оружия, не поощрять и не побуждать их к этому, а также к контролю над ним¹⁴².

Государства, не обладающие ядерным оружием, в свою очередь обязуются не принимать от кого бы то ни было ядерное оружие или контроль над ним, не производить и не приобретать его каким-либо иным способом, не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия¹⁴³.

В ДНЯО закрепляется право любого государства развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях, участвовать в международном обмене оборудованием, материалами и научно-технической информацией о мирном использовании ядерной энергии. Предусматривается, что государства, достигшие высокого уровня развития в области мирного применения ядерной энергии, будут сотрудничать с неядерными государствами в деле содействия дальнейшему развитию применения ядерной энергии в мирных целях с должным учетом нужд развивающихся районов мира.

Контроль за выполнением обязательств по ДНЯО в части использования атомной энергии в мирных целях возлагается на МАГАТЭ.

Договор обязывает неядерные государства принять так называемые гарантии МАГАТЭ, которые представляют собой совокупность средств наблюдения за тем, чтобы расщепляющиеся материалы и специальное оборудование использовались исключительно в мирных целях.

Система гарантий МАГАТЭ, получившая название всеобъемлющей (comprehensive), была разработана в 1970–1971 годах и

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

утверждена в виде типового проекта соглашения о гарантиях между МАГАТЭ и государством – участником ДНЯО (INFCIRC/153)¹⁴⁴. Каждое из участвующих в Договоре государств, не обладающих ядерным оружием, должно заключить с Агентством в соответствии с Уставом МАГАТЭ соглашение относительно проверки выполнения данным государством своих договорных обязательств.

По соглашению государство обязуется информировать МАГАТЭ о ядерном материале, который оно производит или импортирует, сообщать обо всех местах нахождения ядерного материала, а инспекторы МАГАТЭ проводят независимую проверку и дают оценку полноты и точности заявлений государства относительно ядерного материала и мест его нахождения.

Основным способом обеспечения гарантий является учет ядерного материала, для чего государство создает и ведет национальную систему учета и контроля. Меры МАГАТЭ по контролю доступа к ядерному материалу, например использование печатей на контейнерах и дверях и наблюдение с помощью видеокамер и других устройств за ядерным материалом и за маршрутами, по которым он проходит, применяются для пополнения информации, полученной на основе практики учета, а также подтверждения ее неизменности. Целью практики учета является установление количества ядерного материала, присутствующего в ядерной установке, и изменений, которые могут иметь место.

Инспекторы МАГАТЭ, обладающие необходимыми привилегиями и иммунитетами, периодически посещают ядерную установку с целью проверки инвентарного количества ядерного материала и его изменений и для определения правильности отчетов. Проверка включает измерения ядерного материала на месте и отбор проб для последующего анализа в МАГАТЭ.

Вскрытие незаявленной ядерной деятельности в начале 1990-х годов в Ираке продемонстрировало определенные недостатки действовавшей системы гарантий МАГАТЭ. В результате были приняты меры по укреплению отдельных элементов системы гарантий¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Типовой дополнительный протокол к соглашению(ям) между государством(ами) и Международным агентством по атомной энергии о применении энергетики: [INFCIR/540 (corrected)] // Международное агентство по атомной энергии. URL: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/1997/Russian/infirc540c_rus.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁴⁵ Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации: [23 июня 2006 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsitem.nsf/e7a9b495a2684bdd4325695f0041f5f7/0e61b271bd251411

В 1997 году был разработан Дополнительный протокол к соглашению с МАГАТЭ о гарантиях (INFCIRC/540), который предусматривает при согласии государства значительное расширение возможностей по контролю его ядерной деятельности.

Каждые пять лет созывается Конференция по рассмотрению действия ДНЯО. Последняя Конференция 2010 года завершилась консенсусным принятием итогового документа, что бывает далеко не всегда. Этот документ содержит согласованные выводы и рекомендации (так называемый План действий), которые включают практические шаги, нацеленные на укрепление Договора¹⁴⁶.

ДНЯО изначально был заключен на 25 лет. Это было сделано по настоянию ряда стран (Швеции, Германии, Италии и др.), которые тогда не хотели навсегда отказываться от права обладания ядерным оружием.

Кроме того, эти страны не были уверены в фактической ответственности ДНЯО и были обеспокоены коммерческой стороной предусмотренной в нем системы гарантий. Через двадцать пять лет после вступления ДНЯО в силу в соответствии с его положениями была созвана Конференция для того, чтобы решить, должен ли Договор продолжать действовать бессрочно или подлежать продлению на дополнительный определенный период или периоды времени¹⁴⁷.

Решение о бессрочном продлении Договора далось непросто и стало результатом целого ряда компромиссов между различными группами стран. Более того, ни по одному из остро обсуждавшихся вопросов ядерные государства не пошли на уступки, не взяли на себя каких-либо существенных дополнительных обязательств в области ядерного разоружения. За прошедшие после Конференции годы практически ни одна из поставленных задач в полном объеме не была выполнена. Однако главное достижение Обзорной

c325719d0034e1f9/\$FILE/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.doc (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁴⁶ Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора: заключительный документ: [Т. 1–3. Нью-Йорк, 2010] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/451/53/PDF/N1045153.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/574/85/PDF/N1057485.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁴⁷ Антонов А. И. К проблеме запрещения ядерных испытаний: переговорные этапы // Мир и политика. 2011. Август. № 8(59).

конференции 1995 года — бессрочное продление ДНЯО — остается в силе.

4.2.2. Зоны, свободные от ядерного оружия

Одним из важных направлений противодействия ядерному распространению является создание в мире зон, свободных от ядерного оружия. Суть этой меры состоит в том, что группа соседних государств декларирует запрет на разработку, производство, приобретение или принятие от других стран, хранение, испытание ядерного оружия на своих территориях.

Статьей VII ДНЯО напрямую предусматривается право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях.

В настоящее время в мире существуют пять зон, свободных от ядерного оружия, созданных на правовой основе соответствующих многосторонних договоров:

- в Латинской Америке (Договор Тлателолко 1967 года)¹⁴⁸;
- в южной части Тихого океана (Договор Раротонга 1985 года)¹⁴⁹;
- в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор 1995 года)¹⁵⁰;
- в Африке (Договор Пелиндаба 1996 года)¹⁵¹;
- в Центральной Азии (Семипалатинский договор 2006 года)¹⁵².

Договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия, в отличие от ДНЯО не только запрещают производство и приобретение

¹⁴⁸ Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договор Тлателолко): [1967] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 147–159.

¹⁴⁹ Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга): [1985] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 166–171.

¹⁵⁰ Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор): [1995] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 177–185.

¹⁵¹ Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке: [1996] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 188–194.

¹⁵² Текст Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: [Семипалатинск, 8 сентября 2006 г.] // Посольство Республики Узбекистан в Российской Федерации. URL: <http://www.uzembassy.ru/2612.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

ядерного оружия, но и запрещают размещение ядерного оружия, принадлежащего ядерным державам, на территории зоны, а также транзит при его перевозке на морских и воздушных судах.

Наряду с региональными зонами, свободными от ядерного оружия, существуют «национальные безъядерные зоны»¹⁵³. Такие зоны создаются государством путем принятия деклараций или внесения соответствующих положений в свое внутреннее законодательство. Среди государств мира, объявивших таким образом о своем безъядерном статусе, можно назвать Австрию, Монголию, Новую Зеландию, Палау, Филиппины.

Существует ряд многосторонних договоров, делающих безъядерными определенные части планеты и ближнего космоса. Среди них:

– Договор об Антарктиде 1959 года, запрещающий проводить ядерные испытания и хранить радиоактивные отходы в Антарктиде¹⁵⁴;

– Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 года, запрещающий выводить на околоземную орбиту любые объекты с ядерным оружием, устанавливать такое оружие на небесных телах и размещать его в космическом пространстве¹⁵⁵;

– Договор о запрещении размещения ядерного оружия на дне и под дном морей и океанов (Договор о морском дне) 1971 года¹⁵⁶.

¹⁵³ Необходимо подчеркнуть, что в рамках ДНЯО определения «национальные безъядерные зоны» не существует. Известны попытки, например, Монголии по институционализации своего безъядерного статуса. Однако реализация этой идеи идет туго, в первую очередь в силу нежелания ядерных держав соглашаться на такое нововведение в рамках обзорного процесса ДНЯО. Автор использует термин «национальные безъядерные зоны» исключительно для целей данной монографии.

¹⁵⁴ Договор об Антарктике: [Вашингтон, 1 декабря 1959 г.] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 140–145.

¹⁵⁵ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: [принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 октября 1966 г.] // Организация Объединенных Наций.

¹⁵⁶ Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения: [Москва, Лондон, Вашингтон, 11 февраля 1971 г.] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 163–166.

На сегодняшний день совокупная зона, свободная от ядерного оружия, охватывает более половины всей сухопутной территории Земли, а число государств, охваченных ЗСЯО, превышает сотню.

В то же время приходится констатировать наличие определенных проблем в функционировании ЗСЯО. Так, большинство договоров содержат положения (например, по транзиту), которые ставят под сомнение эффективность соблюдения безъядерного статуса зоны, другие противоречат международному праву о свободе судоходства в открытом море. В ряде случаев имеются оговорки и отсутствуют необходимые ратификации ядерных государств, соответствующих протоколов к этим договорам.

4.2.3. Запрещение ядерных испытаний

Важным элементом режима нераспространения является запрещение ядерных испытаний.

Со времени появления первых образцов ядерного оружия ядерные испытания становятся неотъемлемым и важнейшим этапом процесса создания ядерного оружия. Необходимость их проведения диктовалась потребностью прямого подтверждения того, что ядерное оружие надежно реализует свои «оружейные» поражающие качества. Сложность конструкции ядерных боезарядов, многоступенчатость, разнообразие и быстрота протекающих в них процессов, их взаимное влияние друг на друга не позволяли обойтись для этой цели только компьютерным и лабораторным моделированием. Промежуточные этапы новой разработки могли опираться на испытания малой мощности, где реализуется лишь часть процессов, однако окончательным подтверждением, как правило, должно было являться полномасштабное ядерное испытание. Ядерные испытательные взрывы требовались и для других целей, например подтверждения безопасности нового ядерного боеприпаса в аварийной ситуации¹⁵⁷.

В принципе без проведения ядерных испытаний имеются определенные незначительные возможности по совершенствованию ядерного оружия, но без испытаний невозможно проводить разработку новых, более совершенных видов ядерного оружия и быть уверенным в их надежности, в особенности для стран – «новичков» ядерного клуба.

В этой связи запрещение ядерных испытаний представляло собой эффективную меру ядерного нераспространения. Не случайно в преамбуле ДНЯО воспроизведено положение, подчеркивающее реши-

¹⁵⁷ Антонов А. И. К проблеме запрещения ядерных испытаний: переговорные этапы // Мир и политика. 2011. Август. № 8(59).

мость государств-участников добиваться всеобъемлющего запрета на ядерные испытания.

Многосторонний международно-правовой режим ограничения ядерных испытаний базируется на *Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 года*¹⁵⁸. 183 государства подписали этот Договор, а 157 — ратифицировали.

Изначально идея Договора была впервые предложена в 1954 году, и потребовалось более 40 лет для его принятия. ДВЗЯИ является продолжением частичного запрета ядерных испытаний, принятого в 1963 году, — многостороннего Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (Договор разрешал лишь подземные ядерные испытания с предотвращением радиоактивного загрязнения)¹⁵⁹.

В соответствии с ДВЗЯИ каждое государство-участник обязуется не производить любой испытательный взрыв ядерного оружия и любой другой ядерный взрыв, а также запретить и предотвращать любой такой ядерный взрыв в любом месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем. Каждое государство-участник обязуется также воздерживаться от побуждения, поощрения или какого-либо участия в проведении любого ядерного взрыва¹⁶⁰.

В целях обеспечения соблюдения Договора создается система контроля, состоящая из Международной системы мониторинга, режима консультаций и разъяснений, режима инспекций на месте и мер укрепления доверия¹⁶¹. Международная система мониторинга должна включать 50 основных и 120 вспомогательных сейсмических станций, 60 инфразвуковых, 80 радионуклидных и 11 гидроакустических лабораторий.

До вступления Договора в силу обеспечение технической, научно-методической и организационной готовности к его осуществле-

¹⁵⁸ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/219/25/PDF/N9621925.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁵⁹ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой: [подписан в Москве, 5 августа 1963 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁶⁰ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/219/25/PDF/N9621925.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁶¹ Там же.

нию возложено на Подготовительную комиссию Организации по ДВЗЯИ.

4.2.4. Режимы контроля ядерного экспорта

Меры по обеспечению контроля за передачами ядерных материалов и технологий, а также товаров «двойного» назначения, которые могут использоваться для создания ядерного оружия, осуществляются многосторонними режимами экспортного контроля — *Комитетом Цангера и Группой ядерных поставщиков*.

Целью этих механизмов является предотвращение распространения ядерного оружия посредством реализации каждым из государств-участников на национальном уровне контроля за экспортом ядерных и имеющих отношение к ядерной деятельности материалов, а также материалов, оборудования, программного обеспечения и технологий «двойного применения», одновременно не препятствуя международному сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии¹⁶².

Создание международной системы экспортного контроля в ядерной сфере было обусловлено положениями ДНЯО. В соответствии с пунктом 2 статьи III ДНЯО каждое из государств – участников Договора обязуется не предоставлять исходного или специального расщепляющегося материала или оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии МАГАТЭ¹⁶³.

Исходя из этих положений ДНЯО совместными усилиями ряда стран в 1971 году был создан Комитет Цангера (назван по имени его первого председателя). В настоящее время он объединяет 35 государств.

Комитетом разработаны два меморандума. Меморандум «А» касается экспорта исходного и специального расщепляющегося ма-

¹⁶² Заявление ГЯП: [пленарное заседание Группы ядерных поставщиков, Сиэтл, 21–22 июня 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/1C0000F95BDE142044257A2A00432220 (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁶³ Договор о нераспространении ядерного оружия: [одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

териала. Меморандум «В» касается экспорта оборудования и применяемого в атомной промышленности неядерного материала. Эти документы официально распространены МАГАТЭ и впоследствии неоднократно обновлялись.

Экспорт в какое-либо государство осуществляется при условии распространения на него гарантий МАГАТЭ. В целях контроля над ядерными поставками происходит ежегодный обмен информацией среди членов Комитета о фактическом экспорте или выдаче лицензий.

С точки зрения эффективности экспортного контроля рекомендации Комитета Цангера имели слабые места.

Эти рекомендации были привязаны к ДНЯО. Но, например, Франция, один из крупнейших ядерных экспортеров, в те годы не являлась участницей ДНЯО. Вместе с тем она поставила реактор Ираку и передала технологию переработки отработанного ядерного топлива Пакистану и Южной Корее.

Гарантии Комитета требовались только для поставок оборудования, которое было специально сконструировано для ядерной деятельности, в то время как экспорт товаров двойного использования осуществлялся без гарантий¹⁶⁴. Список Комитета Цангера не включал такие технологии, критические с точки зрения ядерного нераспространения, как установки по производству тяжелой воды, обогащению урана и переработке отработанного ядерного топлива.

Страны – поставщики ядерных технологий пришли к выводу о необходимости выработать новые международные нормы ядерного экспорта. Кроме того, нужен был институт, напрямую не привязанный к ДНЯО, что дало бы возможность странам, не присоединившимся к ДНЯО, участвовать в многостороннем режиме контроля над ядерным экспортом¹⁶⁵.

Такой институт – Группа ядерных поставщиков – был создан в 1974 году. Сегодня в ГЯП, объединяющую основных экспортеров ядерных технологий и материала, входят 46 стран мира. Примечательно, что формально Группа не входит в структуру, обеспечивающую выполнение ДНЯО.

¹⁶⁴ Орлов В. А. Международная система экспортного контроля в целях ядерного нераспространения // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 1. С. 339.

¹⁶⁵ Там же.

Основополагающими документами ГЯП являются Руководящие принципы ядерного экспорта¹⁶⁶, а также два контрольных списка (перечня) товаров, технологий и оборудования. Периодически в эти списки вносятся изменения, отражающие развитие науки и технологии.

Первый список («Исходный список») включает ядерные материалы, ядерные реакторы и оборудование, неядерные материалы для переработки, обогащения и конверсии ядерных материалов, а также для изготовления топлива и производства тяжелой воды, связанную с этими материалами и оборудованием технологию.

Второй список (Список «товаров двойного использования») включает предметы и технологии двойного использования, которые могут значительно содействовать не поставленной под гарантии деятельности в ядерной области, однако иметь также и неядерное применение. Этот список был впервые согласован в 1992 году. Тем самым был признан факт существования класса технологий и материалов, которые являются особенно чувствительными, так как могут непосредственно привести к созданию материала, используемого в оружии.

Руководящими принципами ядерного экспорта в неядерные государства являются следующие:

- наличие официальных правительственных заверений со стороны получателя, ясно исключающих использование получаемых изделий для создания ядерных взрывных устройств;
- обеспечение предметов экспорта мерами физической защиты для предотвращения их хищения, использования не по назначению и т. п.;
- реэкспорт возможен при наличии заверений со стороны получателя, что получатель реэкспорта предоставит те же заверения, какие поставщик требует при первоначальной поставке, дополнительно также требуется согласие поставщика для любого такого реэкспорта;
- осуществление ядерного экспорта только при условии постановки всей ядерной деятельности государства под гарантии МАГАТЭ.

Комитет Цангера и Группа ядерных поставщиков, решая, по сути, одну и ту же задачу, успешно функционируют, дополняя друг друга в совершенствовании принципов контроля над ядерным экспортом. Однако обсуждается вопрос и о целесообразности иметь одновременно оба этих контролирующих органа. Некоторые страны счита-

¹⁶⁶ Руководящие принципы ядерного экспорта // Нераспространение ядерного оружия: сб. документов / сост. и автор. введения И. А. Ахтамзян; ред. И. А. Ахтамзян, А. В. Загорский, С. В. Картунов. М.: Международные отношения, 1993. С. 199–213.

ют, что проводимая в рамках этих органов работа практически не различается.

4.2.5. Физическая защита ядерных материалов

В отдельную группу можно выделить ряд международных договоренностей и инициатив, направленных на защиту ядерных материалов от попадания их к негосударственным субъектам. Такие инициативы стали особенно актуальными в последнее десятилетие в связи с угрозами попадания ядерных материалов, оружия и технологий в руки террористических организаций. Ведь террористические акты с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ и против ядерных объектов могут привести к катастрофическим последствиям для международного сообщества. Отметим некоторые основные из этих договоренностей.

Конвенция о физической защите ядерного материала. Конвенция вступила в силу 8 февраля 1987 года¹⁶⁷. В настоящее время ее участниками являются 116 государств. В 2005 году были приняты поправки к Конвенции, существенно расширяющие сферу ее действия¹⁶⁸.

Под действие Конвенции подпадают хранение, использование и перевозка ядерных материалов внутри стран-участниц, меры по защите ядерных материалов и ядерных установок от их использования не по назначению.

Резолюция Совета Безопасности ООН 1540. Резолюция 1540 СБ ООН от 28 апреля 2004 года (принята при соавторстве России) — юридически обязывающее решение Совета Безопасности по нераспространению. Резолюция принята на основании положений главы VII Устава ООН, что делает ее обязательной для выполнения всеми государствами ООН и разрешает применение всех необходимых средств для обеспечения соблюдения ее требований.

¹⁶⁷ Конвенция о физической защите ядерного материала // Нераспространение ядерного оружия: сб. документов / сост. и автор. введения И. А. Ахтамзян; ред. И. А. Ахтамзян, А. В. Загорский, С. В. Коргунов. М.: Международные отношения, 1993. С. 184–199.

¹⁶⁸ О новой редакции Конвенции о физической защите ядерного материала: [25 июля 2005 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/10aa6ac6e80702fc432569ea003612f0/432569d800226387c325703700450bf1!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012); Amendment to the Convention on the physical protection of nuclear materials: [July 8, 2005] // IAEA: International Atomic Energy Agency. URL: <http://ola.iaea.org/OLA/treaties/FullText.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

Основная цель резолюции — создать на национальном уровне эффективные барьеры, предотвращающие попадание ОМУ и средств его доставки в руки негосударственных субъектов, в особенности террористов, обеспечив скоординированное противодействие «черным рынкам» ОМУ-материалов. Она содержит перечень комплексных мер, которые должны быть осуществлены всеми государствами — членами ООН по укреплению своей законодательной базы и правоприменительной практики в целях эффективного противодействия распространения ОМУ и средств его доставки¹⁶⁹.

Резолюция, в частности, требует от государств¹⁷⁰:

– воздерживаться от предоставления в любой форме поддержки негосударственным субъектам в разработке, приобретении, производстве, передаче ОМУ и средств его доставки, ввести на национальном уровне запрет на осуществление такой деятельности негосударственными субъектами, в том числе в форме оказания содействия;

– обеспечить на национальном уровне осуществление эффективных мер учета, физической защиты и сохранности предметов, имеющих отношение к ОМУ и средствам доставки, при их производстве, использовании, хранении или транспортировке, а также пограничного контроля и правоприменительных мер в целях выявления, пресечения, предотвращения и противодействия незаконному обороту и посредничеству в отношении таких предметов;

– обеспечить контроль на национальном уровне над экспортом, реэкспортом, трансграничным перемещением таких средств, за предоставлением средств и услуг, относящихся к такому экспорту и трансграничному перемещению, а также за их конечным использованием.

Резолюция также нацеливает на координацию усилий в сфере предотвращения незаконного оборота ОМУ и средств доставки на региональном и международном уровнях, включая предоставление содействия нуждающимся государствам со стороны тех стран, которые располагают соответствующими возможностями. Осуществление этих мер, как это отражено в документе, не должно

¹⁶⁹ Вопросы резолюции СБ ООН 1540 (справка): [4 июня 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/10aa6ac6e80702fc432569ea003612f0/0c25ca905a4e61a244257a130020e976!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁷⁰ Резолюция 1540: [принята Советом Безопасности на его 4956-м заседании 28 апреля 2004 г.] // 1540 Committee. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/328/45/PDF/N0432845.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

препятствовать научно-техническому сотрудничеству в мирных целях.

В целях реализации резолюции создан вспомогательный орган СБ ООН — Комитет 1540.

Инициатива по безопасности в борьбе с распространением ОМУ (ИБОР). Объявлена Президентом США Дж. Бушем-мл. 31 мая 2003 года. Ее суть — создание механизма для выявления и пресечения незаконных международных перевозок ОМУ, средств доставки и связанных с ними материалов. ИБОР не имеет структурно-организационного оформления.

Основополагающими документами ИБОР являются «Заявление о принципах перехвата», принятое в Париже в сентябре 2003 года¹⁷¹, и дополняющие его решения Лондонской (октябрь 2003 года) и Краковской (май–июнь 2004 года) встреч.

В них определены меры по перехвату незаконных поставок ОМУ, средств его доставки и относящихся к ним материалов. Заявлено, что деятельность ИБОР осуществляется в соответствии с нормами международного права и национальным законодательством стран-участниц.

ИБОР открыта для всех стран. Для присоединения достаточно публичного признания «Заявления о принципах перехвата» и проявления готовности вносить практический вклад в его реализацию. Всего о поддержке целей и принципов Инициативы заявили более 90 государств.

В рамках ИБОР принят Модельный (типовой) национальный план мероприятий, служащий ориентиром для разработки отдельными странами собственных организационных и иных мер на случай осуществления действий, предусмотренных ИБОР¹⁷².

Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 апреля 2005 года¹⁷³. Открыта для подписания 14 сентября

¹⁷¹ Proliferation Security Initiative: statement on interdiction principles: [Washington, September 4, 2003] // U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/t/isn/c27726.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁷² Участие России в Инициативе по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР) ОМУ (справочная информация): [22 февраля 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/8329e2a2d0f85bdd43256a1700419682/2cb437441e4cb3e3c32575cb002a526b!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁷³ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма: [принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

2005 года. Конвенция разработана на основе проекта, внесенного Россией еще в 1997 году.

Конвенция нацелена на пресечение терактов с использованием ядерных устройств. Согласно Конвенции преступлением является незаконное и умышленное владение радиоактивным материалом или устройством с намерением причинить смерть или серьезные увечья, нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде, а также вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него¹⁷⁴.

Глобальная инициатива по борьбе с актами ядерного терроризма. Провозглашена 15 июля 2006 года в Санкт-Петербурге президентами России и США¹⁷⁵. В Инициативе, которая сегодня приобретает глобальное измерение, на сегодняшний день участвуют 82 государства, включая все государства «ядерной пятерки», а также Индию, Пакистан и Израиль. Кроме того, к общей работе в качестве наблюдателей подключились 4 организации: МАГАТЭ, ЕС, Интерпол, Управление ООН по наркотикам и преступности.

Основные направления, по которым реализуется Инициатива:

- обеспечение неотвратимости наказания террористов и укрепление в этих целях соответствующих законодательств;
- совершенствование систем учета, контроля и физзащиты ядерных материалов и объектов, а также возможностей по обнаружению и предотвращению незаконного оборота таких материалов;
- развитие сотрудничества в разработке технических средств для противодействия ядерному терроризму и в случае необходимости для реагирования и ликвидации последствий актов ядерного терроризма¹⁷⁶.

Основополагающие документы Инициативы — Заявление о принципах и Положения по реализации и оценке.

¹⁷⁴ Против ядерного терроризма: [Астана, 17 сентября 2005 г.] // Вести: Россия–Узбекистан. URL: <http://www.vesti.uz/bandas//article/3922> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁷⁵ Совместное заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша о Глобальной инициативе по борьбе с актами ядерного терроризма: [Санкт-Петербург, 15 июля 2006 г.] // G8: Summit 2006. URL: <http://g8russia.ru/docs/5.html> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁷⁶ Глобальная инициатива по борьбе с актами ядерного терроризма: [7 июня 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/9fee8f48902e30b7c32575d90042e90b/66c647833cd888ce44257a16003e5eb7!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

В рамках Инициативы ведется практическая работа по созданию основы глобальной контртеррористической инфраструктуры в ядерной области. Инициатива открыта для присоединения всех государств, которые разделяют ее общие цели и привержены борьбе с ядерным терроризмом.

План МАГАТЭ по защите от ядерного терроризма. План реализуется с 2002 года и предусматривает конкретные меры по таким направлениям, как усиление национальных систем физической защиты, учет и контроль ядерных материалов, противодействие незаконному обороту ядерных материалов.

Одним из направлений в рамках этого Плана является реализация Программы по формированию и ведению базы данных по незаконному обороту ядерных материалов. База данных, имеющая конфиденциальный характер, содержит информацию о случаях незаконного оборота ядерных материалов и радиоактивных веществ. Программа осуществляется с 1996 года, в ней в настоящее время участвуют 82 страны¹⁷⁷.

4.2.6. Внутреннее законодательство стран – участниц ДНЯО

Неотъемлемой частью режима ядерного нераспространения является также связанное с ним внутреннее законодательство каждой страны-участницы. Для государств-членов, располагающих высокоразвитой ядерной промышленностью, первостепенное значение имеют законодательство, касающееся учета и контроля над расщепляющимися ядерными материалами и ЯВУ, и законодательство, которое регламентирует систему экспортного контроля, препятствующего нелегальному и контрабандному вывозу за рубеж подпадающих под запрет материалов, технологий и информации, которые могли бы быть использованы при создании ядерного оружия, а также государственная система физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов.

Важность совершенствования национальных законодательств очевидна. Эта мысль неоднократно звучала и на Обзорной конфе-

¹⁷⁷ Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации: [23 июня 2006 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: [http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsite.nsf/e7a9b495a2684bdd4325695f0041f5f7/0e61b271bd251411c325719d0034e1f9/\\$FILE/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.doc](http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsite.nsf/e7a9b495a2684bdd4325695f0041f5f7/0e61b271bd251411c325719d0034e1f9/$FILE/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.doc) (дата обращения: 22.07.2012).

ренции 2010 года по ДНЯО. В частности, ядерная «пятерка» в своем совместном Заявлении призвала «все государства принять все необходимые меры на национальном уровне в соответствии с политикой их государственных органов власти и законодательством и в соответствии с международным правом для предотвращения финансирования распространения и поставок ядерных материалов, укрепления экспортного контроля, надежного хранения чувствительных материалов и контроля за неосязаемыми передачами технологий»¹⁷⁸.

О необходимости разработки эффективной системы контроля за обращением ОМУ-материалов, в том числе ядерных, недвусмысленно прописано в резолюции СБ ООН 1540. Причем Комитет 1540 скрупулезно оценивает ситуацию во всех странах, регулярно информируя государства ООН о прогрессе в деле укрепления «страховочной сетки» нераспространения.

4.3. Современные проблемы международно-правового режима ядерного нераспространения

Поиск возможных путей укрепления режима ядерного нераспространения требует анализа сложного комплекса проблем и значительного числа факторов, оказывающих прямое воздействие на этот режим.

В наиболее концентрированном виде проблемы режима ядерного нераспространения проявляются на проводящихся каждые пять лет конференциях по рассмотрению действия ДНЯО. Последняя такая конференция состоялась в 2010 году, где был принят компромиссный План действий, нацеленный на повышение эффективности реализации всех составляющих Договора: разоружение, нераспространение и мирное использование ядерной энергии¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Заявление Китайской Народной Республики, Франции, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки на Обзорной конференции 2010 г. Договора о нераспространении ядерного оружия: [6 мая 2010 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/10aa6ac6e80702fc432569ea003612f0/432569d800226387c325771b004aa53f!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁷⁹ Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора: заключительный документ: [Т. 1–3. Нью-Йорк, 2010] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/>

Вопросы, находящиеся в центре внимания конференций, отражают наиболее насущные проблемы международно-правового режима нераспространения ядерного оружия. Среди них следует выделить следующие:

- универсальность ДНЯО;
 - вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний;
 - сокращение ядерных вооружений странами, обладающими ядерным оружием;
 - гарантии безопасности неядерным государствам;
 - создание новых зон, свободных от ядерного оружия;
 - запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия;
 - укрепление нераспространенческих механизмов;
 - мирное использование ядерной энергии.
- Рассмотрим кратко каждый из этих проблемных вопросов.

4.3.1. Универсальность ДНЯО

Одной из приоритетных при рассмотрении выполнения ДНЯО является проблема придания Договору универсального характера, то есть достижения такой ситуации, когда участниками ДНЯО стали бы все страны мира.

На сегодняшний день вне Договора остаются Израиль, Индия, Пакистан. В 2003 году о выходе из ДНЯО объявила Северная Корея, однако многие государства исходят из того, что такой выход был оформлен неверно с юридической точки зрения. Поэтому Секретариат ООН продолжает рассматривать КНДР как участника ДНЯО.

Израиль связывает свое присоединение к ДНЯО с общим урегулированием кризиса на Ближнем Востоке.

Индия и Пакистан рассматривают возможность своего присоединения к ДНЯО исключительно в качестве государств, обладающих ядерным оружием¹⁸⁰.

Если бы Индия и Пакистан согласились присоединиться к ДНЯО в качестве безъядерных государств, то им пришлось бы ликвидиро-

GEN/N10/451/53/PDF/N1045153.pdf?OpenElement; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/574/85/PDF/N1057485.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁸⁰ В Нью-Йорке приближается к завершению Конференция участников Договора о нераспространении ядерного оружия: [Нью-Йорк, 27 мая 2010 г.] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/printnews.asp?newsID=13654> (дата обращения: 22.07.2012).

вать все свое ядерное оружие и инфраструктуру для его создания. В настоящее время это маловероятно, так как все это создавалось десятилетиями с огромными финансовыми затратами и техническими трудностями как «минимальные национальные ядерные силы сдерживания».

Обе страны в соответствии с положениями ДНЯО не могут быть признаны официальными ядерными государствами без изменения положений Договора (статья IX, пункт 3), что представляется практически нереализуемой задачей, так как означало бы поощрение нарушителей ДНЯО.

Таким образом, образовавшийся тупик в решении этой проблемы отодвигает возможность достижения универсализации Договора на неопределенное время.

4.3.2. Вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний

Серьезные трудности стоят на пути введения в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Дело в том, что по условиям ДВЗЯИ для вступления в силу требуются его подписание и ратификация всеми 44 государствами, которые обладают ядерным потенциалом (имеют энергетические или исследовательские ядерные реакторы).

Из этого числа в настоящее время ДВЗЯИ ратифицировали 36 государств, включая три государства, обладающие ядерным оружием, — Россия, Великобритания и Франция. На пленарном заседании КР 31 января 2012 года Россия приветствовала недавнюю ратификацию Договора Индонезией. Из оставшихся 8 стран ДВЗЯИ не подписали 3 государства — Индия, КНДР и Пакистан; подписали, но не ратифицировали 5 государств — США, Китай, Египет, Израиль и Иран.

Особо важна для перспектив вступления ДВЗЯИ в силу позиция США. Администрация У. Клинтона поддерживала этот Договор и подписала его. Однако в ходе рассмотрения вопроса о ратификации ДВЗЯИ и голосования в Сенате Конгресса США в 1999 году Договор не получил необходимых двух третей голосов. Формальным основанием для отклонения ДВЗЯИ Сенатом США послужило якобы несовершенство мер контроля, которые не позволяли надежно удостовериться, что другие страны не проводят испытаний.

Администрация Дж. Буша-мл. занимала негативную позицию в отношении ратификации ДВЗЯИ, ограничившись подтверждением

намерения США соблюдать объявленный в 1992 году мораторий на ядерные испытания.

Администрация Б. Обамы неоднократно подтверждала намерение в ближайшее время запустить процесс ратификации ДВЗЯИ. В то же время периодически появляются сообщения о планах Соединенных Штатов по разработке нового поколения ядерных боезарядов, которые могут потребовать проведения новой серии ядерных испытаний. Тем не менее даже в высказываниях умеренных республиканцев все чаще слышатся слова в поддержку верификационного механизма ДВЗЯИ и что мораторий США на ядерные испытания не может длиться вечно, притом что выход из него негативно бы сказался на геополитических интересах самого Вашингтона.

Очевидно, что в год президентских выборов Вашингтон не предпримет практических шагов по ратификации ДВЗЯИ. В то же время можно с большой долей вероятности прогнозировать, что в случае победы Б. Обамы на ноябрьских 2012 г. президентских выборах его администрация попытается реализовать свое намерение ратифицировать Договор.

Руководство Китая действует в отношении ДВЗЯИ во многом с оглядкой на американцев. Кроме того, Пекин по-прежнему учитывает баланс сил в регионе, в первую очередь ядерные амбиции Индии (чей ядерный потенциал вызывает в Китае серьезное беспокойство) и Пакистана. Проведенная в свое время практическая работа по подготовке к ратификации Договора остается замороженной, индикатором чего является отсутствие прогресса со вводом в строй китайских объектов (12) международной системы мониторинга по ДВЗЯИ.

Причем на официальном уровне Китай выступает за скорейшее вступление Договора в силу, всячески подчеркивая, что страна строго соблюдает свой мораторий на проведение ядерных испытаний. Эта линия зафиксирована в «Белой книге» КНР по вопросам оборонной политики, изданной в Пекине в 2010 г.¹⁸¹

Индия по-прежнему настороженно относится к присоединению к ДВЗЯИ. Основной посыл — внушающая опасение обстановка в регионе Южной Азии и официальное непризнание ядерного статуса страны. Вместе с тем индийцы понимают, что в случае ратификации Договора США и КНР давление на Дели возрастет, и участие в ДВЗЯИ станет важным условием для доступа Индии к ядерным материалам и технологиям.

¹⁸¹ China's National Defense in 2010: [Information Office of the State Council, Beijing, March 2011] // Xinhua. 2011. 31 March.

Пакистан публично демонстрирует большую лояльность по отношению к Договору. Он участвует в работе (в качестве наблюдателя) ПК ОДВЗЯИ и ее рабочих органов по созданию верификационного механизма Договора. В то же время пакистанцы заявляют, что подписание ДВЗЯИ возможно, но только на условиях взаимности с Индией и после признания Пакистана мировым сообществом де-юре ядерной державой.

Сложная ситуация с точки зрения перспектив введения в силу ДВЗЯИ по-прежнему складывается на Ближнем Востоке, где трем ключевым странам — Египту, Израилю и Ирану — непросто найти точки соприкосновения. Можно предположить, что в ближайшей перспективе эти государства не присоединятся к ДВЗЯИ. С учетом нынешней ситуации в регионе прогнозировать, когда Договор может реально оказаться во главе угла политической повестки дня этих стран, достаточно сложно. Вот почему пусть и небольшим позитивом в контексте перспектив ратификации этими странами Договора мог бы стать любой успех планируемой Конференции по ЗСОМУ.

Позицию КНДР по ДВЗЯИ, имея в виду непредсказуемость нынешнего политического режима в Пхеньяне, трудно предугадать. Как представляется, было бы оправданно включить проблематику ДВЗЯИ в шестисторонние переговоры по решению ядерной проблемы КНДР. Может быть, успех на этих переговорах подтолкнет к смягчению позиции этой страны по Договору.

Таким образом, неопределенность вокруг ДВЗЯИ может сохраняться и далее в течение длительного времени. Важным позитивным стимулом могла бы стать ратификация США и КНР этого Договора, что создало бы новую ситуацию в контексте введения ДВЗЯИ в силу.

4.3.3. Сокращение ядерных вооружений

Статья VI ДНЯО обязывает его участников «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»¹⁸².

¹⁸² Договор о нераспространении ядерного оружия: [одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

До сих пор переговоры по ядерному разоружению велись только между двумя ведущими ядерными державами — СССР (Россией) и США. Они начались практически сразу после одобрения ДНЯО и продолжаются до настоящего времени. Результатом стало подписание целого ряда двусторонних соглашений по ограничению стратегических ядерных вооружений.

Более подробно эти проблемы изложены в первой главе монографии. Поэтому здесь можно ограничиться лишь замечаниями общего порядка.

Говоря о шагах в области ядерного разоружения, необходимо признать, что требования статьи VI ДНЯО не помешали ядерным державам в 1970-е годы вести интенсивную количественную, а затем качественную гонку вооружений. Но в дальнейшем система договоров по СНВ затормозила и приостановила такую гонку вооружений.

Справедливости ради следует отметить, что, поскольку мир был разделен на два противоположных лагеря и лидер каждого из них гарантировал защиту своим союзникам и подопечным, эта гонка не провоцировала стремления других стран к обладанию ядерным оружием. Напротив, все большее число стран не без давления со стороны СССР и США становилось участниками ДНЯО в качестве государств, не обладающих ядерным оружием¹⁸³.

Несмотря на определенные успехи ядерного разоружения ведущих ядерных государств в рамках ДНЯО, Россия и США, как и другие ядерные государства, являются объектом постоянной критики.

Неядерные государства — участники ДНЯО традиционно обвиняют ядерные государства в невыполнении статьи VI о ядерном разоружении и ставят возможность дальнейшего существования Договора в зависимость от прогресса в этом направлении.

Со стороны наиболее активной группы государств, входящих в «Коалицию за новую повестку дня», — Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция — на первый план при рассмотрении действия ДНЯО выдвигаются именно вопросы, относящиеся к выполнению статьи VI Договора. Эти страны наиболее важным для обеспечения нераспространения считают «поступательное продвижение в области ядерного разоружения и постепенное ни-

¹⁸³ К позиции Украины на Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия: [ДФ НИСИ, март 2000 г.] / М. Будник [и др.]; под ред. А. Шевцова // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <http://www.db.niss.gov.ua/cgi-bin/bsdcc.pl?55> (дата обращения: 22.07.2012).

велирование уровня между теми, кто обладает ядерным оружием, и теми, кто им не располагает».

В качестве конечной цели ДНЯО определено всеобщее и полное ядерное разоружение. Исходя из этого положения некоторые страны, не обладающие ядерным оружием, предлагают разработать жесткий временной график ядерного разоружения ядерных государств. Однако эти предложения не находят поддержки у ядерных держав. Тем не менее эти требования продолжают оставаться стрелковым моментом в позиции стран ДН.

Ядерные страны лишь периодически «отчитываются» о том, что было достигнуто в области ограничения и сокращения ядерного оружия. Однако дискуссии о том, чтобы сделать такие отчеты «регулярными и формализованными» продолжаются десятилетиями. Неоднократные просьбы ядерных держав пояснить конкретно, что не устраивает неядерные государства в национальных отчетах (готовятся к каждой обзорной конференции по ДНЯО, т. е. один раз в пять лет) ядерной «пятерки», остаются без ответа. Складывается впечатление, что подобное требование, особенно от радикалов из ДН (Египет, Иран, Мексика и др.) носит в основном запросный, пропагандистский, но в большей степени популистский характер.

По всей видимости, требования в отношении ускорения движения ведущих ядерных стран в направлении ядерного разоружения и вовлечения в него всех ядерных государств, в том числе и неофициально признаваемых, в ближайшие годы будут возрастать.

Помимо сокращения стратегических вооружений все большее внимание в рамках ДНЯО обращают и на вопросы сокращения нестратегического ядерного оружия. НСЯО впервые было выделено неядерными странами в качестве важной части проблемы разоружения на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 года. Тогда вопрос о сокращении такого оружия был включен в число «тринадцати шагов» по ядерному разоружению, одобренных на основе консенсуса в Заключительном документе Конференции 2000 года.

Россия и США в тот период действовали достаточно скоординированно и сдержанно отнеслись к требованиям неядерных стран принять меры в отношении НСЯО. Представители обеих стран подчеркивали, что эти требования недостаточно точно и реалистично отражают действительную картину в рассматриваемой области и недооценивают как меры, предпринимаемые в области сокращения нестратегических ядерных вооружений, так и объективные трудности, которые осложняют достижение быстрых и радикальных результатов.

Однако обсуждение этой проблемы показывает, что вопросы ограничения и сокращения НСЯО, требования к России и США пред-

принять более радикальные шаги в этом направлении займут в ближайшие годы одно из центральных мест в повестке дня рассмотрения ДНЯО. Наиболее активными сторонниками этой идеи стали Германия, Польша, Швеция и ряд других восточноевропейских стран. Более подробно ситуация с НСЯО проанализирована в первой главе монографии.

Хотелось бы напомнить, что конечной целью ДНЯО является полная ликвидация и отказ от ядерного оружия. Однако вряд ли реалистично достижение этой цели в обозримом будущем.

Несмотря на то что роль ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности в каждой из ядерных стран различна и претерпевает постоянные изменения, она продолжает оставаться преобладающей, а в случае России — едва ли не важнейшей. Именно благодаря обладанию ядерным потенциалом Россия сохраняет за собой статус великой державы.

Вопросы обеспечения национальной безопасности в современных условиях, на которые воздействует изменение характера самих угроз, не позволяют в полной мере говорить о снижении роли военной силы и ядерного оружия в частности. Поэтому вряд ли в истории человечества скоро наступит такой период, когда фактор силы перестанет играть первостепенную роль в отношениях между государствами. С этой точки зрения перспективы решения основных разоруженческих задач, обозначенных последними конференциями ДНЯО, представляются маловероятными.

Еще один аспект проблемы. Как представляется, было бы неправильно утверждать, что обязательства по ядерному разоружению относятся лишь к ядерным державам. Все статьи Договора, включая статью VI, касаются прав и обязательств каждого участника ДНЯО. В этом контексте абсолютно справедлив тезис из Заявления ядерных держав на Обзорной конференции 2010 года по Договору: «Все другие государства (неядерные. — *Примеч. автора*) должны внести свой вклад в достижение этих целей разоружения путем создания необходимой среды безопасности, урегулирования региональной напряженности, содействия коллективной безопасности и достижения прогресса во всех областях разоружения»¹⁸⁴.

Комплексная задача решения проблемы ядерного разоружения, состоящая из постепенного сокращения стратегического, а затем и

¹⁸⁴ Цит. по: Пятерка ядерных государств призывает Иран выполнить требования Совета Безопасности: [Нью-Йорк, 6 мая 2010 г.] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/printnews.asp?newsID=13529> (дата обращения: 22.07.2012).

нестратегического ядерного оружия, вовлечения в этот процесс всех ядерных стран, будет оказывать влияние на международную безопасность еще в течение длительного периода времени. В этом отношении судьба ДНЯО представляется весьма далекой от прогнозирования безоблачного безъядерного будущего.

И хотя до полного уничтожения ядерного оружия еще очень далеко, мировому сообществу следует решать возникающие на этом пути проблемы. Это касается финансирования проведения работ по утилизации ядерных материалов, высвобождающихся при сокращении боезарядов, способов их хранения и др. На первом же месте должно стоять поддержание стратегической стабильности в мире. Только обеспечив необходимый уровень стабильности, можно говорить о перспективе полной ликвидации ядерного оружия¹⁸⁵.

4.3.4. Гарантии безопасности неядерным государствам

Требование со стороны государств, не обладающих ядерным оружием, о предоставлении им юридически обязывающих гарантий о неприменении против них ядерного оружия постоянно выдвигается ядерным государствам. Этот вопрос остро обсуждается в рамках ДНЯО.

Как представляется, независимость, территориальная целостность и суверенитет государств, не обладающих ядерным оружием, должны быть надежно гарантированы от применения или угрозы применения ядерного оружия. Предоставление и реализация гарантий безопасности неядерным государствам – членам ДНЯО необходимо рассматривать в качестве одного из важнейших инструментов решения задачи укрепления режима этого Договора.

Эффективность гарантий безопасности напрямую влияет на ситуацию в области ядерного нераспространения. Кроме того, их введение и реализация способствуют повышению универсальности Договора. Не случайно вопрос о гарантиях безопасности был одним из центральных при принятии в 1995 году решения о бессрочном продлении ДНЯО.

Еще в ходе выработки этого Договора возникла проблема: как обеспечить тем странам, которые отказываются от обладания ядерным оружием или не имеют возможности создать его, необходимую без-

¹⁸⁵ К позиции Украины на Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия: [ДФ НИСИ, март 2000 г.] / М. Будник [и др.]; под ред. А. Шевцова // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <http://www.db.niss.gov.ua/cgi-bin/bsdcc.pl?55> (дата обращения: 22.07.2012).

опасность от применения или угрозы применения против них ядерного оружия со стороны тех государств, которые им располагают? Неядерные государства также заботил вопрос о том, придут ли им на помощь, если кто-либо на них нападет или будет угрожать ядерным нападением. Первый вид гарантий безопасности — гарантии неприменения ядерного оружия — получил название «негативных», второй — гарантии помощи — «позитивных».

Из-за позиции ядерных государств, стремившихся сохранить «свободу» в применении ядерного оружия, вопрос о гарантиях не был включен в ДНЯО.

В то же время в 1968 году неядерные государства получили «позитивные гарантии» в рамках резолюции 255 СБ ООН. Эта резолюция была принята почти одновременно с одобрением ДНЯО Генеральной Ассамблеей ООН. Инициатива решения вопроса о «позитивных гарантиях» исходила от Советского Союза.

В резолюции говорилось, что Совет Безопасности ООН «признает, что агрессия с применением ядерного оружия или угроза такой агрессии против государства, не обладающего ядерным оружием, создала бы обстановку, в которой Совет Безопасности, и прежде всего его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, должны были бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу ООН»¹⁸⁶. Одновременно СССР, США и Великобритания сделали заявления о том, что они будут действовать через Совет Безопасности с тем, чтобы предпринять меры, необходимые для отражения агрессии с применением ядерного оружия или устранения угрозы агрессии.

Однако многие неядерные государства усматривали в этом обязательстве ряд недостатков — это лишь намерение трех ядерных держав прийти на помощь, сама же помощь должна быть еще одобрена всеми постоянными членами СБ ООН. Поэтому неядерные государства выступали за то, чтобы все ядерные страны взяли на себя обязательство не применять против них ядерное оружие, т. е. дали «негативные» гарантии.

Советский Союз с пониманием отнесся к стремлению неядерных государств получить международно-правовые гарантии неприменения против них ядерного оружия и в 1978 году выступил с заявлением, что никогда не применит ядерное оружие против тех стран, которые отказываются от его производства и приобретения и не имеют его на своей территории. Вслед за СССР с подобными заявлениями

¹⁸⁶ Резолюция Совета Безопасности ООН 255: [19 июня 1968 г.] // ПИР-Центр. URL: <http://www.pircenter.org/WebHelp/dss/sboon255.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

выступили и другие ядерные государства, но с различными оговорками. В 1978 году Советский Союз предложил заключить международную конвенцию об укреплении гарантий безопасности неядерным государствам. Последующее многолетнее обсуждение этой проблемы результата не имело.

В 1982 году на второй специальной сессии ГА ООН по разоружению СССР в одностороннем порядке взял на себя обязательство не применять первым ядерное оружие. Если бы и другие ядерные державы приняли на себя аналогичное обязательство, то это было бы на практике равносильно запрещению применения ядерного оружия вообще, в результате чего была бы обеспечена безопасность всех государств, в том числе и неядерных. Однако инициатива СССР поддержки со стороны западных ядерных государств не получила.

В дальнейшем под давлением неядерных государств СБ ООН в 1995 году принял новую резолюцию 984 о гарантиях безопасности неядерным государствам – членам ДНЯО, в которой были усилены положения о «позитивных» гарантиях. В резолюции заявлено, что «в случае агрессии с применением ядерного оружия или угрозы такой агрессии против не обладающего ядерным оружием государства – участника ДНЯО любое государство может немедленно довести данный вопрос до сведения СБ ООН с тем, чтобы Совет мог принять срочные меры для оказания помощи в соответствии с Уставом государству, которое является жертвой акта агрессии или объектом угрозы такой агрессии»¹⁸⁷. В резолюции заявляется также, что «государства – постоянные члены СБ ООН, обладающие ядерным оружием, немедленно доведут данный вопрос до сведения Совета и будут побуждать Совет принять меры для оказания, в соответствии с Уставом, необходимой помощи государству, ставшему жертвой агрессии»¹⁸⁸.

Что касается «негативных» гарантий, то в этой резолюции СБ ООН ограничился принятием к сведению односторонних заявлений по таким гарантиям, сделанных ядерными государствами. Однако в этих односторонних заявлениях «негативные» гарантии предоставляются с оговорками (за исключением Китая).

В частности, заявление, сделанное Россией, звучит следующим образом: «Россия не применит ядерное оружие против государств – участников ДНЯО, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на РФ, ее терри-

¹⁸⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН 984: [принята Советом Безопасности на его 3514-м заседании, 11 апреля 1995 г.] // Организация Объединенных Наций: Совет Безопасности. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1995/res984.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁸⁸ Там же.

торию, ее вооруженные силы или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием»¹⁸⁹.

Такая ситуация до конца не устраивает неядерные государства. По мнению неядерных государств, «негативные» гарантии безопасности против применения или угрозы применения ядерного оружия должны быть выражены в форме юридически обязывающего документа, в котором отсутствовали бы какие-либо оговорки. Такие гарантии, как постоянно подчеркивают представители стран ДН на различных нераспространенческих форумах, должны носить безусловный и глобальный характер.

Как представляется, вопрос предоставления «негативных» гарантий в форме юридически обязывающего документа для всех участников ДНЯО без каких-либо оговорок не будет решен в обозримом будущем. Очевидно, что такой документ в случае его одобрения существенно ограничит свободу действий ядерным державам. О возможности применения ядерного оружия в условиях, когда безопасность и территориальная целостность России не может быть обеспечена только применением обычных средств, говорится и в российских военно-доктринальных документах.

Необходимо отметить, что обязательствам ядерных государств по «негативным» гарантиям уже придан юридический характер посредством соответствующих протоколов к договорам о создании зон, свободных от ядерного оружия. Протоколы к договорам Тлателолко, Раротонга и Пелиндаба Россия, например, подписала и ратифицировала.

Россия, США и Великобритания также предоставили гарантии безопасности Украине, Белоруссии и Казахстану в связи с отказом этих государств от ядерного оружия (так называемый Будапештский меморандум). С учетом вступления в силу нового ДСНВ Будапештский меморандум для указанных трех государств продолжает сохранять юридическую силу. Таким образом, на настоящий момент более 100 государств имеют от ядерных держав юридически обязывающие гарантии безопасности.

Примечательно, что ядерные державы имеют различные позиции в отношении перспектив заключения юридически обязывающего соглашения или протокола к ДНЯО. Китай готов пойти на предостав-

¹⁸⁹ Цит. по: Россия нападать не будет // Коммерсантъ. 1995. 13 апреля № 67(785).

ление безусловных гарантий безопасности, т. е. таких, на которых настаивают страны ДН. США, Франция и Великобритания категорически против глобального соглашения (протокола) по гарантиям. Россия готова поддержать проект юридически обязывающего соглашения, но с оговорками в отношении тех случаев, когда наша страна может применять ядерное оружие.

Тем не менее, несмотря на складывающуюся ситуацию, вопрос о предоставлении «негативных» гарантий в виде юридически обязывающего документа всем участникам ДНЯО обсуждается на конференциях по выполнению ДНЯО. Эта проблема будет и дальше одной из острейших в контексте совершенствования возможных мер по укреплению Договора.

4.3.5. Создание новых зон, свободных от ядерного оружия

Одним из направлений ограничения распространения ядерного оружия является создание зон, свободных от ядерного оружия. Право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях декларируется статьей VII ДНЯО. На Обзорной конференции 2010 года по ДНЯО было подтверждено, что ЗСЯО внесли и продолжают вносить важный вклад в укрепление международного режима ядерного нераспространения во всех его аспектах и в достижение конечной цели всеобщего и полного разоружения при эффективном международном контроле.

В настоящее время подписано пять международных соглашений о создании зон, свободных от ядерного оружия, в различных регионах мира – в Латинской Америке, южной части Тихого океана, Юго-Восточной Азии, Африке, Центральной Азии.

Наряду с уже существующими зонами на разных уровнях рассматриваются вопросы по созданию новых зон, свободных от ядерного оружия, – на Ближнем Востоке, Центральной и Восточной Европе, на Корейском полуострове, в Южном полушарии, в Северо-Восточной Азии, в Южной Азии. Примечательны позитивные шаги на этом направлении. В марте 2011 года Россия ратифицировала протокол к Договору о безъядерной зоне в Африке (Договор Пелиндаба). Вызывает удовлетворение завершение переговоров между странами ядерной «пятерки» и АСЕАН по протоколу к Договору о ЗСЯО в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор).

Предложение о создании ЗСЯО на Ближнем Востоке было выдвинуто Египтом и Ираном еще в 1974 году. Тогда по инициативе этих стран Генеральная Ассамблея ООН впервые приняла резолюцию

«Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в регионе Ближнего Востока»¹⁹⁰. С тех пор такие резолюции принимались регулярно.

Очевидно, что на пути к созданию такой зоны на Ближнем Востоке немало препятствий, среди которых отказ Израиля присоединиться к ДНЯО и наличие у него военной ядерной программы, взрывоопасная ситуация и существенные военные потенциалы в государствах региона, неопределенность географических очертаний возможной зоны¹⁹¹.

Ядерная проблема Израиля и создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке неизменно занимают одно из центральных мест в работе конференций по рассмотрению действия ДНЯО.

В 1995 году Конференция по ДНЯО приняла специальную резолюцию по Ближнему Востоку, в которой призвала все страны региона предпринять практические шаги по достижению прогресса в создании на Ближнем Востоке эффективно контролируемой зоны, свободной от оружия массового уничтожения, — ядерного, химического и биологического — и средств его доставки¹⁹².

Здесь очевидны принципиальные отличия данного решения от прежних идей Египта и Ирана. Дело в том, что если эти страны по-прежнему считают первоочередной задачей создание только ЗСЯО, то большинство государств, с чем, кстати, были вынуждены согласиться уже упомянутые государства, делают акцент на формирование ЗСОМУ и средств его доставки.

Позиция России, как и других государств, понятна — мира и спокойствия в регионе можно добиться, лишь освободив его от всех видов ОМУ и средств доставки. Это значит, что одним из центральных шагов должно быть присоединение всех стран региона как минимум к ДНЯО, ДВЗЯИ, КЗХО и КБТО.

На последней Обзорной конференции 2010 года по ДНЯО впервые после принятия в 1995 году резолюции по Ближнему Востоку

¹⁹⁰ Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока: [принята резолюцией 3263 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1974 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/741/83/IMG/NR074183.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁹¹ Ахтамзян И. А. Зоны, свободные от ядерного оружия / Заочный университет нераспространения ОМУ ПИР–Центра // ПИР–Центр. URL: <http://www.pircenter.org/data/SS/Zones.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁹² Resolution on Middle East: [NPT/CONF.1995/32 (Part I), Annex] // UNODA: United Nations office for disarmament affairs. URL: http://www.un.org/disarmament/WMD/Nuclear/1995–NPT/pdf/Resolution_MiddleEast.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

удалось согласовать конкретные шаги, которые закладывают основу механизма по началу практической реализации создания ЗСОМУ в этом регионе¹⁹³. На 2012 год запланирован созыв конференции по содействию созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

Россия всегда играла активную роль в урегулировании ситуации на Ближнем Востоке, включая создание там ЗСОМУ. Не случайно за год до Обзорной конференции 2010 года по ДНЯО была выдвинута идея о выработке конкретных мер, реализация которых способствовала бы продвижению предложений по ЗСОМУ. Российскими дипломатами подчеркивалось, что достижение всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке будет способствовать среди прочего созданию ЗСОМУ в этом регионе. Равно как и наоборот — формирование ЗСОМУ позитивно скажется на мирном процессе. Главное — создание такой зоны не должно стать заложником мирного урегулирования. Эти процессы должны идти параллельно.

Необходимо также отметить, как это сказано в Заключительном документе Обзорной конференции по ДНЯО 2000 года, важность присоединения Израиля к ДНЯО и постановки всех его ядерных установок под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ.

Россия предложила предпринять ряд шагов исключительно добровольного характера всем странам региона для создания атмосферы доверия между ближневосточными государствами.

Среди возможных шагов один — особенный. Это наш призыв ко всем государствам региона присоединиться к ДВЗЯИ.

Необходимо также присоединение всех стран региона к КЗХО и КБТО. Без этого трудно представить возможность дальнейшего движения к зоне, свободной от ОМУ.

Наконец, с учетом того, что в мире существует достаточно мощностей по обогащению урана и нет необходимости создавать дополнительные обогатительные предприятия, Россия предложила подумать о добровольном обязательстве ближневосточных стран не создавать или не развивать мощности по обогащению урана и переработке отработанного ядерного топлива. При этом государствам региона можно было бы предложить в дополнение к рыночным механизмам

¹⁹³ Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора: заключительный документ: [Т. 1–3. Нью-Йорк, 2010] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/451/53/PDF/N1045153.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/574/85/PDF/N1057485.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

возможность воспользоваться создаваемыми международными многосторонними механизмами в области ядерного топливного цикла, которые обеспечивают дополнительные гарантии поставок ядерного топлива.

Разумеется, нельзя забывать о такой значимой, опять-таки добровольной мере, как Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях. Было бы важно, чтобы все страны региона присоединились к ДП.

Однако при всей своей правильности с точки зрения укрепления режима ядерного нераспространения российские идеи были встречены довольно прохладно арабскими странами, которые усмотрели в них ущемление своих прав по ДНЯО.

Надо признать, что в условиях регулярно обостряющегося положения на Ближнем Востоке создание ЗСОМУ пока имеет мало реальной перспективы. Это лишь подтверждает актуальность проведения в 2012 году конференции по этой проблематике. Успех данного мероприятия будет во многом зависеть от участия всех государств Ближнего Востока и настроения на конструктивный диалог. Разумеется, важна поддержка международным сообществом усилий заместителя министра иностранных дел Финляндии Йаако Лаайавы, который будет спецкоординатором конференции.

О необходимости создания ЗСЯО в Центральной и Восточной Европе заявлялось неоднократно. Идея создания такой зоны выдвигалась Советским Союзом еще в 1956 году, преследуя цель недопущения размещения американского ядерного оружия на подступах к границам стран Варшавского Договора. В 1957 году министр иностранных дел Польши Рапацкий выдвинул на Генеральной Ассамблее ООН предложение о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Европе, охватывающей территории ФРГ, ГДР, Польши и Чехословакии. Однако эти инициативы не нашли понимания у стран НАТО, поскольку они противоречили ядерной стратегии альянса¹⁹⁴.

В итоге в годы холодной войны территория Центральной и Восточной Европы стала местом размещения ядерного оружия — нестратегического ядерного оружия США (например, в ФРГ), американских и советских ракет средней дальности (ФРГ, ГДР, ЧССР).

После окончания холодной войны предложение создать безъядерный пояс государств в Европе от Балтийского до Черного моря было

¹⁹⁴ Бахадиров Б. Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия: проблемы и перспективы: [14 декабря 2010] // ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1292329020> (дата обращения: 22.07.2012).

выдвинуто Белоруссией. В дальнейшем было инициировано распространить зону на Скандинавию. Но в условиях дебатов в Центральной и Восточной Европе вокруг расширения НАТО интерес, поначалу проявленный к инициативе, был утрачен.

Развивая свою инициативу, Белоруссия выдвинула проект создания трехгрупповой ЗСЯО. Первая группа включала бы Белоруссию, Украину, Молдавию, Польшу, Венгрию, Чехию, Словакию, Латвию, Литву, Эстонию, Румынию и Болгарию. Обязательства этих государств были бы максимально приближены к положениям существующих договоров о ЗСЯО. Страны второй группы (Швеция, Финляндия, Австрия, республики бывшей Югославии и Албания) могли бы выборочно принять на себя те обязательства первой группы, которые соответствуют их интересам. Наконец, третья группа государств (Германия, Норвегия и Дания) могла бы способствовать созданию ЗСЯО в рамках своего законодательства и международных обязательств перед НАТО. Однако последующий прием в 1999 году в НАТО новых членов и позиция ряда стран – членов альянса, посчитавших идею Белоруссии «преждевременной», не позволили продвинуться в решении этого вопроса¹⁹⁵.

В принципе имеются все необходимые предпосылки для создания ЗСЯО в Центральной и Восточной Европе. Государства региона являются участниками ДНЯО в качестве государств, не обладающих ядерным оружием. Следует также учесть политические обязательства НАТО о том, что альянс не имеет намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеет необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидит необходимости делать это в будущем.

В то же время в НАТО считают вполне серьезной опасность распространения ядерного оружия, возможность того, что это оружие окажется в руках «нестабильных и диктаторских» режимов, прежде всего мусульманского мира, а также некоторых негосударственных структур и неофициальных лиц террористического толка.

Имеются и другие причины, указывающие на возможность создания ЗСЯО в Центральной и Восточной Европе. Не последней из них является то позитивное влияние, которое может оказать создание зоны на развитие региона и на общий процесс сокращения распространенности ядерного оружия. Этому может способствовать и

¹⁹⁵ Ахтамзян И. А. Зоны, свободные от ядерного оружия / Заочный университет нераспространения ОМУ ПИР–Центра // ПИР–Центр. URL: <http://www.pircenter.org/data/SS/Zones.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

усиливающееся стремление ряда стран Западной Европы избавиться от размещенного на их территории американского нестратегического ядерного оружия¹⁹⁶.

Конечно, создание ЗСЯО в Центральной и Восточной Европе будет налагать определенные ограничения на ядерную военную деятельность стран НАТО и России, и поэтому данный вопрос должен решаться в контексте обеспечения общей европейской безопасности.

В 1992 году была подписана Совместная декларация о провозглашении безъядерной зоной *Корейского полуострова*. В соответствии с этим документом Северная Корея и Южная Корея «не испытывают, не производят, не получают, не имеют, не хранят, не размещают и не применяют ядерное оружие», а также «не владеют установками для переработки ядерных материалов и обогащения урана»¹⁹⁷.

Однако в связи с ядерной программой КНДР практическая реализация документа остановилась. Перспективы скорой денуклеаризации Корейского полуострова представляются весьма сомнительными. Без предоставления убедительных гарантий безопасности Северная Корея не будет предпринимать реальных шагов по демонтажированию своей ядерной программы, возвращению в ДНЯО и распространению гарантий МАГАТЭ на свою ядерную деятельность. Говорить об отказе КНДР в ближайшей перспективе от уже имеющихся в стране ядерных взрывных устройств без урегулирования американо-северокорейских отношений и создания в регионе системы безопасности вряд ли возможно.

Географическое распространение зон, свободных от ядерного оружия, в Южном полушарии Земли (Латинская Америка, Южная часть Тихого океана, Юго-Восточная Азия, Африка) побудило развивающиеся страны вынести на обсуждение в ООН вопрос о провозглашении ЗСЯО всего Южного полушария. Соответствующая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН была принята в 1996 году.

В целом следует констатировать, что практика создания и функционирования имеющихся ЗСЯО, как и попытки учредить новые

¹⁹⁶ К позиции Украины на Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия: [ДФ НИСИ, март 2000 г.] / М. Будник [и др.]; под ред. А. Шевцова // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <http://www.db.niss.gov.ua/cgi-bin/bsdcc.pl?55> (дата обращения: 22.07.2012).

¹⁹⁷ Совместная декларация о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной: [20 января 1992 г.] // Ядерное нераспространение: в 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 176.

ЗСЯО, демонстрируют высокую привлекательность этой формы укрепления безопасности государств, охватившей уже более половины стран мира. Исчезновение биполярности, в том числе ядерной, усилило внимание к угрозам регионального уровня, что заставляет многие государства мира искать новые решения. В этом смысле ЗСЯО становятся той формой коллективной безопасности, которая позволяет снизить опасные последствия неизбежной политической конкуренции в регионах¹⁹⁸.

Окончание холодной войны внесло существенные коррективы в подходы ядерных государств к ЗСЯО. Прежде их отношение к той или иной предлагаемой зоне определялось логикой глобального противостояния — стремлением предотвратить создание ЗСЯО в регионах, где планировалось содержать собственное ядерное оружие или, напротив, поощрять создание зоны с тем, чтобы в ней не смог разместить свое ядерное оружие противник. В настоящее время ядерные государства обращают больше внимания на роль ЗСЯО как элемента режима нераспространения ядерного оружия. Далеко не случайной представляется «волна» подписания протоколов ядерных государств к соглашениям по ЗСЯО, которая началась в конце 1980-х годов.

Конечно, противоречивые интересы отдельных государств и их групп остаются, как не устранимы и попытки внерегиональных держав использовать специфические черты конкретных зон для получения преимуществ. Однако позитив ЗСЯО очевиден, и поэтому можно ожидать дальнейшего расширения районов мира, в которых ядерное оружие будет запрещено.

Сохраняющиеся сомнения относительно создания новых зон зачастую связаны с незавершенностью перехода от условий холодной войны, как это имеет место в Европе, однако и там можно констатировать отсутствие фундаментальных, неразрешимых противоречий.

Безусловно, создание новых ЗСЯО потребует решения сложных политических вопросов в соответствующих регионах. В то же время уже само по себе наличие предложений о ЗСЯО помогает международному сообществу задумываться о способах урегулирования хотя бы части этих проблем и тем самым подталкивает к поиску наиболее приемлемых развязок.

¹⁹⁸ Ахтамзян И. А. Зоны, свободные от ядерного оружия / Заочный университет нераспространения ОМУ ПИР–Центра // ПИР–Центр. URL: <http://www.pircenter.org/data/SS/Zones.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

4.3.6. Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия

Проблема запрещения производства «оружейных» расщепляющихся материалов имеет многолетнюю историю. Впервые идею прекращения производства расщепляющихся материалов для военных целей в качестве важного шага в направлении ядерного разоружения выдвинул еще в 1954 году премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. В последующие годы к этому вопросу неоднократно возвращались, но каких-либо многосторонних договоров заключено так и не было¹⁹⁹.

Запрет на производство «оружейных» расщепляющихся материалов послужил бы едва ли не самой надежной гарантией против появления новых ядерных государств.

За многие годы ядерной гонки вооружений были накоплены сотни тонн расщепляющихся материалов оружейного качества, запасы которых не только удовлетворяли запросы ядерных держав, но с некоторых пор стали избыточными, что создало дополнительные проблемы, связанные с их утилизацией и хранением. Поэтому после окончания холодной войны большинство ядерных держав прекратили производство ядерных материалов для оружия и сделали официальные заявления на этот счет²⁰⁰. В стороне остается лишь Китай, который отвергает все призывы по этому вопросу. На Обзорной конференции ДНЯО 2010 года китайский представитель под угрозой блокирования всего итогового документа этого форума потребовал изъять из него соответствующий тезис о моратории на производство «оружейных» расщепляющихся материалов²⁰¹.

¹⁹⁹ К позиции Украины на Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия: [ДФ НИСИ, март 2000 г.] / М. Будник [и др.]; под ред. А. Шевцова // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <http://www.db.niss.gov.ua/cgi-bin/bsdcc.pl?55> (дата обращения: 22.07.2012).

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора: заключительный документ: [Т. 1–3. Нью-Йорк, 2010] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/451/53/PDF/N1045153.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/574/85/PDF/N1057485.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

Подготовка Конвенции (договора) о ЗПРМ была поручена спецкомитету Конференции по разоружению в соответствии с согласованным в 1995 году мандатом «на ведение переговоров о недискриминационном многостороннем и эффективно контролируемом договоре о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»²⁰².

Однако работа спецкомитета в основном из-за позиции Индии, Пакистана, Китая и Израиля как по вопросам существа проблемы (например, включать ли в договор положение о контроле над запасами расщепляющихся материалов или ограничиться лишь запретом на производство новых материалов; является ли это мерой ядерного разоружения или мерой нераспространения; о применении контроля в зависимости от статуса государств-участников, наличия или отсутствия полного топливного цикла, различия типов ядерных установок, степени обогащения ЯМ на них и т. п.; увязывание Китаем проведения переговоров по ЗПРМ с проблемой неразмещения оружия в космосе), так и по процедурным моментам (создавать ли спецкомитет на постоянной основе или каждый раз решать вопросы о продолжении его работы в начале очередной сессии Конференции по разоружению и др.), по сути, зашла в тупик²⁰³.

Странами, которых коснется договор, являются пять официальных обладателей ядерного оружия и страны, обладающие критическим (с точки зрения возможности создания ЯО) ядерным потенциалом (Индия, Пакистан и Израиль). К этим государствам сегодня надо приплюсовать и КНДР.

Учитывая же, что ядерные страны уже располагают значительными запасами «оружейных» ядерных материалов, главная задача ДЗПРМ будет заключаться в прекращении наращивания таковых у неофициальных обладателей ядерного оружия и предотвращении появления новых ядерных государств. Будет иметь место некоторое дублирование с ДНЯО. И здесь существенное значение приобретает временной фактор. Чем дольше договор будет разрабатываться, тем большими

²⁰² К позиции Украины на Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия: [ДФ НИСИ, март 2000 г.] / М. Будник [и др.]; под ред. А. Шевцова // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <http://www.db.niss.gov.ua/cgi-bin/bsdcc.pl?55> (дата обращения: 22.07.2012).

²⁰³ См. проект договора: Fissile material (cut-off) treaty (FMCT): [draft for discussion prepared by the International panel on fissile materials, February 5, 2009] // International panel on fissile materials. URL: http://fissilematerials.org/library/fmct-ipfm_feb2009draft.pdf (дата обращения: 26.07.2012).

запасами «оружейных» расщепляющихся материалов могут располагать Индия, Пакистан и Израиль. Поэтому мировое сообщество должно быть заинтересовано в скорейшем заключении договора. Хочется надеяться, что за годы работы над этим документом список стран, обладающих соответствующими мощностями, не будет расширен.

Наряду с решением вышеуказанной основной задачи заключение ДЗПРМ, как его видят многие неядерные страны, должно способствовать решению проблем, связанных с ядерным разоружением. В частности, договор, по мнению некоторых государств ДН, должен стать той основой, на которой могли бы начаться переговоры о сокращении ядерных вооружений на многосторонней основе. Разработанные в рамках ДЗПРМ меры содействовали бы повышению эффективности систем учета, контроля и физической защиты ядерных материалов в мире.

Наиболее последовательными сторонниками скорейшего начала переговоров по ЗПРМ остаются ядерные государства, а также страны ЕС, Япония, Канада и др. Правда, надо признать, что ядерная «пятерка» выступает категорически против включения запасов «оружейных» расщепляющихся материалов в сферу охвата будущего соглашения.

На сегодняшний день лишь одна страна блокирует начало переговоров по ДЗПРМ — Пакистан, обосновывая свою позицию высшими национальными интересами. Анализ ситуации, в том числе обострение в конце 2011 года пакистано-американских отношений, не дает достаточно оптимизма, чтобы надеяться на запуск переговоров на КР в ближайшем будущем.

4.3.7. Укрепление нераспространенческих механизмов

Обеспечение эффективного функционирования режима нераспространения — одна из первоочередных задач для продвижения к общей цели освобождения мира от ядерного оружия в соответствии с ДНЯО²⁰⁴.

Ключевым элементом обеспечения уверенности в выполнении государствами — членами ДНЯО, не обладающими ядерным оружием, их нераспространенческих обязательств (статья II Договора) является применение гарантий МАГАТЭ в соответствии со статьей III До-

²⁰⁴ Выступление Руководителя делегации Российской Федерации на первой сессии Подготовительного комитета Конференции 2015 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия по блоку вопросов II (нераспространение и гарантии МАГАТЭ): [Вена, 7 мая 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D4047275F2EF5A5442579FA002817C2 (дата обращения: 22.07.2012).

говора. Это важная предпосылка сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, мера укрепления доверия между государствами.

Сегодня МАГАТЭ — единственная международная организация, обладающая уникальным техническим и экспертным потенциалом проверки соблюдения государствами их нераспространенческих обязательств. Необходимо и дальше последовательно поддерживать контрольную деятельность МАГАТЭ, опираться на авторитет Агентства и техническую компетентность в вопросах применения гарантий²⁰⁵.

По данным МАГАТЭ, гарантии Агентства применяются в 163 странах мира, 160 из которых являются членами ДНЯО. Под гарантиями находятся 1131 установка и 158 670 значимых количеств ядерных материалов²⁰⁶.

С момента своего создания система гарантий МАГАТЭ постоянно совершенствовалась, реагируя на возникающие непростые ситуации в сфере нераспространения, такие как, например, обнаружение незаявленной деятельности, несоблюдение соглашения о гарантиях. Агентство поступательно наращивало опыт проверочной деятельности и учитывало научно-технические разработки в области измерений ядерных материалов и обработки информации²⁰⁷.

Что касается незаявленной ядерной деятельности, то в результате реализации Программы «93+2» в 1997 году Совет Управляющих МАГАТЭ принял типовой Дополнительный протокол (INFCIRC/540) в качестве модели для дополнительных протоколов к соглашениям о всеобъемлющих гарантиях по документу INFCIRC/153²⁰⁸. Как след-

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Кучинов В. П. Развитие атомной энергетики и гарантии МАГАТЭ: выступление на международном форуме «Московская конференция по нераспространению 2010: атомная энергетика, разоружение, нераспространение»: [Москва, 4–6 марта 2010 г.] // Центр энергетики и безопасности. URL: http://ceness-russia.org/data/page/p359_1.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

²⁰⁷ Выступление Руководителя делегации Российской Федерации на первой сессии Подготовительного комитета Конференции 2015 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия по блоку вопросов II (нераспространение и гарантии МАГАТЭ): [Вена, 7 мая 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/6D4047275F2EF5A5442579FA002817C2 (дата обращения: 22.07.2012).

²⁰⁸ Типовой дополнительный протокол к соглашению(ям) между государством(ами) и Международным агентством по атомной энергии о применении энергетики: [INFCIRC/540 (corrected)] // Международное агентство

ствии, у МАГАТЭ появилась возможность проверять точность и полноту сделанных государством заявлений о ядерной деятельности.

Вместе с тем заключение Дополнительного протокола остается сугубо добровольным делом. Это снижает возможный максимальный объем контроля в неядерных государствах и в отдельных случаях не позволяет сделать заключение об отсутствии незаявленного ядерного материала или деятельности.

В этой связи большое значение имеет универсализация Дополнительного протокола. Необходимо, чтобы государства, которые еще не подписали и не ратифицировали его, сделали это как можно скорее.

Сегодня МАГАТЭ и его система гарантий сталкиваются с новыми вызовами. Ожидаемый резкий рост гражданской ядерной энергетики в мире, глобализация торговли ядерным оборудованием и ядерными материалами ведут к значительному увеличению количества ядерных установок и ядерных материалов, которые необходимо поставить под гарантии МАГАТЭ.

В этой связи необходимо поддерживать усилия МАГАТЭ, направленные на повышение технической и экономической эффективности системы гарантий, включая юридические, организационные и технические аспекты этой деятельности.

Для стран, которые подписали и ратифицировали Дополнительный протокол, МАГАТЭ разрабатывает так называемые интегрированные гарантии, обеспечивающие комплексный подход к применению гарантий. Внедрение интегрированных гарантий имеет большое значение для повышения технической и экономической эффективности системы гарантий МАГАТЭ в целом²⁰⁹.

В условиях широкомасштабного развития атомной энергетики в мире и появления новых стран, ранее не обладавших этой энергией, повышается риск распространения технологий, которые могут быть использованы для получения оружейных ядерных материалов.

Вот почему во всех странах, обладающих соответствующими знаниями и технологиями, необходимо введение на законодательном уровне жестких, но объективных критериев, обуславливаю-

по атомной энергии. URL: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/1997/Russian/infcirc540c_rus.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

²⁰⁹ Выступление Руководителя делегации Российской Федерации на первой сессии Подготовительного комитета Конференции 2015 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия по блоку вопросов II (нераспространение и гарантии МАГАТЭ): [Вена, 7 мая 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D4047275F2EF5A5442579FA002817C2 (дата обращения: 22.07.2012).

ших передачи в неядерные государства наиболее чувствительного ядерного оборудования и технологий, таких как обогащение урана и химпереработка отработавшего ядерного топлива. Главный из них — обязательное участие государства-импортера в ДНЯО. Серьезная работа на этом направлении проведена в ГЯП. Важно и дальше укреплять деятельность ГЯП и Комитета Цангера, которые доказали на практике возможность установления согласованного порядка контроля над ядерным экспортом на недискриминационной основе, выработки перечня контролируемых ядерных материалов, оборудования и технологий, а также принципов их передачи в неядерные страны.

Повышение эффективности национальных систем экспортного контроля является важнейшим инструментом борьбы с незаконным оборотом ядерных материалов и технологий, предотвращения несанкционированных передач контролируемых ядерных товаров и технологий²¹⁰.

Необходимо продолжить последовательную реализацию всеми странами положений резолюции СБ ООН 1540, направленной на противодействие «черным рынкам» ОМУ, предотвращение попадания такого оружия и связанных с его созданием материалов, технологий и средств доставки в руки негосударственных субъектов, в первую очередь террористических организаций. Требуется дальнейшей поддержки и укрепления работа Комитета СБ ООН, учрежденного для эффективной реализации положений резолюции 1540.

На сегодняшний день уже многое сделано в плане создания так называемой международной «страховочной сетки» по предотвращению попадания ядерного оружия и ядерных материалов в руки террористов. Совершенствуются национальные системы мониторинга, призванные выявлять несанкционированные перемещения ядерных материалов, повышаются требования к стандартам ядерной физической безопасности²¹¹.

Дальнейшему продвижению на этом направлении будут содействовать договоренности, достигнутые на Саммите по ядерной физической безопасности в Вашингтоне в апреле 2010 года и в Сеуле в марте 2012 года.

Как представляется, дополнительного внимания заслуживает программа МАГАТЭ по борьбе с незаконным оборотом ядерных материалов. В этой связи необходимо отметить важность систематических

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

усилий МАГАТЭ, направленных на укрепление режима физической ядерной безопасности в мире.

В настоящее время работа в МАГАТЭ ведется на основе Плана на 2010–2013 годы с акцентом на укрепление физической ядерной безопасности для предотвращения возможных проявлений ядерного терроризма. Подчеркивая приоритетность физической защиты ядерных материалов, необходимо также обеспечивать безопасность и сохранность радиоактивных веществ и источников.

Среди наиболее важных направлений следует отметить разработку МАГАТЭ серии изданий по физической ядерной безопасности, включая «Цели и основополагающие принципы физической ядерной безопасности», а также рекомендации МАГАТЭ по физической защите ядерных материалов и установок. Отдельного внимания заслуживает программа по ведению базы данных МАГАТЭ по фактам незаконного оборота ядерных материалов и радиоактивных веществ.

Как представляется, только системный подход к выполнению нераспространенческих обязательств участников ДНЯО позволит обеспечить уверенность в мирной направленности национальных ядерных программ, адекватно ответить на новые вызовы и угрозы, не допустить незаявленной ядерной деятельности. В современных условиях, с учетом новых вызовов и угроз, с которыми сталкивается мировое сообщество, еще более возрастает роль МАГАТЭ как единственной международной организации, обеспечивающей необходимый баланс между развитием мирного использования атомной энергии и соблюдением режима нераспространения ядерного оружия²¹².

4.3.8. Мирное использование ядерной энергии

ДНЯО, основная цель которого — полное ядерное разоружение, не создает препятствия в осуществлении права его участников использовать ядерную энергию в мирных целях. Более того, он обязывает государства способствовать этому.

Объективная тенденция развития современного мира — возрастающий интерес к мирной ядерной энергетике. Ее масштабное использование может содействовать решению задач надежного энергообеспечения устойчивого развития мира и проблемы глобального потепления климата. Как отмечается в издании МАГАТЭ «Обзор

²¹² Там же.

ядерных технологий 2009», в течение последних двух лет 55 стран проявили интерес к атомной энергетике²¹³. По имеющимся оценкам, число стран-новичков, на территории которых будут эксплуатироваться ядерные энергетические установки к 2030 году, может достичь 30.

В этом контексте Россия последовательно выступает за широкий доступ государств-членов ДНЯО к благам мирного атома, за развитие международного сотрудничества в этой области и за соблюдение необходимого баланса между освоением атомной энергии в мирных целях и укреплением режима нераспространения ядерного оружия в целом и системы гарантий МАГАТЭ в частности²¹⁴.

Признание права государств на блага мирного атома в очередной раз подтверждены в резолюции Совета Безопасности ООН 1887 от 24 сентября 2009 года, итоговых документах Вашингтонского саммита по ядерной безопасности²¹⁵.

Масштабное использование ядерной энергетики в целях экономического развития требует совместных усилий заинтересованных стран в реализации системного подхода к решению связанных с этим комплексных задач. Россия явилась не только инициатором, но и продолжает оставаться ведущим спонсором Международного проекта МАГАТЭ по инновационным реакторам и топливным циклам — ИНПРО. Этот проект был создан в русле выдвинутой Президентом Российской Федерации на Саммите тысячелетия в ООН инициативе по энергетическому обеспечению устойчивого развития человечества, кардинальному решению проблем нераспространения ядерного

²¹³ Обзор ядерных технологий: доклад Генерального директора: [GC(54)/INF/3, 17 августа 2010 г.]. Вена: МАГАТЭ, 2010. С. 1.

²¹⁴ Выступление Руководителя делегации Российской Федерации на первой сессии Подготовительного комитета Конференции 2015 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия по блоку вопросов II (нераспространение и гарантии МАГАТЭ): [Вена, 7 мая 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/6D4047275F2EF5A5442579FA002817C2 (дата обращения: 22.07.2012).

²¹⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН 1887: [принята Советом Безопасности на его 6191-м заседании, 24 сентября 2009 г.] // Организация Объединенных Наций: Совет Безопасности. URL: <http://www.un.org/russian/documen/sresol/res2009/res1887.htm> (дата обращения: 22.07.2012); Communiqué of the Washington Nuclear security summit: [April 13, 2010]. Washington: Nuclear security summit, 2010. P. 3.

оружия и экологическому оздоровлению планеты Земля. Количество стран, участвующих в ИНПРО, достигло 30²¹⁶.

В июле 2009 года Россия присоединилась к Рамочному соглашению «Международного форума – Поколение IV», другой многосторонней программы, инициированной США в 2001 году. Учитывая схожесть целей этой программы и проекта ИНПРО, представляется целесообразным налаживание более тесного взаимодействия между ними.

Другой успешный пример участия России в многостороннем сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии – проект Международного термоядерного экспериментального реактора – ИТЭР. Разработан инженерный проект реактора, выбрана площадка для его реализации, начаты работы по его практическому воплощению.

Тем не менее проблема мирного использования ядерной энергии во взаимоотношениях высокоразвитых стран, обладающих ядерными технологиями, и со странами «третьего мира», испытывающими потребность в таких технологиях, является предметом острых споров. Неотъемлемое право всех государств – участников ДНЯО в соответствии со статьей IV Договора осуществлять исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях предполагает возможность развития национального ядерного топливного цикла, некоторые элементы которого являются весьма чувствительными с точки зрения нераспространения²¹⁷.

Представляется, что решением этой проблемы, основанным не на отказе в передаче технологии, а на сотрудничестве, было бы обеспечение гарантированного доступа стран, не имеющих собственных установок такого типа и выполняющих все обязательства в области ядерного нераспространения, к ядерному топливу и соответствующим услугам ЯТЦ, включая переработку ОЯТ и обращение с высокоактивными отходами. Этот путь позволяет также снизить экономические затраты этих стран на этапе становления ядерной энергетики.

²¹⁶ Выступление Руководителя делегации Российской Федерации на первой сессии Подготовительного комитета Конференции 2015 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия по блоку вопросов II (нераспространение и гарантии МАГАТЭ): [Вена, 7 мая 2012 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/6D4047275F2EF5A5442579FA002817C2 (дата обращения: 22.07.2012).

²¹⁷ Там же.

Такой подход ограничивает распространение чувствительных технологий ЯТЦ, не препятствуя при этом развитию ядерной энергетики. Основой для решения этих задач могут стать разработка и реализация многосторонних подходов к ядерному топливному циклу, призванных предложить экономически обоснованную и практически осуществимую альтернативу созданию на национальном уровне всех его элементов.

Интернационализация решения проблемы ЯТЦ выгодна с точки зрения экономики, экологии, безопасности, а также нераспространения ядерного оружия. В январе 2006 года Президент Российской Федерации предложил работать вместе для развития глобальной инфраструктуры ядерной энергетики и создания международных центров по оказанию услуг ядерного топливного цикла. Российские инициативы открывают оптимальный путь к воплощению на практике стержневого принципа неразрывной взаимосвязи трех составляющих ДНЯО. При этом необходимо придерживаться правила о том, что расширение доступа к мирному атому возможно только при условии строгого соблюдения самых высоких нераспространенческих стандартов²¹⁸.

Общая задача всех стран ДНЯО, особенно обладателей чувствительных с точки зрения нераспространения технологий, — предотвратить «тиражирование» в мире таких технологий, одновременно обеспечив реализацию законных прав добросовестных участников ДНЯО на развитие атомной энергетики. Именно для реализации такой задачи осуществляются российские инициативы создания в России Международного центра по обогащению урана и гарантированного запаса низкообогащенного урана под управлением МАГАТЭ.

Разумеется, в вопросах передачи технологий и оборудования для мирного использования ядерной энергии просматриваются и «двойные» стандарты. Ярким примером могут служить многолетние попытки США помешать России в связи со строительством атомного реактора в Иране (в Бушере). США считали, что реактор и полученные в процессе его сооружения знания и технологии могут быть использованы Ираном при создании им ядерного оружия, с чем не соглашалась Россия. Поскольку реализация проекта создания атомного реактора в Иране не нарушала ДНЯО, в данной ситуации США действовали не в соответствии с ДНЯО, а вопреки ему²¹⁹.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ К позиции Украины на Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия: [ДФ НИСИ, март 2000 г.] / М. Буд-

Подобные проблемы в очередной раз требуют обращения внимания на практическое наполнение статьи IV ДНЯО, в которой признается неотъемлемое право стран на использование ядерной энергии в мирных целях.

В работе по укреплению режима ДНЯО речь должна идти о создании системы политических рычагов и экономических стимулов, при которых государства были бы заинтересованы не создавать собственные мощности ядерного топливного цикла, но имели бы возможность развивать атомную энергетику, наращивая свой энергетический потенциал²²⁰.

4.3.9. Актуальные задачи по укреплению режима ядерного нераспространения

Проведенный краткий анализ современных проблем международно-правового режима ядерного нераспространения свидетельствует, что без адекватных ответов международного сообщества на новые вызовы в области нераспространения и поиска решений застарелых проблем (еще времен создания ДНЯО) будет достаточно трудно формировать предпосылки для дальнейших шагов в области ядерного разоружения. Вопрос о том, что важнее: разоружение или нераспространение, пока остается открытым. Однако в любом случае, если мы хотим создать благоприятные условия для дальнейшего сокращения стратегических вооружений, необходимо серьезно работать по конкретным задачам в контексте укрепления режима ядерного нераспространения. Среди таковых можно выделить следующие:

- достижение универсальности ДНЯО как неотложной и приоритетной задачи;

- укрепление системы гарантий МАГАТЭ, заключение государствами – участниками ДНЯО соглашений о гарантиях, универсализация Дополнительного протокола к таким соглашениям;

ник [и др.]; под ред. А. Шевцова // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <http://www.db.niss.gov.ua/cgi-bin/bsdcc.pl?55> (дата обращения: 22.07.2012).

²²⁰ Обзор внешней политики Российской Федерации: [431-27-03-2007] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002Ac4DD (дата обращения: 22.07.2012).

– дальнейшее повышение эффективности мер контроля и процедур соблюдения ДНЯО для обеспечения полного выполнения неядерными государствами своих обязательств;

– постановку ядерного расщепляющегося материала, переключаемого ядерными государствами с военного использования на цели мирной ядерной деятельности, под гарантии МАГАТЭ в рамках добровольных соглашений о гарантиях, заключаемых с ядерными государствами;

– скорейшее вступление в силу ДВЗЯИ;

– разблокирование ситуации на Конференции по разоружению, начало и скорейшее завершение переговоров относительно договора о ЗПРМ для целей ядерного оружия;

– введение в действие в полном объеме имеющихся соглашений по созданию ЗСЯО;

– поощрение создания новых ЗСЯО, особенно в регионах, в которых наблюдается напряженность, особое внимание — созданию ЗСО-МУ на Ближнем Востоке;

– предоставление государствам – участникам ДНЯО, не обладающим ядерным оружием, гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия со стороны ядерных государств в виде юридически обязывающего инструмента;

– дополнительные энергичные усилия по осуществлению положений ДНЯО во всех его аспектах в целях предотвращения распространения ядерного оружия без ущерба для использования ядерной энергии в мирных целях государствами – участниками договора;

– обеспечение осуществления неотъемлемого права всех участников ДНЯО развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации, но при строгом соблюдении соглашений и договоренностей в области ядерного нераспространения;

– совершенствование контрольных списков ядерного экспорта, повышение транспарентности в деятельности ГЯП и Комитета Цангера в целях расширения диалога и сотрудничества между ядерными экспортёрами и импортёрами;

– усиление юридических норм механизма нераспространения;

– поступательное продвижение в области ядерного разоружения;

– усиление мер противодействия незаконному обороту ядерных материалов и др.

Разумеется, полный список задач в области укрепления режима ядерного нераспространения намного шире. Однако это не тема данного исследования. Здесь же хотелось отразить наиболее главные из них, которые влияют на проблему контроля над ядерными вооружениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военно-политическая ситуация, в условиях которой формировалась международно-правовая система контроля над вооружениями, в частности над ядерными, сегодня претерпела значительные изменения.

Новые угрозы и вызовы в сфере международной безопасности, неурегулированность региональных конфликтов, проявившаяся в последние годы тенденция возрастания фактора силы в мировых отношениях, острые проблемы в области нераспространения ОМУ и средств его доставки оказали неблагоприятное воздействие на динамику контроля над ядерными вооружениями. Необходимо отметить новую тенденцию — рост дефицита предсказуемости в области международной безопасности. Один из примеров — события в Северной Африке. Повышается опасность вмешательства во внутренние дела суверенных государств под предлогом решения задач нераспространения. Создаются предпосылки для того, чтобы оправдать понижение «порога» применения ядерного оружия.

Но безусловно и то, что и до, и после наступивших перемен система контроля над вооружениями продолжает играть значительную роль в укреплении международной безопасности. В течение многих десятилетий она является существенной составляющей международно-правового поля.

Представляется очевидным, что система контроля над вооружениями в последние годы переживает сложную эволюцию, в ходе которой меняются ее содержание и формы. Да такая система и не может быть застывшей. Она трансформируется сообразно складывающейся стратегической обстановке, меняющемуся балансу сил, исчезновению прежних и появлению новых полюсов военной силы, созданию новых систем вооружений. Поэтому контроль над ядерными вооружениями, как и контроль над другими видами оружия, востребован и будет востребован, пока существуют вооружения и идет постоянное совершенствование военных технологий.

Согласованные действия международного сообщества по нахождению путей дальнейшего продвижения в сфере контроля над вооружениями всегда будут необходимы. Но при этом всякий раз может

возникать потребность в выработке наиболее приемлемых рамок, методов и масштабов такого контроля для новой мировой обстановки.

Современные военно-политические реалии требуют определенной перестройки системы контроля. Но ее целесообразно осуществлять на фундаменте уже существующей международно-правовой базы. Сохранение и укрепление «классической» системы контроля над вооружениями могли бы создать более благоприятный климат для расширения круга разоруженческих вопросов и участников этого процесса.

Осознание исключительной важности режима международного контроля над вооружениями определяет твердую позицию России с момента конституирования ее в качестве независимого государства в пользу его поддержки. основополагающие документы, определяющие внешнюю политику и политику безопасности Российской Федерации, рассматривают контроль над вооружениями в качестве одного из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности.

Так, в соответствии с новой Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной в 2009 году:

– Россия в отношениях с международным сообществом опирается на принципы сохранения стабильности и предсказуемости в области стратегических наступательных вооружений, придает особое значение достижению новых полноформатных двусторонних договоренностей по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений;

– Россия будет содействовать вовлечению других государств, прежде всего владеющих ядерным оружием, а также заинтересованных в совместных действиях по обеспечению общей безопасности, в процесс обеспечения стратегической стабильности;

– Россия будет выступать на международной арене с позиций неизменности курса на участие совместно с другими государствами в укреплении международных механизмов нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки и относящихся к ним товаров и технологий, а также с позиций приверженности контролю над вооружениями;

– Россия будет выполнять действующие договоры и соглашения в области ограничения и сокращения вооружений, участвовать в разработке и заключении новых договоренностей, отвечающих ее национальным интересам;

– Россия готова к дальнейшему обсуждению вопросов сокращения ядерных потенциалов на основе двусторонних договоренностей и в многосторонних форматах, а также будет способствовать созданию

надлежащих условий, позволяющих сокращать ядерные вооружения без ущерба для международной безопасности и стратегической стабильности.

За укрепление многосторонних основ контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения выступает и подавляющее большинство международного сообщества.

В современных условиях необходимы совместные действия по укреплению режима контроля над вооружениями, недопущению расшатывания международно-правовой разоруженческой базы, обеспечению преемственности процесса сокращения вооружений, прежде всего ядерных, предотвращению возникновения «правового вакуума» и новых сфер гонки вооружений. Такую работу надо вести на всех уровнях — на международных форумах, в первую очередь в ООН и на Конференции по разоружению.

Дальнейшие успехи в области разоружения и нераспространения, несомненно, будут зависеть от степени благоприятности обстановки в международных отношениях. Для этого потребуется коллективная политическая воля государств, основанная на внедрении в международную практику атмосферы доверия, открытости и предсказуемости.

Эффективная система международно-правового контроля над вооружениями является одним из необходимых условий реализации идей международного развития в наступившем столетии, поскольку лишь в условиях безопасного мира можно будет построить тот «общечеловеческий дом», о котором столь много говорят политики и дипломаты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. 56/24. Всеобщее и полное разоружение: Сохранение и соблюдение Договора об ограничении систем противоракетной обороны: [по докладу Первого комитета (А/56/536), 10 января 2001 г.] // Организация Объединенных Наций: Генеральная Ассамблея. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/51/PDF/N0147751.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

2. 65/68. Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности: [резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей по докладу Первого комитета (А/65/410), 13 января 2011] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/516/64/PDF/N1051664.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

3. 66/27. Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве: [резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей по докладу Первого комитета (А/66/410), 12 января 2011] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/460/46/PDF/N1146046.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

4. Военная доктрина Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. №706] // Российская газ. URL: http://www.rg.ru/official/doc/ykazi/doc_war.htm (дата обращения: 22.07.2012).

5. Военная доктрина Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. №146] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 22.07.2012).

6. Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений: [26 мая 1972 г.; соглашение вступ. в силу 3 октября 1972 г.] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

7. Второе согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/ff9337d38cd4f38c43256a5a002e645f!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

8. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пленарном заседании Конференции по разоружению: [1 марта 2011 г., Женева] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newline/DC036EDF3687A901C325784600474F50 (дата обращения: 22.07.2012).

9. Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений: [принята в Сочи 6 апреля 2008 г. по итогам российско-американских переговоров] // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/04/163171.shtml> (дата обращения: 22.07.2012).

10. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [от 3 января 1993 г.] // Дипломатический вестник. 1993 (№ 1–2). С. 19–24.

11. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: [8 апреля 2010 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения: 22.07.2012).

12. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов: [от 24 мая 2002 г., Москва] // Дипломатический вестник. 2002. Июнь (№ 6). URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/87b58fff98de2146c3256c16002d5c06!OpenDocument (дата обращения: 22.07.2012).

13. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны: [26 мая 1972 г.] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИП–Центр, 2002. Т. 2. С. 85–89.

14. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

15. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней даль-

ности и меньшей дальности // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

16. Договор о безъядерной зоне южной части Тихого океана (Договор Рапонга): [1985] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 166–171.

17. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой: [подписан в Москве, 5 августа 1963 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

18. Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения: [Москва, Лондон, Вашингтон, 11 февраля 1971 г.] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 163–166.

19. Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договор Тлателолко): [1967] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 147–159.

20. Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке: [1996] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 188–194.

21. Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор): [1995] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 177–185.

22. Договор о нераспространении ядерного оружия: [одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной ассамблеи от 12 июня 1968 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

23. Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов: [проект] // Permanent mission of the Russian Federation to the United Nations office and other international organizations in Geneva. URL: http://www.geneva.mid.ru/disarm/23_rus.html (дата обращения: 26.07.2012).

24. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела: [принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 октября 1966 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/>

ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

25. Договор об Антарктике: [Вашингтон, 1 декабря 1959 г.] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 140–145.

26. Заявление Министерства иностранных дел России о правовом статусе Договора между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [сообщение для печати Департамента информации и печати МИД РФ, 14 июня 2002 г.] // Федеральное государственное унитарное предприятие «Институт стратегической стабильности». URL: <http://iss-atom.ru/sobdog-r/sd-136.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

27. Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе: [Горки, Московская область, 23 ноября 2011 г.] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/news/13637> (дата обращения: 22.07.2012).

28. Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду: [рекомендована для рассмотрения, подписания и ратификации всеми государствами резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1976 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

29. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами: [принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 29 октября 1971 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

30. Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство: [принята резолюцией 3235 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 12 ноября 1974 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

31. Конвенция о физической защите ядерного материала // Нераспространение ядерного оружия: сб. документов / сост. и автор. введения И. А. Ахтамзян; ред. И. А. Ахтамзян, А. В. Загорский, С. В. Кортунов. М.: Международные отношения, 1993. С. 184–199.

32. Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора: заключительный документ: [Т. 1–3; Нью-Йорк, 2010] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement>; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/>

GEN/N10/451/53/PDF/N1045153.pdf?OpenElement ; <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/574/85/PDF/N1057485.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

33. Концепция внешней политики Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 12 июля 2008 г.] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/785> (дата обращения: 22.07.2012).

34. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма: [принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

35. Меморандум о договоренности в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны: [Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/ff9337d38cd4f38c43256a5a002e645f!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

36. Меморандум о договоренности о создании центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомлениями о пусках ракет: [Москва, 4 июля 2000 г.] // Дипломатический вестник. 2000. Июль (№ 7). URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042e43/f8563a60d38d6f15c3256938003fb5b2!OpenDocument (дата обращения: 22.07.2012).

37. Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки: [принята Президентом В. Путиным и президентом Дж. Бушем 24 мая 2002 г. в Москве] // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/05/84410.shtml> (дата обращения: 22.07.2012).

38. О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 22.07.2012).

39. О позиции Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений: [заявл. Гос. Думы, 25 января 2011 г.] // ИПС «Закон». URL: http://ntc.duma.gov.ru/duma_na/asozd/asozd_text.php?nm=4764-5%20%С3%С4&dt=2011 (дата обращения: 22.07.2012).

40. О политике России в области ограничения и сокращения вооружений: [заявление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, 29 января 1992 г.] // Российская газ. 1992. 30 января.

41. О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: федер. закон: [принят Гос. Думой 25 января 2011 г.: одобрен Советом Федерации 26 января 2011 г.] // Российская газ. 2011. 1 февраля.

42. О суммарных количествах СНВ России и США в соответствии с новым Договором о СНВ (справка): [959–27–06–2011] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/50ce23af9ceacf46432569ea00361254/c32577ca00173dc0c32578bc005fee29!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

43. О третьей сессии Двусторонней консультативной комиссии по новому Договору о СНВ: [сообщение для СМИ, 245–08–02–2012] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/bpr_4.nsf/newslines/3F533672651420034425799E00510BA9 (дата обращения: 22.07.2012).

44. Обзор ядерных технологий: доклад Генерального директора: [GC(54)/INF/3, 17 августа 2010 г.]. Вена: МАГАТЭ, 2010.

45. Основные положения военной доктрины Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833] // Красная звезда. 1993. 19 ноября.

46. Основы государственной политики Российской Федерации в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки // Российская газ. 2005. 17 мая.

47. Отношения Россия – НАТО: новое качество: [декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО, 28 мая 2002 г.] // Организация Североатлантического договора. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_19572.htm (дата обращения: 22.07.2012).

48. Первое согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/ff9337d38cd4f38c43256a5a002e645f!OpenDocument> (дата обращения: 22.07.2012).

49. Письмо постоянного представителя Российской Федерации и постоянного представителя Китая при Конференции по разоружению от 12 февраля 2008 года на имя Генерального секретаря Конференции, препровождающее русский и китайский тексты проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК), внесенного Российской Федерацией и Китаем: [CD/1839, February 29, 2008] //

The United Nations office at Geneva. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/604/04/PDF/G0860404.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

50. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации: [Москва, Большой Кремлевский дворец, 5 ноября 2008 г.] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1968> (дата обращения: 22.07.2012).

51. Протокол к Договору между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений [8 апреля 2010 г.] // Президент России. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d2ef6d0dc8b2e65fc5.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

52. Протокол к Договору между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [от 26 сентября 1993 г. (1997)] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 123–124.

53. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/start1/lib-agr.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

54. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны: [3 июля 1974 г.] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 90–91.

55. Резолюция СБ ООН 1540: [принята Советом Безопасности на его 4956-м заседании 28 апреля 2004 г.] // 1540 Committee. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/328/45/PDF/N0432845.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

56. Резолюция Совета Безопасности ООН 1887: [принята Советом Безопасности на его 6191-м заседании, 24 сентября 2009 г.] // Организация Объединенных Наций: Совет Безопасности. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2009/res1887.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

57. Резолюция Совета Безопасности ООН 255: [19 июня 1968 г.] // ПИР–Центр. URL: <http://www.pircenter.org/WebHelp/dss/sboon255.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

58. Резолюция Совета Безопасности ООН 984: [принята Советом Безопасности на его 3514-м заседании, 11 апреля 1995 г.] // Организация Объ-

единенных Наций: Совет Безопасности. URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1995/res984.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

59. Руководящие принципы ядерного экспорта // Нераспространение ядерного оружия: сб. документов / сост. и автор. введения И. А. Ахтамзян; ред. И. А. Ахтамзян, А. В. Загорский, С. В. Кортунов. М.: Международные отношения, 1993. С. 199–213.

60. Совместная декларация о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной: [20 января 1992 г.] // Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.]; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002. Т. 2. С. 176.

61. Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений: [от 21 марта 1997 г., Хельсинки] // Кодекс: электронный фонд нормативных документов. URL: <http://docs.kodeks.ru/document/901857459> (дата обращения: 22.07.2012).

62. Совместное заявление о пятом рассмотрении Договора по ПРО: [Женева, 14 октября 1998 г.] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/Rus/docs/js98.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

63. Совместное заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша о Глобальной инициативе по борьбе с актами ядерного терроризма: [Санкт-Петербург, 15 июля 2006 г.] // G8: Summit 2006. URL: <http://g8russia.ru/docs/5.html> (дата обращения: 22.07.2012).

64. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений: [Лондон, 1 апреля 2009 г.] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/167 (дата обращения: 22.07.2012).

65. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы по вопросам ПРО: [Москва, 6 июля 2009 г.] // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219077.shtml/> (дата обращения: 22.07.2012).

66. Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений: [6 июля 2009 г.] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/36 (дата обращения: 22.07.2012).

67. Совместное российско-американское заявление по Договору о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: [Нью-Йорк, 25 октября 2007 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.int/russia/new/MainRootrus/docs/off_news/281007/newru2.htm (дата обращения: 22.07.2012).

68. Совместное советско-американское заявление: [24 ноября 1974 г.] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/vl-agr.txt> (дата обращения: 22.07.2012).

69. Совместные российско-американские заявления в связи с завершением срока действия Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений: [4 декабря 2009 г.] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/6243> (дата обращения: 22.07.2012).

70. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах: [принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

71. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство: [принята резолюцией 2345 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1967 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 22.07.2012).

72. Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока: [принята резолюцией 3263 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1974 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/741/83/IMG/NR074183.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

73. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: [утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537] // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 22.07.2012).

74. Текст Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. URL: <http://armscontrol.ru/start/rus/docs/start-11a.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

75. Текст Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: [Семипалатинск, 8 сентября 2006 г.] // Посольство Республики Узбекистан в Российской Федерации. URL: <http://www.uzembassy.ru/2612.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

76. Типовой дополнительный протокол к соглашению(ям) между государством(ами) и Международным агентством по атомной энергии о применении энергии: [INFCIR/540 (corrected)] // Международное агентство

по атомной энергии. URL: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/1997/Russian/infcirc540c_rus.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

77. Active engagement, modern defence: strategic concept for the defence and security of the members of the North Atlantic treaty organization: [adopted by heads of state and government at the NATO summit in Lisbon, 19–20 November, 2010]. Brussels: NATO, 2010.

78. Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Poland concerning the deployment of ground-based ballistic missile defense interceptors in the territory of the Republic of Poland. [Warsaw, August 20, 2008] // Ministry of foreign affairs of the Republic of Poland. URL: <http://www.ms.gov.pl/files/Akty%20prawne/umowy%20miedzynarodowe/dwustronne/BMDA%20English%20version.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

79. Agreement between the United States of America and the Czech Republic on the status of United States forces present in the territory of the Czech Republic: [London, September 19, 2008] // Embassy of the United States: Prague, Czech Republic. URL: http://www.aic.cz/press/Agreement_on_status_us_forces.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

80. Agreement between the United States of America and the Czech Republic on establishing a United States ballistic missile defense radar site in the Czech Republic: [Prague, July 8, 2008] // FAS: Federation of American scientists. URL: <http://www.fas.org/irp/news/2008/07/radar.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

81. Amendment to the Convention on the physical protection of nuclear materials: [July 8, 2005] // IAEA: International atomic energy agency. URL: <http://ola.iaea.org/OLA/treaties/FullText.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

82. America's strategic posture: the final report of the congressional Commission on the strategic posture of the United States: [authorized ed.] / H. Cartland [et al.]; chair. W. J. Perry, vice-chair. J. R. Schlesinger. Washington: United States institute of peace press, 2009.

83. Assistant secretary of state Rose Gottemoeller: opening statement at the Conference on disarmament: [as prepared, Geneva, January 24, 2012] // The United Nations office at Geneva. URL: [http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/\\$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf](http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf) (дата обращения: 22.07.2012).

84. Assistant secretary of state Rose Gottemoeller: opening statement at the Conference on Disarmament: [as prepared, Geneva, January 24, 2012] // The United Nations Office at Geneva. URL: [http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/\\$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf](http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/%28httpAssets%29/85D8DC50ACB0481AC125798F0052E422/$file/US+Ms.+Rose+Goetemoller.pdf) (дата обращения: 22.07.2012).

85. Ballistic missile defense agreement between the United States of America and Romania: [fact sheet, September 13, 2011] // U. S. Department of state: Office of the speakperson. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/09/172258.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

86. Ballistic missile defense review report. Washington: Department of defense, 2010. February.

87. Baruch plan: [presented to the United Nations Atomic energy commission, June 14, 1946] // Atomic Archive. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/BaruchPlan.shtml> (дата обращения: 22.07.2012).

88. China's national defense in 2010: [Information office of the State council, Beijing, March 2011] // Xinhua. 2011. 31 March.

89. Communiqué of the Washington Nuclear security summit: [April 13, 2010]. Washington: Nuclear security summit, 2010.

90. Comprehensive nuclear-test-ban treaty // CTBTO: Preparatory commission for the comprehensive nuclear-test-ban treaty. URL: http://www.ctbto.org/fileadmin/content/treaty/treaty_text.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

91. Congressional record: proceedings and debates of the 109th Congress: [first session]. Washington: U. S. Government printing office, 2005. Vol. 151.

92. Congressional records – House, May 18, 2012: Sec. 1065A. Limitation on availability of funds for retirement of strategic delivery systems // U. S. Government printing office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CREC-2012-05-18/pdf/CREC-2012-05-18-pt1-PgH3109-3.pdf#page=29> (дата обращения: 22.07.2012).

93. Défense et sécurité nationale: le livre blanc / Préface de N. Sarkozy. Paris: Odile Jacob; La documentation française, 2008. Juin.

94. Deterrence and defence posture review: [press release (2012) 063, issued on May 20, 2012] // NATO. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87597.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 22.07.2012).

95. Doctrine for joint nuclear operations: [final coordination (2), March 15, 2005] // GlobalSecurity.org. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/jp3_12fc2.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

96. DoD review recommends reduction in nuclear forces: [immediate release, September 22, 1994] / News release. Washington: Office of Assistant secretary of defense (public affairs). 1994.

97. Fact sheet on U. S. missile defense policy: a «Phased, adaptive approach» for missile defense in Europe: [for immediate release, September 17, 2009] // The White house: Office of the press secretary. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/FACT-SHEET-US-Missile-Defense-Policy-

A-Phased-Adaptive-Approach-for-Missile-Defense-in-Europe (дата обращения: 22.07.2012).

98. Fissile material (cut-off) treaty (FMCT): [draft for discussion prepared by the International panel on fissile materials, February 5, 2009] // International panel on fissile materials. URL: http://fissilematerials.org/library/fmct-ipfm_feb2009draft.pdf (дата обращения: 26.07.2012).

99. Foreign missile developments and the ballistic missile threat through 2015: [unclassified summary of a National intelligence estimate]. Washington: National foreign intelligence board, 2001. December.

100. Future of the United Kingdom's nuclear deterrent: [presented to Parliament by the Secretary of state for defence and the Secretary of state for foreign and Commonwealth affairs, by command of Her Majesty, December 2006]. Norwich: The Licensing Division, HMSO, 2006.

101. General assembly Fifty-seventh session: [official records: 57th plenary meeting, November 22, 2002, 10 a.m., New York] // United Nations. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/705/84/PDF/N0270584.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2012).

102. H. R. 2100. National defense authorization act for fiscal years 1992 and 1993: [became public law, May 12, 1991] // Thomas: The Library of Congress. URL: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/C?c102:./temp/~c102HZ6VHi> (дата обращения: 22.07.2012).

103. H. R. 4310. National defense authorization act for fiscal year 2013: [passed the House of representatives, May 18, 2012] // U. S. Government printing office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-112hr4310eh/pdf/BILLS-112hr4310eh.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

104. Joint statement on the U. S.-Poland ballistic missile defense agreement: [media note, September 15, 2011] // U. S. Department of state: Office of the speakperson. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/09/172439.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

105. National security Space strategy: [unclassified summary, January 2011]. Washington: Department of defense; Office of the Director of national intelligence, 2011.

106. National security strategy of the United Kingdom: security in an interdependent world: [presented to Parliament by the Prime Minister, by command of Her Majesty, March 2008]. Norwich: The Licensing Division, HMSO, 2008.

107. National Space policy of the United States of America [June 28, 2010] // NASA history program office. URL: http://history.nasa.gov/national_space_policy_6-28-10.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

108. New START Treaty: resolution of advice and consent: [December 22, 2010] // U. S. Department of state: Bureau of arms control, verification and compliance. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/153910.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

109. New START Treaty aggregate numbers of strategic offensive arms: [fact sheet, April 6, 2012] // U. S. Department of state: Bureau of arms control, verification and compliance. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/178058.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

110. Note by the executive secretary to the National security council on U. S. scientific satellite program: [NSC 5520 (secret), May 20, 1955] // Mount Holyoke college. URL: <http://www.thespacereview.com/archive/995b.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

111. Note by the executive secretary to the National security council on U. S. policy on Outer space: [NSC 5918 (secret), December 17, 1959] // The George C. Marshal Institute. URL: <http://www.marshall.org/pdf/materials/808.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

112. NSPD-23: national policy on ballistic missile: [the White house, Washington, December 16, 2002] // FAS: Federation of American scientists URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

113. Nuclear posture review report: [unclassified cover letter to Congress; the report is a classified document, January 10, 2002] // United States Department of defense. Defense.gov. URL: <http://www.defense.gov/news/Jan2002/d20020109npr.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

114. Nuclear posture review report. Washington: Department of defense, 2010. April. URL: <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

115. Perry, W. Annual report to the President and Congress. Washington: U. S. Government printing office, 1995. February.

116. Prepared testimony U. S. Secretary of defense Donald H. Rumsfeld: [Senate Armed services committee, June 21, 2001] // United States Senate Committee on Armed Forces. URL: <http://www.armed-services.senate.gov/statemnt/2001/010621rumsfeld.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

117. Proliferation security initiative: statement on interdiction principles: [Washington, September 4, 2003] // U. S. Department of state. URL: <http://www.state.gov/t/isn/c27726.htm> (дата обращения: 22.07.2012).

118. Reed T., Wheeler M. O. The role of nuclear weapons in the new world order: [presented to Committee on Armed Services, U. S. Senate, 23 January 1992]. Washington, 1992.

119. Resolution on Middle East: [NPT/CONF.1995/32 (Part I), Annex] // UNODA: United Nations office for disarmament affairs. URL: http://www.un.org/disarmament/WMD/Nuclear/1995-NPT/pdf/Resolution_MiddleEast.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

120. Romulo A. G. Unchanging principles in changing times: transforming commitment into action: [reading version — as of 10:00 AM, 3 May, 2010] / 2010 review conference of the Nuclear non-proliferation treaty. New York: United Nations, 2010.

121. S. 269. National missile defense act of 1999: [106th Congress (1999–2000)] // U. S. Government printing office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-106s269pcs/pdf/BILLS-106s269pcs.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

122. Securing Britain in an age of uncertainty: the strategic defence and security review: [presented to Parliament by the Prime Minister, by command of Her Majesty, October 2010]. Norwich: The Licensing Division, HMSO, 2010.

123. Space millennium: Vienna declaration on Space and human development: [the states participating in the Third United Nations conference on the Exploration and peaceful uses of Outer space (UNISPACE III), held in Vienna from 19 to 30 July 1999 // United Nations office for Outer space affairs. URL: <http://www.unoosa.org/pdf/reports/unispace/viennadecle.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

124. Statement by H. E. Mr. Cheng Jingye head of the Chinese delegation to the first session of the Preparatory committee for the 2015 review conference of the parties to the Treaty on the non-proliferation of nuclear weapons: [Vienna, April 30, 2012] // 2015 review conference of the parties to the Treaty on the non-proliferation of nuclear weapons (NPT). URL: <http://www.un.org/disarmament/WMD/Nuclear/NPT2015/PrepCom2012/statements/20120430/China.pdf> (дата обращения: 22.07.2012).

125. Statement on capabilities: [issued at the meeting of the North Atlantic council in defence ministers session, June 6, 2002] // North Atlantic Treaty organization. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19567.htm (дата обращения: 22.07.2012).

126. Staying prepared against ballistic missiles: [prepared statement Lt. Gen. Malcolm R. O'Neil, USA, director, Ballistic missile defense organization, House National security committee, March 7, 1996, and Strategic Forces Subcommittee, Senate Armed Se, Friday, March 8, 1996] // U. S. Department of defense: Office of the Assistant secretary of defense (public affairs). URL: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=921> (дата обращения: 22.07.2012).

127. Sun Tz . The art of war / Transl. by L. Giles ; ed. by A. H. István. S.I.: Pax librorum publishing house, 2009.

128. Text of the «Basic principles of relations between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics»: [May 29, 1972] // The American presidency project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=3438> (дата обращения: 22.07.2012).

129. U. S. national Space policy: [Presidential decision directive/NSC-49/NSTC-8, September 14, 1996] // NASA history program office. URL: http://history.nasa.gov/ostp_space_policy06.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

130. United Kingdom's future nuclear deterrent: [submarine initial gate parliamentary report, May 2011] // Ministry of defence. URL: http://www.mod.uk/NR/rdonlyres/7F9F5815-C67B-47B1-B5C4-168E8AB50DC3/0/submarine_initial_gate.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

Исследования

1. Арбатов А. Г. Россия и США — пора выходить из стратегического тупика: брифинг / Моск. центр. Карнеги, 2008, июнь (Т. 10. Вып. 3).

2. Банн Дж., Тимербаев Р. М. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам: научные записки / ПИР — Центр политических исследований в России. 1996 (№ 1).

3. Белоус В. С. ПРО США: мечты и реальность. М.: Национальный институт прессы, 2001.

4. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1974.

5. Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения: реальность или миф? / А. Г. Арбатов [и др.]; под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

6. Витковский А. И. Национальная безопасность: понятие и нормативное правовое обеспечение // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2010 [№ 17(403)]. С. 6–25.

7. Дорофеев В. США: использование космоса в военных целях // Зарубежное военное обозрение. 2001 (№ 5–6).

8. История дипломатии: [В 5 т.] / А. С. Аникин [и др.]; под ред. А. А. Громыко [и др.]. М.: Издательство политической науки, 1959–1974.

9. Кортунов С. В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности: [уч. пособие] / С. В. Кортунов; науч. ред. и рец. М. З. Шкундин. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2008.

10. Космос: оружие, дипломатия, безопасность / А. Г. Арбатов [и др.]; под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина; Моск. центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

11. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: АГГРАФ, 1998.

12. Национальная противоракетная оборона США: последствия для стратегической стабильности и контроля над вооружениями: научные записки / В. Г. Барановский [и др.]; под ред. И. А. Сафранчука; ПИР — Центр политических исследований в России. 2000 (№ 15).

13. Неядерные факторы ядерного разоружения (противоракетная оборона, высокоточные обычные вооружения, космическое оружие) / А. Г. Арбатов [и др.]. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

14. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров [и др.]. М.: НОФМО, 2002.

15. Перспективы трансформации ядерного сдерживания / А. Г. Арбатов [и др.]; под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

16. Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.

17. Проблемы и перспективы сотрудничества России с США/НАТО в сфере противоракетной обороны / Е. П. Бужинский [и др.]; под ред. В. И. Трубникова. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

18. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия / В. А. Орлов [и др.]. М.: ПИР—Центр, 2001.

19. Россия и дилеммы ядерного разоружения / А. Г. Арбатов [и др.]; под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

20. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / отв. ред. В. И. Гантман. М.: Наука, 1984.

21. Слипченко В. И. Ядерное сдерживание? (аргументы и факты) // Международная жизнь. 2001. Декабрь (№ 12).

22. Современные ядерные доктрины государств / А. Г. Арбатов [и др.]. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

23. Стратегическая стабильность после холодной войны / А. Г. Арбатов [и др.]. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

24. Стратегическое ядерное вооружение России / О. А. Бухарин [и др.]; под ред. П. Л. Подвига. М.: Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, 1998.

25. Тимербаев Р. М. О ядерном потенциале и ядерной политике Китая // Ядерный контроль. 2005. Зима [№ 4(78), Т. 11]. С. 83–98.

26. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.

27. Шевцов, А. Договор по ПРО на современном этапе и перспективы сохранения его жизнеспособности: научные записки / ПИР — Центр политических исследований в России. 1996 (№ 3).

28. Ядерное нераспространение: В 2 т. / И. А. Ахтамзян [и др.] ; под общ. ред. В. А. Орлова. М.: ПИР–Центр, 2002.

29. Ядерное оружие Великобритании, Франции, Китая / Ин-т стратег. стабильности гос. корпорации по атом. энергии «Росатом»; [подгот.: В. А. Дронов и др.]. М.: Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2012.

30. Ядерное оружие и национальная безопасность / Ин-т стратег. стабильности гос. корпорации по атом. энергии «Росатом»; [подгот.: В. П. Варова и др.]. М.: Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2008.

31. Ядерное оружие после «холодной войны» / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина; Моск. центр Карнеги. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

32. Ядерное разоружение, нераспространение, энергетика: перспективы сотрудничества между Россией и США / А. Г. Арбатов [и др.]; под ред. В. Г. Барановского. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

33. Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / А. Г. Арбатов [и др.]; под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина; Моск. центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

34. Civiak R. L. More works for the weapons labs, less security for the nation: an analysis of the Bush administration's nuclear weapons policy / Report for Tri-Valley CAREs. Livermore: Communities against a radioactive environment, 2002.

35. Civiak R. L. The reliable replacement warhead program: a slippery slope to new nuclear weapons / Report for Tri-Valley CAREs. Livermore: Communities against a radioactive environment, 2006.

36. Davies M. E., Harris, W. R. RAND's role in the evolution of balloon and satellite observation systems and related U. S. space technology. Santa Monica: The RAND Corporation, 1988.

37. Does Britain need Nuclear Weapons? A report from the British Pugwash group / C. R. Hill, R. E. Pease, R. E. Peierls, J. Ritblat. London: The British Pugwash group, 1995.

38. Dunn L. A. Deterrence today: roles, challenges, and responses: proliferation papers [in collaboration with the Atomic energy commission]. Paris: IFRI security studies center, 2007.

39. Hall R. C. The Evolution of U. S. national security space policy and its legal foundations in the 20th century // Journal of Space law. 2007. Summer (Vol. 33, No. 1). P. 1–103.

40. International arms control: issues and agreements / ed. by C. B. Blacker, G. Duffy. 2nd ed. Stanford: Stanford university press, 1984.

41. Javits E. M. A U. S. perspective on Space // Future security in Space: commercial, military, and arms control trade-offs / P. J. Baines [et al.]; ed.-in-chief L. S. Spector. Monterey: Center for nonproliferation studies. P. 51–53.

42. Lichterman A. M. Looking for new ways to use nuclear weapons: U. S. counterproliferation programs, weapons effects research, and “mini-nuke” development / Western states legal foundation information bulletin. Oakland: Western states legal foundation, 2001. Winter.

43. Nolan J. E. An elusive consensus: nuclear weapons and American security after the Cold war. Washington: Brookings institution press, 1999.

44. Rassmussen M., Hafez M. M. Terrorist innovations in weapons of mass effect: preconditions, causes, and predictive indicators. Ft. Belvoir: Defense threat reduction agency: Advanced systems and concepts office, 2010. October.

45. Solis G. D. The law of armed conflict: international humanitarian law in war. New York: Cambridge university press, 2010.

46. Steinbruner J. Can Arms Control Be Revived? // Arms Control Today. 2005. March (Vol. 35, No. 2).

47. Toward true security: a US nuclear posture for the next decade / B. G. Blair [et al.]. Washington: Federation of American scientists; Natural resources defense council; Union of concerned scientists, 2001. June.

Справочные издания

1. Контроль над вооружениями и военной деятельностью: справочник / А. С. Борисенко [и др.]. М.: ПИР–Центр, 2001.

2. Нераспространение ядерного оружия: сб. документов / сост. и автор. введения И. А. Ахтамзян; ред. И. А. Ахтамзян, А. В. Загорский, С. В. Коргунов. М.: Международные отношения, 1993.

3. Ядерное нераспространение: краткая энциклопедия / И. А. Ахтамзян [и др.]; гл. ред. А. В. Хлопков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР–Центр, 2009.

Электронные ресурсы

1. Бочаров И. Ф. Современные аспекты ядерной политики США // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009 (№ 2). URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=143> (дата обращения: 22.07.2012).

2. Дронов В. А. Эволюция теории стратегической стабильности в контексте изменений в американской политике сдерживания в 2001–

2010 г. // Федеральное государственное унитарное предприятие «Институт стратегической стабильности». URL: http://www.iss-atom.ru/articel_iss/dropov_11_01.pdf (дата обращения: 28.07.2012).

3. Есин В. О ядерной политике России: [докл. на 2-й междунаро- д. конф. по стратегич. стабильности] // Фонд поддержки военной реформы. URL: http://www.milrf.ru/conference/cf_030604/5ru_esin.htm (дата обращения: 28.07.2012).

4. К позиции Украины на Конференции по рассмотрению Догово- ра о нераспространении ядерного оружия: [ДФ НИСИ, март 2000 г.] // Національний інститут стратегічних досліджень. URL: http://www.db.niss.gov.ua/docs/dis/konf_dn_4.htm#ref0 (дата обращения: 22.07.2012).

5. Кучинов В. П. Развитие атомной энергетики и гарантии МАГАТЭ: выступление на международном форуме «Московская конференция по нераспространению 2010: атомная энергетика, разоружение, нераспространение»: [Москва, 4–6 марта 2010 г.] // Центр энергетике и безопасности. URL: http://ceness-russia.org/data/page/p359_1.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

6. Пятёрка ядерных государств призывает Иран выполнить требования Совета Безопасности: [Нью-Йорк, 6 мая 2010 г.] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/printnews.asp?newsID=13529> (дата обращения: 22.07.2012).

7. Россия и Китай представили проект документа о предотвраще- нии размещения оружия в космосе: [Корр. РИА «Новости», Москва, 3 июля 2002 г.] // РИА «Новости». URL: <http://www.russianwinter.rian.ru/politics/20020703/185305.html> (дата обращения: 22.07.2012).

8. Совет Россия – НАТО публикует новый сводный глоссарий по со- трудничеству: [4 мая 2011 г.] // Организация Североатлантического альян- са. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_73197.htm (дата обра- щения: 22.07.2012).

9. Современные ядерные доктрины государств / А. Г. Арбатов, В. З. Дворкин, С. К. Ознобищев. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

10. Троицкий М. А. Уйти от сдерживания: длинные циклы российско- американских отношений // Россия в глобальной политике. 2010. 23 октя- бря. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Uiti-ot-sderzhivaniya-15014> (дата обращения: 28.07.2012).

11. America withdraws from ABM treaty: [Thursday, December 13, 2001, 18:17 GMT] // BBC. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1707812.stm> (дата обращения: 22.07.2012).

12. Britannica online Encyclopedia. URL: <http://www.britannica.com/> (дата обращения: 22.07.2012).

13. Charap S., Troitskiy M. Beyond mutually assured destruction // Valdaic discussion club. URL: <http://valdaiclub.com/usa/27901.html> (дата обращения: 28.07.2012).

14. Giacomo C. U. S. to let START nuclear treaty expire // Reuters. 2007. 22 May. URL: <http://www.reuters.com/article/2007/05/22/us-usa-russia-start-idUSN2242996020070522> (дата обращения: 22.07.2012).

15. Li Bin. China: a crucial bridge for the 2005 NPT review conference // Arms control today. 2005. January/February. URL: http://www.armscontrol.org/act/2005_01-02/Li (дата обращения: 22.07.2012).

16. Pellerin Ch. Spain will port U. S. ships to support NATO missile defense: [Brussels, October 5, 2011] // U. S. Department of Defense: American forces press service. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=65568> (дата обращения: 22.07.2012).

17. Wittmann K. NATO's new strategic concept: an illustrative draft; [September 2010] // NATO Watch. URL: http://www.natowatch.org/sites/default/files/Natos_new_Strategic_Concept_-_An_Illustrative_Draft.pdf (дата обращения: 22.07.2012).

Периодические издания

1. Арбатов А. Г. Тонкий политический инструмент: ядерное сдерживание и распространение — это ключевые понятия международной безопасности за последние полвека с лишним // Независ. воен. обозрение. 2003. 5 декабря.

2. Арбатов А. Г. Ядерное сдерживание: реальности и химеры // Независ. воен. обозрение. 2004. 14 мая.

3. Белоус В. С. Ядерное оружие как залог стабильности // Независ. воен. обозрение. 2003. 21 января.

4. Караганов С. А. Преодолеть «сдерживание»: Россия имеет возможность не очень бояться третьей мировой войны, хотя возникают хрестоматийные условия для ее развязывания // Российская газ. 2011. 6 апреля.

5. Кузнецов В. Россия и США завершают инспекционную деятельность по договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // ИТАР-ТАСС. 2001. 13 февраля.

6. Лященко А. Реанимация гонки ядерных вооружений // Красная звезда. 2005. 16 августа.

7. Примаков Е. М., Иванов И. С., Велихов Е. П., Моисеев М. А. От ядерного сдерживания к общей безопасности // Известия. 2010. 15 октября.

8. Семейко Л. С. Контроль над вооружениями каждый понимает по-своему: придется искать современные подходы к решению проблем военной безопасности // Независ. воен. обозрение. 2005. 2 декабря.

9. Федоров А. Америка готовится к ядерным ударам // Независ. воен. обозрение. 2005. 8 июля.

10. Храмчихин А. А. Иллюзия ядерного сдерживания // Воен.-промышлен. курьер. 2010. 24 марта.

11. Россия нападать не будет // Коммерсантъ. 1995. 13 апреля [№ 67(785)].

12. Arkin W. M. Secret plan outlines the unthinkable // Los Angeles times. 2002. 10 March.

13. Nuclear weapons officials agree to pursue RPW strategy // NNSA newsletter. Washington: National Nuclear Security Administration, 2007. February. P. 1–2.

14. Q&A: ElBaradei, feeling the nuclear heat // The Washington post. 2005. 30 January.

Научное издание

Антонов Анатолий Иванович

**КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ:
история, состояние, перспективы**

Ведущий редактор *Н. А. Богатырева*

Редактор *Т. Б. Рябикова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 31.08.2012.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

